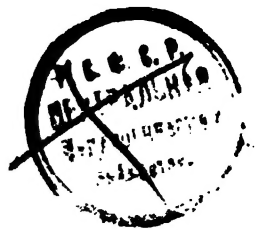

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIII, выпускъ 3.

ПИНЧУКИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

ПѢСНИ, ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ОБРЯДЫ, ПРИМѢТЫ, ПРЕДРАЗСУДКИ, ПОВѢРЬЯ, СУЕВѢРЬЯ И МѢСТНЫЙ СЛОВАРЬ.

СОБРАЛЪ
ВЪ ПИНСКОМЪ УѢЗДѢ МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ
Д. Г. БУЛГАКОВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., д. № 45).
1890.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

XIII-й томъ Записокъ Имп. Р. Г. Общества по Отдѣленію Этнографіи изданъ подъ редакціей чл.-с. **Ѳ. М. Истомина.**

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Настоящій трудъ является результатомъ собирательской дѣятельности священника о. Дмитрія Гавріиловича Булгаковскаго, который, въ 70-хъ годахъ, проведя нѣсколько лѣтъ службы въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи, посвящалъ свои досуги посильному собиранію памятниковъ мѣстнаго народнаго творчества. Этнографическій матеріалъ, помѣщаемый въ настоящемъ Сборникѣ, представляется интереснымъ потому уже, что характеризуетъ обитателей мѣстности завѣдомо глухой, отдѣленной отъ остальнаго міра непроходимыми лѣсами и болотами; собранный въ 70-хъ годахъ, онъ является особенно цѣннымъ въ виду того, что съ тѣхъ поръ произошло уже не мало перемѣнъ, въ значительной мѣрѣ оживившихъ этотъ уголокъ; существующая нынѣ желѣзная дорога, пересѣкающая Полѣсье, безъ сомнѣнія, не осталась безъ вліянія на бытъ мѣстныхъ жителей, способствуя изчезновенію стародавнихъ его особенностей, забвенію стараго первобытнаго міровоззрѣнія и замѣнѣ его новымъ, безъ сомнѣнія болѣе просвѣщеннымъ, но лишеннымъ уже той поэтической первобытной простоты, которая навѣяна Пинчукамъ окружающей природой—лѣсами и болотами.

Въ Сборникѣ помѣщено 257 пѣсенъ разнообразныхъ по своему содержанію, съ характеристикой ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ и о языкѣ ихъ, 210 загадокъ съ соотвѣтствующими отгадками и 65 пословицъ и поговорокъ; сверхъ того, для характеристики міровоззрѣнія Пинчуковъ приведенъ рядъ мѣстныхъ обрядовъ, примѣтъ, предразсуд-

ковъ, повѣрій и суевѣрій, а также воззрѣніе Пинчуковъ на загробную жизнь. Приводимыя собирателемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мѣстныя слова, нами при редактированіи выдѣлены особо и представлены въ видѣ словарика, который, полагаемъ, будетъ не лишнимъ въ качествѣ матеріала для болѣе солиднаго областного словаря.

Не смотря на ограниченность района, въ собранномъ матеріалѣ проявляется иногда разнообразіе въ говорѣ, которое обусловлено мѣстными отличіями; въ виду этого нельзя не пожалѣть, что собирателемъ не отмѣчены своевременно болѣе точнымъ образомъ мѣста записей того или иного матеріала; отсутствуетъ также и отмѣтка удареній какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ словахъ вообще, что для характеристики мѣстнаго пѣснотворчества и мѣстнаго говора было бы весьма важнымъ. Возстановленіе того и другаго путемъ сношеній съ собирателемъ намъ не удалось, въ виду того, что о. Булгаковскій, перемѣнивъ мѣсто службы, не рѣшался только по памяти возстановлять эти существенныя по своему значенію отступленія. Полагаемъ однако, что это обстоятельство не умаляетъ достоинства и значенія представленнаго здѣсь этнографическаго матеріала.

Ѳ. Истоминъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Пинчуки, они же и Полѣшуки, обитатели Пинскаго уѣзда, Минской губерніи, входящей въ составъ Сѣверо-Западнаго края, отличаются отъ всѣхъ другихъ жителей этой окраины своими бытовыми особенностями, а еще болѣе языкомъ. Нынѣшній живой говоръ Пинчуковъ и памятники словеснаго творчества ихъ старины свидѣтельствуютъ о томъ, что они далеко не въ такой степени подпали вліянію чуждыхъ элементовъ, какъ другіе жители Минской губерніи и вообще Сѣверо-Западнаго края. Самая мѣстность ихъ населенія, окруженная лѣсами и непроходимыми болотами, дѣлая ихъ неподвижными и замкнутыми въ самихъ себя, пріучила Пинчуковъ недовѣрчиво относиться ко всему, что лежитъ за предѣлами ихъ лѣсовъ и болотъ. Побывать въ уѣздномъ городѣ составляетъ цѣлое событіе для Пинчука на всю его жизнь. Губернскій же городъ Минскъ Пинчуки считаютъ уже «поганою Литвою», гдѣ, по ихъ представленіямъ, живутъ ляхи-католики. Благодаря этой уединенности и замкнутости, Пинчуки въ цѣлости сберегли древне-славянскій типъ, перенесенный изъ отдаленной русской старины.

Та же замкнутость Пинчуковъ и дикость окружающей природы, мракъ и таинственность лѣсовъ, необозримыя и непроходимыя болота, населенныя безчисленными гадами и пернатыми, обиліе физическихъ и особенно метеорологическихъ явленій, все это вмѣстѣ содѣйствовало широкому развитію фантазіи ихъ. Лѣшіе, русалки и «всякая поганщина» питаютъ ихъ воображеніе, пугаютъ ихъ чуть ли не съ колы-

бели до самой могилы. Даже въ могилѣ часто неспокойно лежится Пинчуку. Оттого, какъ бы въ огражденіе себя отъ всѣхъ страховъ поганщины и ея напастей, Пинчуки создали массу разнообразныхъ обрядовъ, суевѣрій, повѣрьевъ, предразсудковъ со всѣми обиходами, часто напоминающими эпоху языческой старины. Обряды «Купайла», «Коляды», «Щедрухи», «Новаго года» и проч. содержатъ въ себѣ много интереснаго. Не менѣе интересны воззрѣнія ихъ на загробную жизнь, имѣющія совсѣмъ миѳическій характеръ, а также повѣрья о превращеніи людей въ животныхъ и о переходѣ душъ.

Между пѣснями ихъ колядными, щедрицкими и весенними есть много замѣчательныхъ, относящихся къ эпическому періоду; нѣкоторыя содержатъ даже отголоски миѳологическаго періода.

Въ загадкахъ Пинчуковъ встрѣчаются такія, которыя поражаютъ насъ остроуміемъ и замысловатостью народнаго творчества.

Въ языкѣ замѣтенъ переходъ нарѣчія малороссійскаго въ бѣлорусское, и оттого часто преобладаетъ въ немъ то тотъ, то другой элементъ.

Изъ пѣсенъ, а также по собственнымъ наблюденіямъ мы замѣчаемъ, что Пинчуки, не смотря на усиленную пропаганду полонизма и широкій просторъ католицизма съ его жестокимъ насиліемъ, остались непоколебимыми Русскому Престолу и Отечеству и вѣрными сынами Православія съ его таинствами и обрядами; видимъ въ нихъ все то, что крѣпко хранятъ и чѣмъ дорожатъ братья ихъ—великороссы.

Д. Булгаковскій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПѢСНИ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПѢСЕНЪ ПО ИХЪ СОДЕРЖАНІЮ.

Приступая къ характеристикѣ пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ нашего сборника, мы не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о значеніи народныхъ пѣсенъ вообще.

Пѣсня есть воплощеніе народнаго духа. Это не сочиненное словесное произведеніе, а какъ-бы междометіе, внезапно вырвавшееся изъ груди; это зеркало народной жизни, въ которомъ отражаются понятія и чувствованія народа при разныхъ обстоятельствахъ жизни его; здѣсь онъ видѣнъ бываетъ во всѣхъ состояніяхъ. Изъ пѣсенъ мы узнаемъ народную радость и горе во всей ихъ глубинѣ, желанія и страсти во всей наготѣ, пороки и добродѣтели во всей полнотѣ. Въ пѣсняхъ мы слышимъ вздохи и стоны народа въ пору его бѣдъ и тяжелыхъ обстоятельствъ, смѣхъ и безобидныя шутки въ минуты его домашняго довольства; видимъ здѣсь семейный ладъ и разладъ, отношенія супруговъ, взаимныя отношенія родителей и дѣтей; здѣсь не скрывается огонь любви дѣвушки къ ея милому и нѣжности молодца къ душѣ-красной дѣвицѣ.

Пѣсня самое безобидное и свободное словесное произведеніе для выраженія того, что накипаетъ на душѣ и что рвется наружу изъ груди. Такъ жалобы жены на невѣрность мужа или на его дурное обращеніе съ нею, плачъ невѣстки на свекра или свекровь, надежды и идеалы дѣвушки о замужествѣ, ея любовь къ милому молодцу, всѣ эти и скорбныя и умилительныя чувства выражаются въ пѣснѣ свободно и безбоязненно, потому что поющій, давая волю своимъ чувствамъ, подъ покровомъ пѣсни скрываетъ самого себя. Несмѣлая жена, молчаливо переносящая пьянство и побои своего мужа, безбоязненно распѣваетъ пѣсню о пьяницѣ мужѣ и

безсонныхъ своихъ ночахъ; влюбленная дѣвушка, стыдясь разсказать подругѣ о своей довѣрчивости молодцу и его невѣрности, облегчаетъ пѣснею свою грусть-тоску.

Пѣсни наряду съ нерукотворенными памятниками представляютъ намъ свидѣтельство о религіозномъ состояніи народа со всѣми свѣтлыми и мрачными обрядностями, о его умственномъ и всестороннемъ образованіи, сохраняя даже образы одежды и жилища его. Сойдетъ въ могилу извѣстный народъ, потеряется слѣдъ его мѣстопребыванія, разрушатся памятники его рукъ, и при всемъ томъ пѣсня сохранитъ на отдаленныя вѣка исторію о немъ, кѣмъ онъ былъ, и что онъ былъ.

Для большей полноты въ характеристикѣ пѣсенъ, мы укажемъ содержаніе каждаго отдѣла порознь:

1. Колядныя.

Колядныя пѣсни, получившія свое наименованіе отъ Коляды, распѣваются наканунѣ праздника Рождества Христова, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ самый праздникъ. Слово Коляда ученые объясняютъ различно. Одни изъ нихъ говорятъ, что Коляда есть названіе языческаго божества, другіе производятъ отъ римскихъ календъ. Мы полагаемъ, что Коляда названіе праздника въ честь Даждьбога (богъ солнца), потому что во 1) Коляду народъ празднуетъ въ концѣ декабря, т. е. въ то время, когда бываетъ поворотъ солнца отъ зимы къ лѣту и во 2) въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ въ честь Коляды, предметомъ служатъ преимущественно засѣянныя поля, для которыхъ прежде всего потребна теплота всеоживляющаго солнца [1]).

Для колядованія группируется обыкновенно молодежь, которая вечеромъ расхаживаетъ по селу съ поздравленіемъ. Какъ *щинальникъ* или запѣвало считается между колядниками нужнымъ человѣкомъ, такъ колядники не обходятся безъ доморощеннаго *скрипача*, который безъ умолку наигрываетъ часто на двухъ-струнной

---

[1]) Подъ именемъ коляды разумѣется также вознагражденіе, которое дается колядникамъ и самыя пѣсни. *Д. Б.*

скрипкѣ своей, дорогою отъ дома до дома и на дворѣ хозяевъ. Подойдя подъ окно или подъ двери, одинъ изъ колядниковъ проситъ позволенія пѣть Коляду, говоря: чи дома, панъ господаръ? Чи велишь пане господару Коляду заспѣваты, чи такъ Коляды даты? Получивъ позволеніе колядовать спрашиваютъ: какую заспѣваты пѣсню? Хозяинъ назначаетъ, что пѣть. Поютъ обыкновенно подъ окнами, нѣкоторые же приглашаютъ въ домъ; рѣдко кто проситъ пѣть больше одной пѣсни, потому что въ такомъ случаѣ полагается большее вознагражденіе. Обыкновенно за одну пѣсню даютъ пирогъ, за двѣ—два, а въ зажиточныхъ домахъ кромѣ пироговъ даютъ колядникамъ деньги, колбасы и сало, угощаютъ и водкою. Ходятъ колядники съ вечера до самого утра. Если гдѣ застаютъ хозяевъ спящими, колядники крикомъ своимъ поднимаютъ съ постели. Случается, хотя очень рѣдко, что имъ отказываютъ колядовать, говоря: «у насъ була Коляда», или «нэма дома господара». Пѣвуны, потому ли, что лишаются чрезъ это вознагражденія, или считаютъ отказъ оскорбленіемъ для себя, а можетъ быть, принимая во вниманіе то и другое вмѣстѣ, осмѣиваютъ такіе дома, въ родѣ того:

«Въ сій хаты
Нэма, чого даты:
Соломку товкуть —
Пырогы пэкуть.»

Все собранное вознагражденіе дѣлится между колядниками поровну, одному только «щинальнику» или запѣвалѣ выдѣляется большая часть.

Колядныя пѣсни распѣваются: 1) Богу, 2) хозяину дома, 3) парнямъ, 4) дѣвицамъ, 5) бабѣ и 6) волу.

Въ пѣсняхъ Богу, сообразно празднику Рождества Христова, воспоминаются событія изъ жизни І. Христа и Божіей Матери, пополняемыя народною фантазіею. Исходя изъ того вѣрованія, что происхожденіе Младенца Христа было сверхъестественное, народъ придаетъ всѣмъ обстоятельствамъ жизни Его чудесность или что-то необыкновенное. Такъ изъ пѣсенъ видно, что когда родился Спаситель, то имя Ему дано было не такъ, какъ обыкновеннымъ людямъ, а по опредѣленію духовнаго собора, бывшаго въ Кіевѣ. Изъ

трехъ именъ: св. Илія, св. Зосима и І. Христосъ, Сынъ Божій, по порядку предложенныхъ духовными іерархами, понравилось Богоматери послѣднее имя.

Въ этомъ народномъ вѣрованіи важно то, что Кіевъ, какъ мать городовъ русскихъ, пользуется въ глазахъ народа преимуществомъ предъ другими городами, а также видно, что названіе владыки, усвоенное православнымъ іерархамъ, извѣстно народу вмѣсто польскаго имени бискупъ; видно также, что ему извѣстенъ санъ архимандрита, котораго совсѣмъ нѣтъ въ католической церкви. Вѣрованіе, что имя Христу наречено было православнымъ соборомъ, говоритъ о томъ, что народъ считаетъ православіе старѣе и достойнѣе другихъ вѣроисповѣданій, а знакомство его съ названіями владыка, архимандритъ проливаетъ свѣтъ на то, что вѣра православная съ ея духовною іерархіею была издавна близка сердцу и языку полѣшука или пинчука, не смотря на страшный гнетъ, испытанный отъ католичества.

Далѣе Дѣва Марія развѣдываетъ, не видалъ ли кто Сына Ея и, встрѣтя трехъ жидовъ, спрашиваетъ, не знаютъ ли они, гдѣ Христосъ. Двое отвѣтили, что они не видѣли Его, а третій проговаривается, что онъ самъ тамъ былъ. Что разумѣется подъ выраженіемъ «онъ самъ тамъ былъ», неизвѣстно, но, кажется, въ недосказанныхъ словахъ нужно понимать Геѳсиманскій садъ или дворъ Пилата. [1]).

Когда Дѣва Марія собирается купать младенца Христа, то отъ свѣчи падаетъ искра и вотъ изъ огня образуется ключевая вода.

---

[1]) Загадочность этой фразы увеличивается, если сопоставить ее съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ бѣлорусской колядкѣ, приводимой *П. В. Шейномъ* въ *Матер. для из. б. и яз. р. нас. с.-з. края*, стр. 56; тамъ вмѣсто трехъ жидовъ Дѣва Марія «Сустрэкае Паўла зъ Петромъ:

«Ой Пауле, Петро слуги Божіе!
Чи не бачили Сына моего?»
Е Пауле каже: «дай не бачили.
Е Петро каже: дай не *туоймасо* (?) »

Курсивъ и знакъ вопроса принадлежатъ здѣсь П. В. Шейну; приведенный имъ послѣдующій стихъ, кажется, можетъ наводить на нѣкоторую догадку: «Дай не туоймасо; дай признаймасо,» послѣ чего разсказываются муки Христа; быть можетъ, этотъ стихъ надо понимать такъ: дай не *утаимся*, дай признаемся. *Ѳ. Ист.*

Во время купанья приходятъ жиды и хотя Дѣва Марія не успѣваетъ скрыть младенца, но жиды не видятъ Его; они ищутъ Его въ темныхъ лѣсахъ, густыхъ травахъ, синемъ морѣ, въ великихъ скалахъ.

Въ пѣсняхъ хозяину дома, не смотря на зимнее время, когда онѣ поются, главный предметъ—хлѣбныя поля. То самъ Богъ съ апостолами Петромъ и Павломъ сидитъ у пинчука за столомъ, а св. Илья ходитъ по полямъ его и родитъ пшеницу, или—по лѣсамъ и роитъ пчелъ; то хозяинъ дома встрѣчаетъ въ видѣ трехъ ангеловъ—солнце, дождь и мѣсяцъ, которые бесѣдуютъ съ нимъ, выставляя предъ нимъ свои услуги; то на дворѣ его горятъ огни и стоятъ столы все тесовые и лежатъ на нихъ хлѣбы все пшеничные, а сидятъ за ними гости св. Николай, Петръ и Павелъ; то представляется его благосостояніе въ такомъ видѣ, что имѣетъ онъ множество скота разнаго рода, поля его съ обильнымъ урожаемъ, имѣетъ онъ много слугъ и всѣ они просятъ за него Бога, чтобы былъ онъ здоровъ дома и счастливъ въ полѣ.

Въ пѣсняхъ парню нѣтъ опредѣленной темы. Въ одно время мы видимъ, что берутъ молодца въ солдаты и поэтому случаю мать совѣтуетъ, какое болѣе безопасное мѣсто онъ долженъ занимать въ войскѣ во время сраженія, въ другой разъ видимъ его на охотѣ, гдѣ разговариваетъ съ своею милою дѣвицею, иногда ведетъ онъ войну съ турецкимъ царемъ и завоевываетъ себѣ невѣсту, его дочь, или выказываетъ свою молодецкую удаль—ловитъ воронаго коня, котораго никто не могъ поймать.

Въ пѣсняхъ дѣвицѣ поютъ большею частію про ея наряды и замужество. Она или вьетъ себѣ вѣнокъ изъ павлиныхъ перьевъ или въ жемчужномъ вѣнкѣ и съ золотымъ перстнемъ водитъ хороводы (танки), или собираетъ золотую кору и дѣлаетъ къ свадьбѣ своей три золотыхъ подарка, или хвалится своею работою—вышиваньемъ платковъ.

Назначая пѣть ту или другую пѣсню, хозяинъ не забываетъ про своего друга—*вола* помощника. Не скупясь дать колядникамъ лишній пирогъ, онъ проситъ пропѣть поздравительную пѣсню также волу. Въ нашемъ сборникѣ, къ сожалѣнію, имѣется только одна пѣсня этому животному, неотлучному спутнику въ трудахъ пинчука.

2. Щедрицкія.

Щедрицкія пѣсни, получившія свое наименованіе отъ щедрой или богатой кутьи, приготовляемой наканунѣ Новаго года, поются вечеромъ этого дня, а по мѣстамъ въ самый Новый годъ. Щедровать или идти въ щедрецъ значитъ ходить по селу съ поздравленіемъ, при пѣніи пѣсенъ. Порядокъ щедрованія тотъ же самый, что и колядованія.

Кромѣ колядниковъ, на разсвѣтѣ Новаго года ходитъ по селу другая партія молодежи *съ козою.* Обычай ходить съ козою состоитъ въ слѣдующемъ. Выбирается изъ молодежи расторопный парень, котораго наряжаютъ въ тулупъ, вывернутый вверхъ шерстью, привѣшиваютъ бубенчики и при всемъ этомъ прицѣпляютъ деревянную маску, въ видѣ козлиной головы. Наряженный такимъ образомъ представляетъ собою козу. Подойдя подъ окно, одинъ изъ партіи прежде всего поздравляетъ хозяина и всю его семью съ Новымъ годомъ, затѣмъ начинается пѣніе пѣсенъ, при пляскѣ козы. Пляска или скорѣе кривлянье козы, веселый смѣхъ и шутки сопровождающей молодежи обоихъ половъ и неумолкаемая скрипка составляютъ для пинчука доморощенный водевиль, которымъ онъ отъ всей души бываетъ доволенъ.

Содержаніе щедрицкихъ пѣсенъ почти тоже самое, что и колядныхъ. Онѣ также переполнены благожеланіями хозяину и свѣтлыми картинами его настоящаго и будущаго домашняго благосостоянія. Распѣваютъ напримѣръ, что въ конюшняхъ всѣ его кобылы пожеребились, а въ сараяхъ всѣ коровы потелились и овцы покотились; сама Богородица ведетъ къ нему рои молодыхъ пчелъ; сидитъ онъ у себя дома за пышнымъ столомъ въ шолковой свитѣ съ калитою, или приходятъ къ нему въ гости самъ Христосъ съ апостолами Петромъ и Павломъ, а св. Илья ходитъ по полю и родитъ въ изобиліи жито; въ иное время собираются въ гости въ его свѣтлицу всѣ святые.

Въ пѣсняхъ парнямъ и дѣвицамъ изображается большею частію сватовство или самая свадьба.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что въ Колядныхъ и Щедрицкихъ пѣсняхъ упоминаются святые: св. Николай, апостолы Петръ

и Павелъ, Илья, Зосима и Іоаннъ Креститель. Это указываетъ на то, что пинчуки за одно съ великороссами особенно почитаютъ помянутыхъ святыхъ. У католиковъ св. Зосимы совсѣмъ нѣтъ, а чудотворецъ Николай, апостолы Петръ и Павелъ, пророки Илья и Іоаннъ Креститель не пользуются такою извѣстностью или глубокимъ почтеніемъ, какъ у насъ православныхъ.

3. Троицкія.

Троицкія пѣсни распѣваются дѣвицами, когда онѣ *водять танки*, т. е. устраиваютъ хороводы, въ Троицынъ день. Весеннее время кладетъ на эти пѣсни свой отпечатокъ. Поля, красующіяся засѣяннымъ хлѣбомъ, луга съ своею зеленою муравою и благоухающими цвѣтами, лѣсъ, одѣвшійся въ разноцвѣтную одежду, солнце съ своими привѣтливыми и живительными лучами, неумолкаемый хоръ разнообразныхъ птицъ, всѣ эти весеннія прелести возбуждаютъ въ душѣ дѣвицы ощущенія ея одиночества сильнѣе, нежели когда-либо; въ эту пору, когда вообще жизнь дѣлается полнѣе, дышется легче, на душѣ становится веселѣе, дѣвушка сильнѣе чувствуетъ и ощущаетъ потребность замужества. Поэтому Троицкія пѣсни переполнены желаніемъ дѣвушки выдти замужъ. Но какъ бы сильно не бились жизненные пульсы ея, дѣвическая скромность сдерживаетъ сердечные порывы и потому желаніе быть замужнею дѣвушка высказываетъ не прямо, а стороною, намеками; она, повидимому, болѣе выражаетъ сожалѣнія объ одиночествѣ парня и заботится о его женитьбѣ, нежели о самой себѣ. Такъ поютъ:

Ой, якъ тому каменю
Тяжко катытиса,
Такъ тому старому
Тяжко женытиса.
Якъ тому пареню
Легенько катытиса,
Такъ тому молодцу
Легенько женытиса.

Подстрекая парней къ женитьбѣ, дѣвицы смѣются надъ холостякомъ, сравнивая его съ разбитымъ горшкомъ:

Ой горе, горе тому неженатому,
Якъ тому горшечку щербатому:
Кыпыть, кыпыть,
Да все збѣгае;
Куды повернется,
Счастя нэ мае.

4. Лѣтнія.

Не даромъ лѣтняя рабочая пора названа страдою. Дѣйствительно, въ это время труды простолюдина-земледѣльца бываютъ такъ велики, что онъ за ними мучится, страдаетъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера кипитъ теперь у него работа, обливая его потомъ съ головы до ногъ. Въ эту пору для всѣхъ рукъ находится работа въ семьѣ пинчука, начиная съ 7-лѣтняго ребенка, который пасетъ свиней или гусей и кончая сѣдовласою старухою, на рукахъ которой остаются дѣти, отнятыя отъ груди матери. Случается, что лѣтомъ у пинчука домъ остается совершенно пустымъ, такъ какъ всѣ находятся въ полѣ за работою. Пинчукъ, какъ и всякій простолюдинъ переносливъ: онъ не боится никакой работы, а тѣмъ болѣе для него, по настоящему, должна бы быть пріятна лѣтняя работа въ полѣ, гдѣ находится все его богатство, и потому пѣсни, распѣваемыя во время лѣтней работы, должны бы быть веселаго характера. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ противное. Лѣтнія пѣсни его переполнены жалобами на долю — судьбу и это понятно почему. Тяжелая не подъ силу работа, приносящая въ домъ каждаго труженика довольство во всемъ, пинчуку не сулила въ былое время никакихъ радостей; онъ зналъ, что труды его обогатятъ лишь пана, его помѣщика, зналъ, что и послѣ этой страды онъ останется тѣмъ же голышомъ, какимъ былъ и зимою. И вотъ это-то сознаніе непреодолимой бѣдности-нужды, не смотря на кровавые труды его, рвалось наружу сильнѣе, свободнѣе, въ душѣ его жгуче отзывалась его горемычность, панская плеть чувствовалась на спинѣ его больнѣе и вслѣдствіе того то-

ска-кручина тяжелѣе ложилась на душу его. Еще понятнѣе будетъ этотъ лѣтній пѣсенный плачъ пинчука за чужою работою, во время лѣтняго зноя, среди необозримыхъ болотъ, если вспомнимъ, что крѣпостное право болѣе чѣмъ гдѣ-либо было невыносимо тяжело для бѣлорусса-пинчука, бывшаго въ рукахъ пана-католика, для котораго онъ работалъ пять дней въ недѣлю и только одинъ день для себя.

Каждый, испытывая самъ по себѣ тяжести лѣтней страды, вспоминаетъ теперь про близкихъ его сердцу. Такъ отецъ, видя, что конь его не ѣстъ травы и не пьетъ воды, говоритъ, что «дѣсь мое дитя дробны слезы лье». Замужней дочери то слышится, что будто мать ея зоветъ помочь ей, то припоминается, какъ хорошо ей было жить у отца своего, то слышится голосъ родимаго ея, который будто зоветъ къ себѣ въ гости, а воображеніе рисуетъ, какъ онъ хорошо будетъ угощать ее. Сестра проситъ брата своего идти съ нею искать ея долю. Мужу представляется, что возвратясь, съ поля домой, онъ находитъ свою жену, которая родивъ сына, на вѣки заснула и плачется онъ, что въ домѣ

Да не було никого,
Ни малого дитяти
И водицы подати.

То представляется женѣ, что она не пойдетъ въ поле на работу по причинѣ головной боли, а когда возвратится мужъ ея съ поля, то застаетъ ее уже умершею.

Не зная, какъ и на кого излить свое тяжелое положеніе, страдальцы обвиняютъ другъ друга. Такъ измученному въ полѣ работою воображеніе рисуетъ, что мать его собирается отравить жену его; то косарь плачется, что жена его семь дней не варитъ ему обѣда, а потомъ, когда варитъ, подсыпаетъ въ кушанье отраву; то невѣстка жалуется на своего свекра, что тотъ обременяетъ ее работою и потому не хочется ей идти домой съ поля, хотя уже солнце садится и вотъ она говоритъ:

У мэнэ въ дома не свуй батько:
У воротѣхъ застрѣчае,
Серпа зъ ручекъ отбирае,
А ведерко въ ручки дае:

Иди, дитя нэруднэе,
До криницы по водыцу,
А у буръ по брусныцу;
Нэ такъ воды жадаючи,
Якъ нівісту збуваючи.

(Лѣтн. № 15).

Припоминается женѣ красота ея, когда она была дѣвицею у своего отца и плачется:

До свікра пришла, журба зъіла за годыночку,
Якъ буйны вітеръ лебедыночку.

(Лѣтн. № 16).

5. Любовныя.

Темою любовныхъ пѣсенъ служитъ главнымъ образомъ желаніе молодца и дѣвушки удовлетворить естественному влеченію—чувству любви. Молодецъ и дѣвушка говорятъ, что какъ рыба не можетъ жить безъ воды, такъ они не могутъ не любить другъ друга. По словамъ влюбленныхъ, какъ всѣ птички живутъ попарно, такъ и имъ хочется жить вдвоемъ. Это естественное половое влеченіе до того непреодолимо, что дѣвушка свое одиночество считаетъ для себя наказаніемъ Божіимъ, плачется, что лѣта ея проходятъ напрасно, то есть безъ любви, а потерявшая надежду на замужество собирается утопиться или разбиться о камень. Молодецъ ловитъ себѣ долю-счастье на рѣкѣ и когда возвращается безъ доли, то плачется, что рыбы живутъ попарно, а онъ не имѣетъ счастливой доли. Когда же получаетъ отказъ отъ своей милой, проситъ сказать ему, зачѣмъ онъ тратитъ свои лѣта и если суждено ему оставаться безъ любви ея, то чтобы она дала ему такой травы, отъ которой могъ бы забыть ее, и въ тоже время говоритъ, что и напившись этой травы, онъ не въ состояніи будетъ забыть ее. Отъ неудовлетворенной любви парень собирается утопиться, но дѣвица останавливаетъ, говоря, что напрасно онъ погубитъ свою душу. Влюбленный называетъ свою милую: сердечкомъ, любкою, красною вишнею, завзулею, рыбчиною, а дѣвица величаетъ своего милаго: сивымъ голубемъ, душою, сердцемъ, соколомъ, но чаще

всего просто милымъ. Любимый молодецъ представляется обыкновенно съ черными бровями, а любимая дѣвица съ длинною косою.

Вѣрность въ любви парня и дѣвицы главное условіе полноты любви. Оттого первое слово дѣвицы къ милому, это сказать ей истинную правду, любитъ ли онъ ее вѣрно и не лежитъ ли его сердце къ другой. Парень обыкновенно увѣряетъ свою милую клятвою, говоря: нэ люблю никого, скарай мэнэ Боже. Ревность присуща и пинчукамъ. Такъ дѣвица проситъ своихъ подругъ не занимать милаго ея, угрожая, что она очаруетъ ту, которая отобьетъ его, такъ что она не дойдетъ домой. Молодецъ увѣряетъ дѣвицу, что любви его не разлучитъ ни мать, ни бѣлый свѣтъ, развѣ одна могила; а иногда любовь до того бываетъ сильна, что высказывается въ такихъ, полныхъ поэзіи, словахъ:

Приды на могылу,
Не ступай ногами;
Ще я живъ съ тобою.
Приды на могылу,
Не кидай зэмлею,
Бо мні тяжко, важко
Лежаты подъ ею.

(Люб. № 29).

Въ случаѣ невѣрности молодца, дѣвица не всегда ограничивается одними слезами: она расправляется съ своимъ милымъ посредствомъ отравы. Такъ дочь на вопросъ своей матери, зачѣмъ она отравила своего милаго, отвѣчаетъ:

Нехай той Грицъ
Разомъ двухъ не кохае;
Кохавъ одную,
Потомъ другую,
Теперь нехай
Любить землю сырую.

(Люб. № 35).

Парень, не получающій отвѣта на свою любовь, жалуется, что милая сушитъ сердце его; дѣвица проситъ молодца не ходить по берегу рѣки, чтобы не сушить сердце ея черными бровями. Любовь не заглушаетъ дѣвической стыдливости: дѣвушка научаетъ

своего милаго не ходить къ ней днемъ, чтобы не смѣшить людей, а лучше ночью; или сама выбѣгаетъ къ нему ночью въ вишневъ садъ. Но сама стыдливость уступаетъ мѣсто. Такъ дѣвушка, родивши сына, совѣтуется съ рощею, что дѣлать ей съ ребенкомъ, говоря: воспитывать—отъ людей смѣхъ, погубить—отъ Бога грѣхъ, и въ концѣ концовъ все-таки рѣшается лучше воспитывать, нежели погубить невинное дитя. (Люб. № 14).

Нѣжности свои молодецъ выражаетъ своей милой, какъ можетъ и умѣетъ: онъ угощаетъ ее калачиками, поитъ медомъ, покупаетъ башмачки и другіе подарки. Разыскивая свою милую въ темномъ лѣсу, онъ находитъ слѣдъ ея и прикрываетъ листьями, чтобы вѣтеръ не засыпалъ его пескомъ; обѣщается ножки ея уберечь отъ мороза въ своей дорогой шапочкѣ, если она выйдетъ къ нему въ морозную ночь. Любовь бываетъ неподкупна: дѣвушка не принимаетъ отъ нелюбаго парня подарковъ. Такъ, когда молодецъ даритъ ей башмачки, она не принимаетъ ихъ, говоря, что лучше ходить босикомъ, нежели любиться съ дуракомъ. Нелюбому парню дѣвица отвѣчаетъ, что лучше утопиться въ морѣ, нежели идти замужъ за немилаго. Въ случаѣ женитьбы, влюбленный не забываетъ о приданомъ; поэтому дѣвушка сознается передъ нимъ, что она безприданница. Хотя парень увѣряетъ ее, что приданаго ему совсѣмъ не нужно, что она сама для него приданое, но дѣвушка на эти увѣренія отвѣчаетъ: теперь говоришь красная вишенька, а послѣ скажешь доленька несчастная и если не скажешь ты, то скажетъ твоя мать. (Люб. № 9).

6. Свадебныя.

За нѣсколько дней до брака невѣста гадаетъ о предстоящей брачной жизни. Не въ первый разъ, конечно, она вздумала гадать теперь; интересный вопросъ о замужествѣ занималъ дѣвушку со времени половой ея зрѣлости. Но теперь, когда судьба ея рѣшена, когда сдѣлалось ей извѣстнымъ, кто ея женихъ, богатъ ли онъ, красивъ или нѣтъ, она еще разъ силится приподнять завѣсу будущаго. Ей въ послѣдній разъ хочется разрѣшить два конечныхъ вопроса: 1) любитъ ли ее женихъ и 2) кто прежде умретъ — она или будущій ея мужъ?—Самая форма гаданія сопровождается те-

перь болѣе сложными обрядностями, нежели когда либо прежде. Во время печенія хлѣба, невѣста дѣлаетъ на булкахъ кресты и изъ того тѣста печетъ двѣ маленькихъ булочки, предназначая одну себѣ, а другую своему жениху. Булочки эти она пускаетъ въ какомъ либо сосудѣ на воду. За водою бѣгаетъ рано утромъ, пока еще не успѣетъ никто взять воды изъ колодца или рѣки и вотъ посредствомъ этой-то ненапитой воды и булочекъ она надѣется вполнѣ разрѣшить будущее. Пустивъ вечеромъ на воду булочки, она смотритъ утромъ; если женихова булочка подплыла къ ея булочкѣ, то безъ сомнѣнія онъ любитъ ее, а если стоитъ въ сторонѣ, значитъ не любитъ. Затѣмъ ожидаетъ, чья булочка скорѣе потонетъ или размокнетъ: потонула или размокла прежде ея, стало-быть она умретъ прежде мужа и наоборотъ: женихова потонула— значитъ она переживетъ мужа.

Обрядъ заручинъ. Заручины бываютъ въ домѣ невѣсты, куда приходитъ женихъ со своими родителями и ближайшими родственниками. Со стороны жениха и невѣсты всегда бываютъ дружки— это дѣвушки. Послѣ окончательныхъ уговоровъ, отецъ невѣсты ставитъ на столъ икону, зажигаетъ свѣчу передъ нею и всѣ молятся Богу. Послѣ этого родители благословляютъ будущую чету. За столъ женихъ и невѣста садятся не сами собою, а заводитъ ихъ одна изъ дружекъ посредствомъ платка, одинъ конецъ котораго бываетъ въ рукахъ жениха, а другой въ рукахъ невѣсты. Сѣвъ за столъ на *покутъѣ* (въ углу подъ образами) и пригласивъ всѣхъ присутствующихъ садиться, женихъ, по предложенію дружки, подаетъ руку своей невѣстѣ и дружка кладетъ на ихъ руки хлѣбъ. Въ это время со стороны родителей и гостей бываютъ пожеланія въ родѣ того: «дай же Боже споживаты, щобъ у пары состаретыса, быты здоровыми, да богатыми, щобъ одно другого шановаты, щобъ дітокъ годоваты». Послѣ этого начинается выпивка и ужинъ.

Послѣ брака. Пріѣхавъ изъ церкви послѣ брака, молодые переѣзжаютъ черезъ огонь, разложенный въ воротахъ. Одна изъ дружекъ скорѣе всѣхъ возвращается изъ церкви въ домъ молодого и здѣсь садится подъ образами въ почетномъ углу. Когда прочія дружки сажаютъ молодыхъ на посадъ, то занявшая это мѣсто, не пускаетъ ихъ, требуя выкупа отъ жениха, который послѣ торга, сопровождаемаго обыкновенно веселымъ смѣхомъ, платитъ дружкѣ

выкупъ и сажаетъ свою невѣсту, помѣщаясь самъ рядомъ съ нею. Есть еще обыкновеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что молодыхъ, возвратившихся изъ церкви, не пускаютъ прямо въ домъ, а сажаютъ въ коморѣ (чуланѣ) и подаютъ имъ по печеному яйцу и медъ, что должны они непремѣнно съѣсть, и послѣ того входятъ въ самый домъ. Выкупъ женихомъ мѣста и ядѣніе печеныхъ яицъ безъ сомнѣнія остатокъ языческихъ обрядностей. Въ домѣ жениха веселятся цѣлые сутки, а потомъ ѣдутъ въ домъ невѣсты, гдѣ гуляютъ двое—трое сутокъ. На брачномъ пиршествѣ, гуляетъ чуть не вся деревня, не разбирая родства, такъ что на угощеніе выходитъ отъ 20—30 ведеръ водки, кромѣ меда, который бываетъ на свадьбахъ въ большомъ употребленіи. По окончаніи пиршества невѣста переѣзжаетъ въ домъ жениха на жительство.

Свадьба, какъ радостное событіе, должна бы, по настоящему, сопровождаться веселыми пѣснями, а между тѣмъ всѣ свадебныя пѣсни—это эллегія, въ которой плачущей и оплакиваемой является невѣста. Самый голосъ этихъ пѣсенъ такъ заунывенъ, что онѣ скорѣе плачутся, нежели поются. Теперь въ воображеніи невѣсты ярче, чѣмъ когда либо рисуется мрачная картина замужней жизни. Тяжолая черезъ силу работа въ домѣ свекра, дурное отношеніе мужниной родни, брань и побои отъ мужа, все это вмѣстѣ представляется теперь передъ глазами невѣсты въ такихъ размѣрахъ, что вмѣсто радости, она безутѣшно плачетъ. Что дѣвушку ожидаетъ плачевное положеніе въ замужней жизни, это начиная съ самой ея, всѣ предчувствуютъ. Такъ по дорогѣ въ церковь къ вѣнцу дружки поютъ, что свѣча жениха горитъ ясно на радость, а свѣча невѣсты потухаетъ на печаль. Отецъ, выслушавъ сонъ дочери, объясняетъ, что онъ предвѣщаетъ свадьбу и слезы ея. Братъ отказывается помочь сестрѣ-невѣстѣ собрать разсыпавшіеся цвѣты, потому что не поднимаются у него руки отъ печали. По дорогѣ въ церковь невѣста сожалѣетъ по материной роскоши, плачетъ, что ночь темная, дорога невѣрная, а свадьба ей не милая; пріѣхавъ же изъ церкви послѣ брака, проситъ мать свою развязать ей руки. Но мать отвѣчаетъ, что рада бы сто рублей дать, если бы можно было развѣнчать ее. Въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ дружками, не скрывается отъ невѣсты — будущая ея рабская зависимость отъ мужа и ея родни. Дружки поютъ, что невѣста должна бояться свекра и своего

молодого мужа, потому что надъ нею будетъ летать кнутъ. Отъѣзжая изъ родительскаго дома на жительство къ мужу, молодая говоритъ сквозь слезы, что какъ не бываетъ зима лѣтомъ, такъ не будетъ для нея свекровь матерью. Грусть невѣсты еще болѣе увеличивается отъ того, что она не пользуется свободою въ выборѣ себѣ жениха, а подчиняется безпрекословно волѣ родителей, которые запиваютъ ее, не спрашивая, нравится ли ей женихъ или нѣтъ. Часто родители выдаютъ свою дочь за парня, котораго она до брака и въ глаза не видала. Оттого дочь плачется послѣ брака, что ей связали руки съ чужою чуженицею, или говорится такъ:

Чи я тобі, матэнько, не до діла,
Що ты одаешь мэнэ за діда;
Чи я тобі кошули не прала,
Чи я тобі постелепьки не слала?

(Свад. № 48).

Умная невѣста считается лучше богатой. Такъ братъ брату совѣтуетъ выбирать невѣсту умную, а не богатую, потому что, говоритъ онъ, богатство можно нажить, а ума нельзя вложить. Сильная, рослая и полная дѣвушка считается лучшею невѣстою:

Да тупу, кони, тупу,
Да прывэзли на дворъ ступу,
Нэ ступа—да колодица,
Нэ дівка—да молодица.

(Свад. № 33).

Невинность дѣвицы цѣнится. Такъ жениху поютъ, что за его милою придется ѣхать чрезъ три—четыре села, четыре мили лѣсами, а пятую желѣзными мостами и будутъ пробивать кремнистую стѣну, за которою достанутъ ему дѣвицу съ вѣнчикомъ, т. е. невинную. Вино играетъ обаятельную силу и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ бракъ. Помолвка жениха и невѣсты начинается и кончается виномъ, такъ что самый уговоръ получилъ названіе *запоинъ*. Въ одной пѣснѣ говорится, что мать не годъ годовала свою дочь, а за три дня прогуляла; а въ другой поютъ:

Пропыла маты дочку
На солодкомъ мэдочку;

Упывшиса, скачэ,
А проспавшиса, плачэ.

(Свад. № 3).

Женихъ ни мало не стѣсняется у будущаго своего тестя изрядно угоститься, не уступая въ выпивкѣ другимъ:

Знаты женышка, що въ тестя бувъ:
Виномъ пахнэ и мэдомъ дышэ.

(Свад. № 9).

Подчиняясь теченію вещей, издавна поставившихъ женщину въ рабское положеніе. и не находя средства избавиться отъ грядущей злой судьбы, подружки отъ лица невѣсты, по дорогѣ къ вѣнцу, обращаются съ мольбою къ духовному отцу повѣнчать въ добрый часъ:

Ой ксенже, отче нашъ,
Отчини церковку противъ насъ,
Да повѣнчай дітоньки въ добрый часъ.

(Свад. № 28).

Наконецъ, въ одной изъ свадебныхъ пѣсенъ дѣлается намекъ на то тяжолое положеніе православной церкви, какое она испытывала въ этомъ краѣ. Исторически извѣстно, что нерѣдко польскія власти выгоняли православнаго священника изъ его дома, приходскую церковь закрывали, а иногда вмѣстѣ съ корчмою сдавали въ аренду жиду, у котораго по условію находились и ключи отъ церкви. Жидъ-арендаторъ отпиралъ церковь лишь тогда, когда получалъ условную плату. По дорогѣ въ церковь дружки жениха поютъ, какъ онѣ слышали,

Що нэма попа у дома,
Да поіхавъ до Львова
Ключикувъ куповаты,
Церковку одмыкаты,
Пару дітокъ звѣнчаты.

(Свад. № 28).

7. Семейныя.

Тяжка крестьянская жизнь вообще, но еще тяжелѣе она становится, когда между мужемъ и женою нѣтъ взаимной любви. Есть отдыхъ отъ тяжкой работы, есть слезы, чтобы облегчить тоску-

кручину отъ брани семьи, но нѣтъ средства сжиться съ нелюбовью мужа и спокойно переносить холодность жены.

Главная тема семейныхъ пѣсенъ, это плачъ женъ о своемъ быломъ дѣвичествѣ, сожалѣніе о роскоши въ родительскихъ домахъ и недовольство своею замужнею долею. Жена разсказываетъ своимъ родителямъ, что мужъ не любитъ ее, относится къ ней дурно, велитъ разувать его, бьетъ ее; плачется, зачѣмъ ее повѣнчали и бѣлый свѣтъ завязали, говоритъ, лучше бы ей утопиться; постоянно слышится ропотъ замужней женщины на родителей, что кого она любила, за того не выдали ее, а кого не знала, съ тѣмъ повѣнчали; то упрекаетъ кукушку, что она не сказала ей правды про ея долю-замужество; то сама прилетаетъ кукушкою къ родителямъ въ вишневъ садъ и разсказываетъ имъ, что ее изсушила лихая нужда, отъ того что она не имѣетъ добраго мужа. Жена упрекаетъ мужа, что онъ не любитъ ее и говоритъ, что тратитъ она за нимъ свои лѣта. По временамъ слышится голосъ ревности. Жена сквозь слезы говоритъ своему невѣрному мужу, что она старше всѣхъ его милыхъ, потому что онъ присягалъ съ нею въ церкви Богу, былъ на Божьемъ суду.

Не имѣя больше силъ бороться съ лихою долею, нелюбимая жена рѣшается утопиться или разбиться о камень и, встрѣтя около рѣчки смерть, проситъ ее: «Смэртухно, матухно, ой озьмы ты мэнэ молодэньку». Раздаются жалобы на мужнину родню. Свекровь осуждаетъ свою невѣстку передъ сосѣдями, что она долго спитъ, или жалуется своему сыну, что жена его надъ всѣмъ взяла волю. Невѣстка на могилѣ матери своей плачетъ, что свекровь вырываетъ у ней волосы, когда чешетъ ей косу и проклинаетъ, когда даетъ ей рубашку.

Но болѣе всего виденъ семейный разладъ, происходившій отъ пьянства. Цѣлая масса пѣсенъ изображаетъ плачъ женъ, что мужья ихъ пьяницы, которые бьютъ ихъ чѣмъ попало, выгоняютъ ихъ изъ дома и заставляютъ ночевать на дворѣ. Разладъ между мужемъ и женою продолжается иногда до самой смерти. Такъ старуха, обращаясь къ старику мужу, плачетъ:

Бодай тобі, старый діду,
Права рука ссохла,

Якъ ты мэнэ скаличивъ,
Що я чуть не здохла.

(Юмор. № 18).

Впрочемъ попадаются въ нашемъ сборникѣ и такія пѣсни, изъ которыхъ видна взаимная супружеская любовь. Такъ мужъ, стараясь оправдать свою жену предъ семьею, которая уговариваетъ его бить ее, говоритъ:

Ой якъ же мнi еи бить —
Мое сердце болить,
Бо мнi зъ ею трэба жить
И дѣтоньки годовать.
Колы вона лѣныва,
То судите ее,
Колы вона вамъ не трэба,
Отсылайте ее;
Есть у еи отецъ, маты,
То пригорнуть ее.

(Сем. № 30).

8. Солдатскія.

Изъ солдатскихъ пѣсенъ видно, что солдатская служба считается лихою долею, несчастьемъ. Кромѣ нужды, и всякаго рода лишеній, сопровождающихъ солдата, военная служба, по мнѣнію пинчука, сулитъ неминуемую смерть. Рекрутъ, прощаясь съ своими родными, на вопросъ сестры, скоро ли онъ придетъ въ гости, говоритъ, что когда песокъ взойдетъ на камнѣ рожью, тогда онъ придетъ, т. е. никогда. А въ другой пѣснѣ сестры, прощаясь съ братомъ-рекрутомъ, спрашиваютъ, когда онъ придетъ къ нимъ въ гости, рекрутъ отвѣчаетъ: какъ перо не тонетъ въ водѣ, а камень не плаваетъ, такъ ему никогда не придется придти къ нимъ въ гости. Мать проситъ своего сына-солдата, который проходилъ чрезъ свое родное село, зайти къ ней, чтобы помыть ему голову; сынъ отвѣчаетъ, что дождь вымоетъ ему голову, а зеленая трава будетъ постелью. Сынъ отправляясь въ войско и утѣшая свою мать, говоритъ, чтобы плакала по немъ молодая жена его и малыя дѣти, потому что они остаются сиротами на свѣтѣ. Мать, выправляя сына

на войну, спрашиваетъ, гдѣ его искать; сынъ говоритъ, что тамъ, гдѣ онъ будетъ своею кровью наполнять рѣки, а костями мостить мосты. Мать разспрашиваетъ ворона, часто ли онъ видитъ въ войскѣ сына ея? Воронъ отвѣчаетъ, что сынъ ея почиваетъ въ степи. Умирающій казакъ проситъ своего коня не даваться непріятелямъ, а бѣжать къ отцу его; жена его распрашиваетъ коня, куда онъ дѣвалъ ея друга-мужа; конь отвѣчаетъ, что онъ взялъ въ чужой сторонѣ молодую жену:

«Оженыла его куля быстрая,
«Удружила его шабля острая».

(Солд. № 5).

Молодая жена разспрашиваетъ солдатъ о своемъ мужѣ-солдатѣ; тѣ отвѣчаютъ, что онъ умеръ въ чистомъ полѣ и велѣлъ ей идти замужъ.

Между солдатскими попадаются двѣ-три пѣсни отчасти съ историческимъ характеромъ. Козаки говорятъ, что рады бы вернуться домой, да не пускаетъ ихъ Царь, а еще больше Царева мать, потому что хочетъ ими молодцами завоевать Польшу. Еще: идетъ «Морозъ» и плачетъ по немъ вся украйна и даже весь свѣтъ и самъ «Морозъ» плачетъ; козаки просятъ его пить медъ, вино, но Морозъ отвѣчаетъ, что ему теперь не до вина, потому что подъ царскими воротами бьются Турки съ Шведами. Подъ горою идутъ козаки, а впереди ихъ панъ Дорошенько, который ведетъ свое войско Запорожское.

9. Юмористическія.

По временамъ, въ веселую минуту, конечно, не отъ привольной жизни, а отъ шумнаго винца, въ пѣсняхъ пинчука слышится юморъ. Распѣваютъ, напримѣръ, какъ дѣвушка проситъ парня, чтобы онъ не любилъ четырехъ а ее одну, потому что она ухаживаетъ за нимъ, какъ за собакою. Вотъ козакъ посѣялъ грѣчиху на дубу и когда пришелъ посмотрѣть, какъ она ростетъ, поднялась шура-буря и всю гречиху его сдула. Онъ съ горя бѣгаетъ, какъ шальной. Дѣвушки просятъ стараго мужа-воробья научить ихъ, какъ пахать на макъ, сѣять макъ, бороновать, полоть, вязать и складать макъ.

Воробей учитъ ихъ: «вотъ такъ, такъ пахать, бороновать макъ.» Чижикъ проситъ бабу сшить ему рубаху изъ бѣлаго льну: хочетъ полюбить попову дочь. А когда пришелъ къ поповнѣ, то попъ въ поспѣхахъ, прыгая съ скирда, поломалъ себѣ ноги; попадья, прыгая съ печи, выбила себѣ зубы. Молодица везетъ въ городъ продавать свою лихую долю (мужа); при продажѣ хвалитъ мужа, что когда напьется, дерется и дома не ночуетъ; но никто ея доли не покупаетъ. Лихая доля представляется неотвязною. Женщина, не продавши лихой доли, сбирается утопить ее въ рѣкѣ, чтобы избавиться отъ ней хоть на часъ, но лихая доля грозитъ, что она уцѣпится за ведро обѣими руками, когда несчастная придетъ на рѣку брать воду. Еще: дѣвушки спрятали въ рѣшето игру и поставили на ночь на дубу, чтобы взять утромъ. На бѣду ихъ прилетѣла сорока издалека, скинула игру и потоптала. Когда у одной женщины умеръ мужъ, то она свою бѣду спрятала въ горшокъ, накрывъ черепочкомъ, чтобы не тужить по немъ. Еще: дѣдъ сбросивши кривую и злую свою жену съ моста въ воду, говоритъ:

«О тутъ, бабо, кайся,
Трохи покупайся.
Потуль баба болтала,
Покуль на дно не попала.»

(Юмор. № 17).

Утопивши свою бабу, старикъ забилъ въ ладоши и сталъ божиться на двухъ языкахъ и по-русски и по-польски, что онъ не будетъ жениться; но вернувшись домой, старикъ заговорилъ другое:

«Колы, дастъ Богъ, поживу,
Оженюса еще.»

(Юмор. № 17).

Жена продаетъ мужа за три гроша и, наваривъ пива, угощаетъ гостей. Гости пиво попили и се побили. Пѣвень, двѣ курицы, козелъ съ козою и козлятами, муха и комаръ, ворона, сорока и журавль устроили пирушку. Но журавль помѣшалъ общему веселью: онъ разогналъ всѣхъ гостей. Распѣваютъ какъ били бѣду: то попъ, то дьякъ, то Денисъ, то Гаврилъ, а когда избитая, хромая бѣда убѣгала въ Кіевъ, то скакала на семь сажень—что показываетъ: берегись бѣды, потому что сейчасъ ея нѣтъ, и сейчасъ же она съ тобою.

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, вошедшихъ въ сборникъ, отличаются полнотою поэзіи. Такъ дѣвушка, при прощаніи съ своимъ ненаглядным, который разстается съ нею на семь лѣтъ, говоритъ сквозь слезы: «о, если бы я имѣла своего живописца, велѣла бы ему нарисовать съ тебя, мой милый, портретъ, повѣсила бы его на окно и смотрѣла бы на тебя, мой соколъ; я прибила бы его на дощечку и носила бы его съ собою, а на ночь вѣшала бы на той стѣнѣ, подлѣ которой я сплю.» (Люб. № 32).

Дѣвушка водившая танки, пустила на быструю рѣку вѣнокъ, обѣщаясь выдти замужъ за того, кто поймаетъ его. Вызвался поймать вѣнокъ сынъ короля, но, къ несчастію, утонулъ въ рѣкѣ. Утопая, онъ научаетъ своего вѣрнаго коня, что сказать его матери, когда та спроситъ о немъ:

«Не кажи, коню, що утопився,
Да скажешь, що оженився:
Узявъ я жону — быстру рѣку,
Узявъ я сваты — бережки круты,
Узявъ я свашечки — малы пташечки,
Узявъ я дружечки — въ воді рыбочки.

(Люб. № 36).

Утопаетъ дѣвица въ Дунаѣ и вотъ на ея крикъ отзывается козакъ и хочетъ спасти ее, съ тѣмъ однако, чтобы она послѣ вышла за него замужъ. Утопающая отвѣчаетъ: лучше утоплюсь въ морѣ, нежели съ нелюбымъ обвѣнчаюсь. Утопая въ морѣ, продолжаетъ дѣвица, то пойду ко дну, то всплыву, а вышедши замужъ, на вѣки пропаду. Утопающую въ морѣ, можетъ быть, кто спасетъ меня, вышедшей за нелюбаго, никто мнѣ не поможетъ—ни мать, ни отецъ, ни родныя сестры, ни милые братья. Итакъ лучше:

«Нехай мои руки
Отъідають щуки,
Нэхай мои косы
Водица подносить,
Нэхай моя мати,
Ходячи, голосить».

(Люб. № 43).

ПѢСНИ.

I. КОЛЯДНЫЯ.

1.

Ой у Кіеві, на майстыры
Ранэнько звонять,
Бога се молять;
Ранэнько сонэйко зыходить.
На перши день,
Дай на Ражство
Пречиста Діва
Сына породыла.
Ранэнько сонэйко зыходить.
Тамъ сбыралыса
Попы, ладыкы, архымандрыкы;
Ранэнько звонять,
Бога се молять;
Ранэнько сонэйко зыходить.
Сталы думаты,
Сталы гадаты,
Що тымъ дитаты
Да за имя даты.
Ой издумалы, дай изгадалы,
Да далы имя
Да Святы Илля.
Пречиста Діва
Да нэ уйлюбыла,
Да нэ ухвалыла.
Ой у Кіеві на майстыры
Ранэнько звонять,
Бога се молять;
Ранэнько сонэйко зыходить.
На перши день,
Дай на Ражство
Пречиста Діва
Сына породыла;
Тамъ сбыралыса
Попы, ладыкы, архымандрыкы,
Сталы думаты,
Сталы гадаты,
Що тымъ дитаты,
Да за имя даты.
Ой издумалы, дай изгадалы,
Да далы имя
Да Святы Зосымъ,
Пчолонькы зносивъ.
Ранэнько звонять,
Бога се молять;
Ранэнько сонэйко зыходить
Пречиста Діва
Дай нэ уйлюбыла,
Дай нэ ухвалыла.
На перши день,
Дай на Ражство
Пречиста Діва
Сына породыла;
Ранэнько звонять,
Бога се молять;
Ранэнько сонэйко зыходить.
Тамъ сбыралыса

Попы, ладыки, архимандрыкы,
Сталы думаты,
Сталы гадаты,
Що тымъ дитаты
Да за имя даты;
Ой издумалы, да изгадалы,
Да далы имя
Да Сусе Христе
Да Сынэ Божи.
Пречиста Діва
Дай уйлюбыла,
Дай ухвалыла.
Ранэнько звонять,
Бога се молять;
Ранэнько сонэйко зыходить.
Ісусъ Христосъ народывса
Господу Богу да похвалывса. [1])

2.

У нашего пана
Свічка горіла,
Искрина упала —
Криница стала,
Радуйся, радуйся, земля:
Сынъ Божи народывса.
А у той криницы
Божа Маты
Христа купала,
Да и нэ сховала.
Радуйся, радуйся, земля:
Сынъ Божи народывса.
Пришлы жидовэ:
— Божа Маты,
Дѣ Христа діла?
— Занэсла Христа
Въ темны ліса.
Пошлы жидовэ
Лісъ рубаты,
Христа шукаты;
Лісъ изрубалы,
Христа нэ знайшлы,
До Дѣвы пришлы:
Дѣ Христа діла?
— Занэсла Христа
У густыя травы.
Радуйся, радуйся, земля:
Сынъ Божи народывса.
Пошлы жидовэ,
Траву скосилы,
Христа нэ знайшлы,
До Дівы пришлы:
Пресвята Діва,
Дѣ Христа діла?
— Занэсла Христа
Въ сини мора.
Пошлы жидовэ
Море злываты,
Христа шукаты.
Море излилы,

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго: Труды* этн.-ст. эксп. Т. III, стр. 333. Бѣлорусск. вар. см. у *Шейна: Матеріалы* для из. б. и яз. р. н. С.-З. кр. т. I, ч. I. № 36. Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго;* Нар. п. Галицк. и Угорск. Руси, т. III, ч. II, стр. 23 и 102. *Ѳ. Ист.*

Христа нэ знашлы,
До Дѣвы пришлы:
Дѣ Христа діла?
— Занэсла Христа
Въ великія скалы.
Радуйся, радуйся, земля:
Сынъ Божи народывса.
Пошлы жидовэ
Скалу рубаты,
Христа шукаты.

Скалу зрубалы,
Христа нэ знашлы,
До Дивы пришлы:
Дѣ Христа діла?
— Занэсла Христа
Въ світлы нэбеса.
А вы, нэбеса, растворытеса;
А вы, хрыстыане, веселытеса,
А вы, жидовэ, заселытэса. [1])

ПРИСКАЗКА. [2])

Да за симъ словомъ
Да светкуй здоровъ
И зъ семейкою
Зъ веселенькою.

3.

Ой черезъ полэ
Дай широкое;
Святъ вечоръ, святъ
Дай широкое.
Мостылы мосты
Съ тонкой тростины;
Святъ вечоръ, святъ,
Съ тонкой тростины;
Тыми мостами
Шла Божа Маты
Сына шукаты;
Святъ вечоръ, святъ
Сына шукаты;
Зустрила Вона

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 343 и 348. Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго* тамъ же, стр. 25. *Ѳ. Ист.*

[2]) *Присказка*, или приговорка, которую говоритъ одинъ изъ колядниковъ. *Д. Бум.*

Тры жидовыны;
Святъ вечоръ, святъ,
Тры жидовыны:
Ой мои жъ вы то
Тры жидовыны,
Чи нэ бачили Сына Мойго,
А Бога свойго?
Святъ вечоръ, святъ
А Бога свойго?
Одинъ каже, що нэ бачивъ,
А други каже, що я нэ видавъ,
А трэти каже, що *я самъ тамъ бувъ.*
Святъ вечоръ, святъ. [1])

4.

Ой тамъ на горі
Дай на высоцей,
А на туй горі
Тры дерева стоять,
А съ тыхъ деревъ
Кресты роблевы,
А съ тыхъ крестовъ
Церковь ставлена,
А въ туй церковцы
Три труны стоять;
А въ одной трункы
Самъ Христосъ лежить,
А въ другой труны
Божа Матеръ спить,
А въ трэтэй труны
Иванъ Кститель лежить.
Надъ Сусомъ Христомъ
Попы читають,
Надъ Маты Божей

---

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Шейна:* тамъ же, стр. 56. См. выше, примѣчаніе на стр. 6. *Ѳ. Ист.*

Свічки палають,
Надъ Иваномъ Кстителемъ
Вылэтівъ пташокъ,
Да полэтівъ же ёнъ
Да подъ небеса,
Да заспівавъ вінъ
Трыма голосыма:
Ой вы, нэбеса, растворитэса,
Вы, хрыстыанэ, Христу поклонытэса,
И Светуй Труйцѣ помолытэса.

ПРИСКАЗКА.

Тобі, дядку, Коляда,
А намъ подай самаго бульшаго пирога. [1])

ГОСПОДАРУ.

(хозяину дома.)

5.

Пане дядьку, господару,
Я твого двора нэ минаю.
Святый вечоръ.
А чи ты спишь,
Чи ты такъ лежишь?
Святый вечоръ.
Коли спишь, Господь съ тобой,
Коли такъ лежишь,
Прочини окно,
Чтобъ видно было.
Святый вечоръ.
Прочиняй сѣни,
Щобъ пчолки сѣли.
Святый вечоръ.
Прочиняй дверы,
Щобъ сіло двое.
Святый вечоръ.
Настилай столы тесовые,
Наливай кубки золотые.
Святый вечоръ.
Ясенъ місячикъ
По небу ходивъ,
Да зорки личивъ:
Охъ, зорки, зорки,
Ходэмо за мною
Бога шукаты.
Да знайшли Бога
У славнаго пана,

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго:* тамъ же, стр. 447 (Щедровка).
Ѳ. Ист.

Пана Григора,
Самъ Господь сѣдить
Да на покутьи,
А Петро съ Павломъ
По застольейку,
А колядники—по заслонейку.
Оглядѣлиса, що нэма
Святого Илля.
Кого послать
Илли шукать?
Треба послать
Святого Петра
Илли шукать.
Охъ вышевъ Петро за воротечка,
Ажъ идэ Илля изъ бору до дому.
— Охъ, Илля, Илля!
Дэ ты ходывъ,
Заросывшиса, замочившиса?
— Я по полю ходывъ,
Пашеньку родывъ:
Що ступлю стопою,
Стоять снопки копою,
Якъ перейду гоны,
То стоять стоги;
Кладете стожки
На четыры рожки,
А пятого на пирожки.
— Охъ, Илля, Илля!
Дэ ты ходывъ,
Заросывшиса, замочившиса?
— По бору ходывъ
Да пчолки родывъ:
На одной хвои,
По пчолокъ двои,
Охъ на хоинцы да по троинцы,
Охъ на вялицы да по пятицы.

ПРИСКАЗКА.

Дай, Боже, за рокъ дождаты,
Нового року дочекаты,
Да еще заколедоваты [1]).

6.

На перши день, да на Ражство,
Святы вечоръ, да на Ражство;
Ишовъ господаръ до церкви,
Стрѣвъ же вунъ да три ангелы,
Святы вечоръ, да три ангелы;
Одынъ ангелъ—ясно сонэлко,
Святы вечоръ, ясно сонэлко;
Други ангелъ—ясны місячикъ,
Святы вечоръ,—ясны місячикъ;

---

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Шейна:* тамъ же, стр. 59. *Ѳ. Ист.*

Трейти ангелъ — дробны дождикъ,
Святы вечоръ, дробны дождикъ.
— А що жъ ты речешь, ясно сонэлко?
Ой якъ я изыйду у недѣлю ранэнько,
Зрадуетса старэ и малэ,
До церкви идучи, свѣчей Бога хвалючи.
— Ой що жъ ты речешь, ясны місячикъ?
Ой якъ я изыйду у темной ночи,
Зрадуется купецъ у дорози,
Волы у обози.
— Ой що ты речешь, дробны дождикъ?
Ой якъ я изыйду три раза у Маю,
Зародить Богъ жито, пшеныцу
И всяку пашныцу.
Накладэмъ стожки
На штыры рожки.
Накладэмъ пшеныцы,
На паланыцы,
Накладэмъ овса.
Да Коляда вся.

ПРИСКАЗКА.

Бувай здоровъ,
Дожидай здоровъ,
И зъ діточками
Дай зъ малэнькими,
И съ сусідами
Дай зъ близенькими.
Тобі, дядьку, Коляда.
А намъ подай пирога. [1])

7.

—Ой чіижъ то пастушки
Ранэнко волы пасвылы?
—Нашого пана, пана господара,

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго:* тамъ же, стр. 452 (щедровка). Бѣлорусск. вар. см. у *Радченко:* «Гомельскія народныя пѣсни. Спб. 1888. Стр. 115, № 13. Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго:* тамъ же, стр. 3.

Ѳ. Ист.

За пана Бога прохалы:
Дай ему, Боже, дай
Счастэ у полы,
Здоровэ у дому,
Дай ему, дай.
Ой чiйжъ то волы
Ранэнко у полы буялы,
За пана Бога прохалы?
Нашого пана, пана господара,
Ранэнко волы буялы,
За пана Бога прохалы:
Дай ему, Боже, дай,
Счастэ у полы,
Здоровэ у дому,
Дай ему, дай.
Ой чiйжъ то пастушки
Гусы попасалы,
За пана Бога прохалы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiйжъ то пастушки
Свины попасалы,
За пана Бога прохалы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiйжъ то пастушки,
Овечки попасалы,
За пана Бога прохалы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiйжъ то наймычки
Лэшки осыпалы?
Нашего пана, пана господара и т. д.
Ой чiйжъ то косарыки
Рано сiно косылы?
Нашего пана, пана господара и т. д.
Ой чiйжъ то грыбыльнычки
Рано сино грабылы?
Нашего пана, папа господара и т. д.
Ой чiйжъ то носыльнычки

Рано копыцы носылы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiнжъ то стожильнички
Рано сiно стожилы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiнжъ то женчики
Рано жито жалы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiнжъ то визальнички
Рано жито визалы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiнжъ то кладыльнички
Жито въ копы клалы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiнжъ то саваченьки
Ранэнко жито сiялы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiнжъ то возыльнички
Рано жито возылы?
Нашого пана, пана господара и т. д.
Ой чiнжъ то молотыльнички
Рано у клуны жито молотылы?
Нашого пана, пана господара
За пана Бога прохалы:
Дай ему, Боже, дай,
Счастэ у полы,
Здоровэ у дому,
Дай ему, дай.

присказка.

А за тымъ словомъ
Да бувай здоровъ.
Дай, Боже, щобъ господаръ
Проживъ довго на свiты,
Да замышлявъ своими
Вѣрными слугами.

8.

Ой у Турові,
Ой на мурові,
Стоить церковка не дорублена
На туй церковцы
Голубокъ сидить,
Да пшеныцу глядыть:
Щобъ на горѣ не вывѣвало,
А у долины не вымокало.
Що на горы, то на веселье,
А у долины, то на родины.
Святы вечоръ.

9.

Ой добрый вечоръ,
Пане господару,
Святый вечоръ!
Чи ты спишь,
Чи ты такъ лежишь,
Чи листы пышешь?
Мы жъ твого двора не мынаемъ,
Святымъ Рожествомъ звеличаемъ.
На твойму дворы
Все горать огни,
Все жъ огни горать,
Все столы стоять,
Все столы стоять
Позастиланы,
Все хлѣбы лежать
Все пшеничные,
А въ концы стола
Отецъ Мыкола,
Отецъ Мыкола
Съ двума сватыма,
Съ двумя сватыма
Съ Петромъ и Павломъ.
Святый вечоръ.

ХЛОПЦАМЪ.

(ПАРНЯМЪ.)

10.

Гей, гей, Коляда!
А въ нидiлю рано,
Рано поранэнько,
Маты сына породыла;
Породывшы, дай купала.
Гей, гей, Коляда!
Покупавши, дай годовала.
Гей, гей, Коляда!
А въ нидiлю рано,

Рано, поранэнько
Въ москалы голылы,
Да всімъ говорылы:
Кто нэ мае,
Нэхай наймае;
А хто мае,
Нэхай туй здавае.
Гей, гей, Коляда!
А въ нидилю рано,
Рано, поранэнько
Маты сына въ вуйско отправляла,
Отправлявши, дай научала:
Нэ ѣдь, сынку, ни напередъ вуйска,
Ни назадъ вуйска.
Гей, гей, Коляда!
Попередъ вуйска — вся издрадонька,
Назадъ вуйска — вся лащинька.
А ѣдь, сыненьку, середь вуйска,
Посередъ вуйска — вся порадонька,
Гей, гей, Коляда!

ПРИСКАЗКА.

Дай, Боже, поживать,
Да хлібъ поѣдать. [1]

11.

Гей, Коляда!
Ой, піли півни
Рано, ранэнько,
Да побужали славнаго пана,
Пана Васыля:
Ой, устань, не спи,
Славны пане,
Пане Васыль;
Запали собі да летареньку,
Да поди собі да у стаенку;
Выберъ коника
Що нанайдлѣпшаго,
Що наинадворонѣйшаго.
Сподобавъ ему сывый коничекъ,
Малъ нэвеличекъ;
Велівъ служенькамъ

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 270. Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же, стр. 45. *Ѳ. Ист.*

Яго поймати,
Хорошо убраты,
Дай и осѣдлаты.
Возмы хортыки да на ратязи,
А соболыки на білы ручики;
Да поѣдь собі на полеванэ,
Да на погулянэ.
Пусты хортыки у щирые боры,
А соболыки у чистэе полэ;
Хортыки бѣжать,
Лысыка имчать,
Соболы лѣнуть,
Утолку имчать.
Лисича шкура маци на шубку,
Утятье мясцо матеци на юшку,
А перьечко на подушку.
Его мылая довѣдаласа,
Дай угнѣваласа.
— Ой, хошь гнѣвайса,
Хошь не гнѣвайса, моя мылая,
Да не ты жъ мене годовала,
Тэмной ночки не досыпала.
Годовала жъ мене моя матэнька,
И лилѣяла моя рудная;
Темной нучки не досыпала,
Ясной свічи не згашала,
Очапокъ съ ножокъ не спускала.

ПРИСКАЗКА.

А за тымъ словомъ
Да святкуй здоровъ,
Славный пане,
Пане Васыль;
Не самъ собою,
А съ своимъ ойцомъ,
И панею маткой,
Да и съ братами,
Да и съ сестрами,
Да и съ дядями и съ тетками,
И съ дѣдами и съ бабами,
И съ сусідами околычными
И съ добрыми людьми притолычными.
А щинальничку да червонъ злоты,
А пѣвальничкамъ да и двуй мало.
А мѣхоношу четыре гроши
И пирогъ хороши. [1])

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Шейна:* тамъ же стр. 75, № 66. *Ѳ. Ист.*

12.

Святъ вечоръ, святъ!
Надъ Дунайкомъ,
Надъ береженькомъ
Стоитъ свѣтелька,
Нова рублена,
И зъ оконочкомъ.
А у той свѣтельцы
Да стоять столы
Се тесовые
Позастиланы,
Кубки медочкомъ
Поналиваны.
Да за тыми столами
Славный пане
Пане Петро.
Вінъ тое вино
Да заживае,
Господа Бога
Да выхваляе.
Посунувса вінъ къ оконочку,
Да подывився въ оболонечку,
Да забачивъ вінъ
Дивнаго птаха,
Білаго лебедя.
Ой лынь, приплынь,
Да дивный пташе,
Білый лебедю,
Къ мойму да ёкошечку;
Напишу тобѣ,
Накажу тобѣ,
На біломъ перцѣ,
На правомъ крыльцѣ,
До цара Турка
До турецкаго,
Да чи мусить вінъ
У полю статы,
Чи за мене дочку отдаты?
Царъ Турко не отписуе,
Дай не отказуе.
Мои коненьки
Воронѣй его;
Мои припасы
Дай стройнѣй его:
Мои служеньки
Дай вѣрнѣй его.
Да велю вуйску,
Да приступиты,
Да на вуй быты.
Выходять къ нему,
Да *Вывляночки*,
Се мѣщаночки;
Выносять ему
Да великій даръ
Золотее крысло.
Вінъ тое узявъ,
Шапоньки не снявъ,
Да не диньковавъ;
Да велілъ вуйску,
Да приступиты,
Да на вуй быты.
Выходять къ нему,
Да *Вывляночки*,
Се мѣщаночки;
Выводять ему
Да великій даръ,
Вороного коня,
Осѣдланаго, да юбранаго.
Вінъ тое уйзявъ,
Шапоньки не снявъ,
Да не подиньковавъ;

Да велілъ вуйску
Дай приступиты,
Да моцнѣй быты.
Выходять къ нему,
Да *Вывляночки*,
Се мѣщаночки,
Выходять къ нему
Да великій даръ,
Красную панну,
Панну *Вывлянку*;
У серебрѣ, у злотѣ
Не повернетса,
Не перегнѣтса.
Вінъ тое узявъ,
Шапоньку снявъ,
Да и подиньковавъ,
Да велілъ вуйску
Да отступиты,
Да и годе быты.

ПРИСКАЗКА.

А за тымъ словомъ да святкуй здоровъ,
Славный пане, пане Петро,
Не самъ собою, а съ своимъ ойцомъ
И панею маткою. [1])

13.

Подъ Муровомъ, подъ городочкомъ.
Радуйся земля, Сынъ Божи народывса!
Ой тамъ ходить воронэе стадо,
А въ томъ стаді неимущій конь;
Ой кто его поймае, да и осѣдлае?
Радуйся земля, Сынъ Божи народывса!
Да и обозвавса слышный паничъ, паничъ Иванько:
Онъ его поймае да и осѣдлае.
Радуйса земля, Сынъ Божи народывса! [2])

---

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Радченко*: тамъ же стр. 113, № 7.

Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*. Тамъ же, стр. 276. Въ этомъ варіантѣ осаждаемый городъ носитъ имя „*Вирвинъ* городъ" (?). Галицкорусск. вар. см. у *Головацкаго*. Тамъ же, стр. 57 и 129. Въ первомъ изъ этихъ варіантовъ осаждаемый городъ называется „*Львôвъ*" и потому говорится: „Ой тамъ мѣщане, панове *Львôвщане*..." Во второмъ варіантѣ этотъ же городъ названъ „*Ильвôвъ*" и говорится: „Выходятъ къ нему три *Ильвовяне*. Три *Ильвовяне*, славни мѣщане..."

Кажется, въ этомъ послѣднемъ названіи нужно искать объясненія для очевидно искаженнихъ названій какъ „*Вирвинъ* городъ"—въ малорусск. варіантѣ и: „Да *Вывляночки*, се мѣщаночки — въ нашемъ варіантѣ.

[2]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамь же, стр. 24.

Ѳ. Ист.

14.

Святъ вечоръ, святъ!
Ой засвище, да зайграе соловей,
Да въ зелѣзной клѣтцы сѣдючи:
Ой вы братцы, вы товариши мои!
Чи не пойдете вы жъ въ мою сторону,
Вознесите мойму батюхну поклонъ;
Нэхай вінъ всю худобу продае,
Мене молодого изъ неволи достае.
— Ой, нэхай же вся худобонька при мнѣ,
Ой, нэхай мой сынъ у турьмі пропадэ.
Ой засвище, да зайграе соловей,
Да въ зелѣзной клѣтцы сѣдючи:
Ой вы братцы, вы товариши мои,
Чи не пойдете вы жъ въ мою сторону,
Вознесите моей матулькі поклонъ,
Нэхай вона всю худобу продае,
Мене молодого изъ неволи достае.
— Ой, нэхай же вся худобонька при мнѣ,
Ой, нехай мой сынъ у турьмі пропадэ.
Ой, засвище да зайграе соловей,
Да въ зелѣзной клѣтцы сѣдючи:
Ой, вы братцы, вы товариши мои,
Чи не пойдете вы жъ въ мою сторону,
Вознесите моей жонушкѣ поклонъ:
Нэхай вона всю худобу продае,
Мене молодого изъ неволи достае.
Жена жъ моя вѣрненькая
Всю худобу продала,
Мене молодого изъ неволи достала.
Святъ вечоръ святъ!

15.

А въ бору, бору,
Стоить церковка,
Святъ вечоръ святъ.
На той церковцы
Золотой крыжикъ;
На томъ крыжику,

Сывый голубокъ.
Выбігъ, вышовъ
Панычъ, князичъ.
Панычъ Борыско.
Да не стрѣль мене, не стрѣль,
Да панычъ, князичъ.
Я въ бору сижу,
Пшеницу гляжу,
Святый вечоръ. [1])

ДѢВИЦАМЪ.

16.

А въ ліску, ліску,
На рыжомъ песку,
Святой вечоръ.
Павинька ходить,
Перьечко ронить,
Святой вечоръ.
За ею ходить
Красная панна,
Панна Марылька,
Святый вечоръ.
Перычко бере,
Въ рукавэцъ кладэ;
Зъ рукавца бере,
На скамлю кладэ;
А съ скамли бере,
Да въ вѣночекъ вье.
Звивши вѣнокъ,
Пошла въ танокъ
Кружкомъ, бережкомъ,
Коло реченьки
Коло быстрое,
Бережистое.
Расходылыса буйны витры,
Да и звіяли павинъ вінокъ;
Да забачила три руболовы:
Три рыболовцы,
Мои жъ вы хлопцы,
Да закидайте шолковъ неводъ,
Да изловите павинъ вінокъ,
Павинъ вінокъ вельми дороги;
Ой, я заплачу, що сама схочу:
Одному я дамъ кованый поясъ,
Кованый поясъ до убиранья;
Другому дамъ золотый перстень,
Той до вѣнчанья,
А трейтему я сама молода,
Святый вечоръ. [2])

17.

Ой у городы, у честоколы
Тамъ ходыло да танокъ дівокъ;
Славная панна,
Панна Ганнулька
Передку ходить,
Таночекъ водить,

---

[1]) Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же, стр. 59.

[2]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 300. Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго:* тамъ же, стр. 106 и 124. *Ѳ. Ист.*

Вѣночекъ носить.
Перловый вѣнчикъ
Головку клонеть;
Позлотъ перстень,
Пальчикъ ломыть.
Вышовъ до еи
Батюхно еи:
Ходы, Ганнулька,
Сніданье істи!
— Зажди жъ, пожди,
Мой же батюхно,
Танокъ доводю,
Вінчикъ доносю.
Ой у городы, у честоколы и т. д.
Вышла жъ до еи
Матэнько еи:
Ходы, Ганнулька,
Сніданье істи!
— Зажди жъ, пожди,
Моя матэнько,
Танокъ доводю,
Вінчикъ доносю.
Ой у городы у честоколы и т. д.
Вышевъ до еи
Дядюхно еи:
Ходы, Ганнулька,
Сніданье істи!
— Зажди жъ, пожди,
Мой дядюхно,
Танокъ доводю,
Вінчикъ доносю.
Ой у городы, у честоколы и т. д.
Вышла жъ до еи
Тетюхно еи:
Ходы, Ганнулька,
Сніданье істи!
— Зажди жъ, пожди,
Моя тетюхно,
Танокъ доводю,
Вінчикъ доносю.
Ой у городы, у честоколы и т. д.
Вышевъ до еи
Братэйко еи:
Ходы, Ганнулька,
Сніданье істи!
— Зажди жъ, пожди,
Мой братэйко,
Танокъ доводю,
Вінчикъ доносю.
Ой у городы, у честоколы и т. д.
Вышла жъ до еи
Сестричка еи:
Ходы, Ганнулька,
Сніданье істи!
— Зажди жъ, пожди,
Моя сострицэ,
Танокъ доводю,
Вінчикъ доносю.
Ой у городы, у честоколы и т. д.
Вышевъ до еи
Дѣдухно еи:
Ходы, унучка,
Сніданье істи!
— Зажди жъ, пожди,
Мой же дѣдухно,
Танокъ доводю,
Вінчикъ доносю.
Ой у городы, у честоколы и т. д.
Вышла жъ до еи
Бабочка еи:
Ходы, унучка,
Сніданье істи!
— Зажди жъ, пожди,
Моя бабочка,

Танокъ доводю,
Вінчикъ доносю. [1])
Ее суконка
Землыцу мэтэ;
Ее черевычки
Травыцу щиплють.
Гдѣжъ узявса
Да буйный вѣтрецъ,
Вѣтрецъ повінувъ
Вінчикъ скинувъ
Шла жъ вона молодэнька,
Якъ ягодэнька,
Краемъ Дунаемъ
По береженьку;
Стрѣла жъ вона
Три рыболовцы:
Три рыбаченьки,
Да закиньте мні
Да шолковый нэводъ,
Да поймайтэ жъ мні
Да перловый вінчикъ;
Одному жъ будэ
Перловы вінчикъ,
Другому будэ
Позлотъ перстынчикъ,
Третьему жъ буду
Сама молода,
Якъ ягода [1]).

ПРИСКАЗКА.

Коляда спіта
На долги літа:
А за тымъ словомъ, да святкуй здорова,
Красная пани, пани Ганнулька,
Не сама собою . . .

18.

Ой въ саду, въ саду
Стоитъ береза;
А на туй березы
Золота кора.
Прилітѣли райски пташки,
Да тую кору ощкоталы.
Ой, да вышла красная панна,
Красная панна, панна Наталка,
Ой, да тую кору
Въ хвартукъ позбирала,
Въ хвартукъ позбирала,
Въ еднэ позлывала;
Ой, да понэсла
Да пана злотничка:
Ой, зробы мні
Да три подарунки:
Перши подарунокъ,
То золоты кубокъ;

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 409. Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же, стр. 92.

[2]) Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же, стр. 83, 84.

Ѳ. Ист.

Други подарунокъ —
Золоты перстнычекъ;
Трети подарунокъ —
Золоты рушничекъ.
У золотомъ кубку
Винойко пыты,
А у перстнечку
Палецъ положиты,
А на рушничку
На шлюбойку статы. [1])

ПРИСКАЗКА.

А за симъ словомъ
Да бувай здорова.

19.

Святъ вечоръ, святъ.
Посередъ двора
Высока гора;
А на той горѣ
Стоить береза,
Якъ былъ былэнька,
Тонка высока,
Колосыста;
А на туй березы
Золотая кора,
Женска роса.
Гдѣсь узылыса
Райскія пташки;
Якъ налынулы,
Да тую кору пообывалы,
Женску росу потопталы.
Якъ выбыгла красная панна,
Панна Палажка,
Да тую кору позбырала,
Да тую росицу позмэтала;
Пошла она до злотничковъ,
До ремеслинычковъ:
Мои жъ вы тэ, три злотнички,
Три ремеслинычки,
Искуйтэ мні три корыстоньки:
Одна корыстонька —
Да кованъ поясъ,
Другая корыстонька —
Золоты перстнецъ,
Трейтя корыстонька —
Перлувъ вѣнокъ;
А зъ останочку
Да на тканочку.
Кованъ поясъ —
Залыцитыса,
Золоты персцень — мінятыса,
Перлувъ вѣнокъ —вѣнчатыса,
А у тканотцѣ — житы-быты
Да й вікъ коротаты. [2])

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго:* тамъ же, стр. 394. Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же, стр. 67.

[2]) Бѣлорусск. вар. см. у *Шейна:* тамъ же стр. 87, № 88. Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 394. *Ө. Ист.*

ПРИСКАЗКА.

А за тымъ словомъ
Да бувай здорова
Да святкуй весела . . .

20.

Ой хвалыласа
Біла береза,
Святъ вечоръ, святъ.
Своими квятами
Передъ дубами,
Святъ вечоръ, святъ.
Ой, не хвалыса,
Біла береза,
Бо не ты кохала
Тые квяты;
Ой кохалы буйны вятры,
Друбны дощи.
Ой хвалыласа
Панна Стефана
Своима косыма;
Ой, не хвалыса,
Панна Стефана
Своима косыма,
Бо не ты чесала тыя косы,
Ой чесала нанка старенька,
У ночи при свѣчи,
А у день при сонцы.
До церкви ишла,
Паны стрѣчалы,
Шапки снималы: .
Чи ты попувна?
Чи ты дякувна?
— Я не попувна,
И не дякувна,
Батьки дочка,
Вишевальничка.
Ой нашила три хусточки:
Одну нашила
Білью білою,
А другую нашила
Червонымъ шовкомъ,
А третью нашила
Шовкомъ шовковымъ.
Што нашила
Білью біленькою—
То батеньку,
А што червонымъ шовкомъ —
То для матэньки,
А што самымъ шовкомъ —
То сама дле себѣ. [1])

БАБѢ.

21.

Ой у местечку,
У берестечку,
Святъ вечоръ, святъ.
Тамъ стара бабка

---

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Шейна*: тамъ же, стр. 87, № 88. Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго:* тамъ же, стр. 299. *Ө. Ист.*

Хлібъ разчиняла,
Свого внучка
Да колыхала.
Колыбелька да позлочена;
Еи чепочки да шелковые;
Еи ключеки да месензывые;
Повывавчикъ да шолковеньки;
Ее пелешучки злотени,
Да й колыхала:
Да люли, люлижъ,
Мои внучатка.
Суди жъ, Боже,
Васъ погодоваты,
Веселля дождаты.

волу.

22.

У нашого пана,
Пана господара
Посередъ двора
Стоить обора
Ново срублена,
Не дорублена.
А у той оборы
Да стоять волы,
Сивы половы.
Стань, пане,
Пане господарю,
Стань, не лѣнуйса,
Стань, обуйса,
Поди до клѣти,
Возьми ометн;
Тамъ у куточку
Перегны бочку,
Возьми у коробочку,
Да корми жъ волы,
Сивы половы,
Золотые волы,
Золотые роги.

Его рогатикъ да ялованькій,
Яго плашеньки да берестовы,
Его сошнечки да шталевые,
Его полычки да яловыя,
Его пудпалочки да грушовыя,
Его подвоики да шолковые,
Его кручечки да штабовые,
Его яремчикъ буковенькій,
Его кульбачки да дубовыя,
Его занозики да лозовые,
Его рожечки да месензовые,
Его поводочки да шолковые,
Его остенчикъ да черемховый,
Его сушеньки съ щираго золота,
Якъ ѣдэ въ полэ, берэ яхота.

Суди жъ, Боже, весны дождаты;
Да поѣдомо въ полэ гораты;
Да погорэмо горы, долыны,
Да поволоченьмо вороными коньми,
Да насѣемъ гарнымъ насѣньемъ
Жита, ярины и всякой пашнины.
Дай же жъ, Боже, щобъ горалъ, горалъ,
Да гроши побралъ.
Що на горѣ, то на веселле,
А що у долыны, то на родыны;
Сцѣлы, Боже, волы, щобъ хліба далы,
Поздоровъ, Боже, господара и господыню,
Щобъ волы доглядалы и горевалы.

II. Щедрицкія.

ГОСПОДАРУ.

1.

Ластовонька черненькая
Къ окэночку припадае,
Господара побужае,
Щедры вечоръ, добры вечоръ.
Дай же, Боже, усімъ людямъ на здоровье.
Устань, пане господару,
Возьми собі лихтареньку,
Пойди собі у стаеньку;
У стаенцы порадонька:
Всі кобылки пожеребылыся,
Всі конычки породылыся.
Ластовонька черненькая
Къ океночку припадае,
Господара пробужае:
Устань, пане господару,
Возьми собі лихтареньку,
Поиди собі въ обороньку;
Въ оборонцѣ да порадонька:

Всі коровки потылылыса,
Всі бычечки породылыса.
Ластовонька черненькая
Къ океночку припадае,
Господыньку побужае:
Устань, пани господынька,
Возьми собі лихтареньку,
Пойды собі въ овчареньку;
Въ овчареньцы да порадонька:
Всі овечки покотылыса,
Всі баранчики родылыса.
Господынька, годи спаты,
Иды кутьицы накладаты.
Господынька скруто ходыла
Да й ключи погубыла.
Ой тамъ ключи на скрыны;
Тамъ для насъ лежить штыры сыры. [1])

2.

Сыдыть господаръ
У конецъ стола.
Вышевъ ёнъ на улоньку,
Хмара гудэ:
Пречиста идэ,
Пчолки вэдэ.
Щедры вечоръ,
Добры вечоръ.
Пчолки вэдэ,
Молодэнькія;
Нэсытэ, люди, солоденькіе
Меды сытыти,
Дочки отдаваты;
Свѣчи сучиты;
Сыны женыты.
Чи вже коровки потелилыса,
Чи вже овечки покотылыса.
Приставъ стреминку,
Достань солонынькы
Приставъ баласки,
Достань коубаски. [2])

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 454. Галицкорусск вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же, стр. 11 (Колядка).

Буковинскій вар. см. у *Купчанко*: Пѣсни Буковинскаго народа. (Зап. Ю.-З. Отд. И. Р. Г. О. Т. II. Кіевъ 1874 г.) стр. 382.

[2]) Бѣлорусск. вар. см. у *Шейна*: тамъ же, № 89. *Ѳ. Ист.*

3.

Щодры щодрык,
Добры вечоръ!
Чи е, чи е, панъ господаръ?
А дѣти кажуть:
Нэма, нэма дома.
А я знаю, що ёнъ дома;
Ой я бачу, де вунъ сэдить:
А вунъ сэдыть у конци стола;
А на ему свита
Шолкомъ шита;
А на туй свиты *чинтокора*; [1])
А на туй чинтокоры
Дай калиточка;
А въ той калиточки
Семь селезнечки.
Тому, сему по селезнечку,
А намъ, дядьку, по пирожечку.
Спѣли, Боже, коровы, быки,
А намъ по три пироги;
Спѣли, Боже, бычки, тэлицы,
А намъ, дядьку, по паланицы.
Тобі, дядьку, щедрецъ,
А мні подай блынецъ,
И коубасы конецъ. [2])

4.

Щодрый вечоръ,
Пане господаре.
Застилай столы,
Да все тесовые,
Святъ вечоръ, святъ.
Придэ три госценьки:
Одынъ госценокъ —
Самъ Христосъ народывса;
Други госценокъ —
Святый Петро;
Трейти госценокъ —
Святы Илля.
Святы Илля по полю ходывъ,
Житечко родывъ,
И жито, пшеныцу,
Всяку пашныцу;
Да у твоихъ ульевъ
Ярыя пчолы,
Бѣлые меды,
Жовтые воски,
До хвалы Божи.
А у твоихъ оборей
Сывые волы,
Рыжія коровы,
Лысые целята,
Чорные ягнята,
Святъ вечоръ, святъ.

---

[1]) Поясъ. *Д. Бул.*

[2]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 425, 455 и 459.

Въ вар. на стр. 455 нашему «*чинтокора*» соотвѣтствуетъ: «*цинтакора* (?)» въ вар. на стр. 425 — «*шиндокора* (або калиточка)» (?). Въ варіантѣ же на стр. 459 находимъ: «А на шубі *поясочекъ*», что и подтверждаетъ объясненіе нашего собирателя. *Ѳ. Ист.*

5.

Добры вечоръ,
Пане господаре!
Чи спозволышь щедроваты?
Пречиста Маты
Да веліла щедроваты,
При столу стояла,
Честный крестъ держала.
Радуйтэса, люды;
Якъ къ вамъ Христосъ прійдэ,
Богу свічу ставтэ,
А намъ пиругъ дайтэ. [1])

6.

Було собі три братэйки,
Да всі жъ они роднэсеньки;
Перши братко выхвалявса:
Встану, встану ранесенько,
То найгрыю теплесенько.
Други братко выхвалявса:
Встану, встану о пувночи,
Да засвѣтю світлесенько,
По всімъ світі ясвесенько.
Трети братко выхвалявса:
Встану, встану о полудни,
Спустю, спустю дощикъ
Дробны на житейко,
На пшеницу и всяку пашницу.

7.

А у нашого пана господара
Стоить світелка
Посередъ двора,
А въ туй світелцы
Всі Святые;
Оно нэма Святого Илля.

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 445.

Ѳ. Ист.

Ой пошовъ въ полэ
Жито родыты,
Житы, пшеницы,
Всякой пашницы.
Що съ колосочка,
То жита бочка;
Що съ колосыцы,
Бочка пшеныцы;
Що съ колосеню,
Бочка ячменю;
Що волоточка,
То овса бочка

ПРИСКАЗКА.

Тобі, пане, щедрецъ,
А намъ коубасы конецъ;
Приставъ стремынку,
Да лізь по солонынку;
Мало, не величко,
Одріжь по самэ лычко.

8.

А въ конецъ двора
Стоить свѣтелка
Нова рублена;
А въ туй свѣтелцы
Три окошечки.
Щодры вечоръ,
Добры вечоръ,
Добрымъ людямъ на здоровье!
Въ першомъ окенцу—
Ясный місячикъ;
Въ другомъ окенцы—
Яснэ сонэлко;
Въ третьемъ окенцы—
Ясны зореньки.
Ой що місячикъ,
То господарикъ;
А що сонэйко,
То господынька;
А що зореньки,
То ихъ дѣтоньки. [1])

ДѢВЦѢ ИЛИ ХЛОПЦУ.

9.

Зажурылаcа крутая гора,
Що нэ вродыла жита, пшеницы,
Однэ вино всімъ непотребно.
Пошла дівонька вино стерегти;

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ жс, стр. 460. *Ө. Ист.*

Приходить до еи матонька еи:
Ходы, дитятко, до дому:
Да приіхалы тріе сватовы, три женишки,
Одны въ хаты сідять на покутьи,
Другіе сталы подъ окномъ,
Третіе сталы подъ сѣньми съ коньми.
Тымъ, що въ хаты—
Дівоньку даты;
Що подъ окнами—подарка даты;
А що подъ сѣньми съ коньми —
Тымъ отказаты. [1])

10.

Ой въ лѣску, въ лѣску,
На жовтомъ песку
Комора̀ гудыть:
Церкву будують;
А у той церковцы
Свѣчи палають,
Ангелы спѣвають,
(Имя) вѣнчають.

Когда водятъ козу.

11.

А въ лѣску, въ лѣску,
На жовтомъ песку
Стоить церковка,
Съ трома верхамы,
Съ трома окнамы.
Однэ оконцэ, то то совнэйко,
Другэ оконцэ, то-то місячикъ,
Третье оконцэ, то-то зороньки.
А що совнэйко, то-то батюшка,
А що місячикъ, то-то матушка,
А що зороньки, то-то дзѣтоньки.

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 467. Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же, стр. 66, (колядка) и 71. *Ѳ. Ист.*

присказка.

Запалю свѣченьку,
Пойду въ клітоньку;
Зирну на бочокъ,
Тамъ стоить мачокъ.
Зирну на други,
Тамъ стоять крупы;
Крупы крупицы,
Нашему козлу на паленицы,
А мачокъ, мачокъ на тарилочку,
Нашему козлу на горылочку;
Бочка пшеницы на паленицы,
Повбочки грычки
На варенички,
Симъ пичъ перепичъ;
Рѣшето овса,
На верхъ ковбаса.

12.

Го, го, го, коза,
Го, го, го, сѣрая!
Дѣ коза походыла,
Тамъ жито зародыло;
Дѣ коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ;
Дѣ коза ногой,
Тамъ жито копой;
Дѣ коза хвостомъ,
Тамъ жито кустомъ;
Дѣ коза мызой,
Тамъ жито съ грызой.
Го, го, го, коза,
Го, го, го, сѣрая!
Дѣ рога діла?
На соль проіла:
Соль дорогая,
Мѣра скупая.
На горѣ коза съ козенятами,
Подъ горой вовчокъ съ вовченятами:
Вовчокъ за козу,
А вовченята за козенята.
Чокъ, чокъ, чокъ,
Пучь коза впала,
Ссохла, пропала.
Дай козѣ сала,
Щобъ коза встала [1]).

---

[1]) Бѣлорусскіе варіанты см. у *Шейна*: тамъ же, стр. 91, 92; у *Радченко*: тамъ же, стр. 123. Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 265.
Ѳ. Ист.

III. Весеннія.

1.

Весна красна,
Що принесла?
Я принесла
Сирчикъ-бѣлильчикъ,
А дѣвонькамъ по вѣночку,
А хлопчикамъ по кіечку,
А старымъ бабамъ по тінечку [1]).

2.

Гей весна, гей весна,
Да чужи жонки ткуть кросна,
А я своихъ не ткала,
Да все на воду пускала:
Да плывите, кудельки, волокномъ,
Да приплывите ко мнѣ полотномъ [2]).

3.

Да звила пава гнѣздечко,
Да павина душа въ рай пошла.
Да знесла пава еичко,
Да павина душа въ рай пошла.
Да знесла пава другее,
Да павина душа въ рай пошла.
Да знесла пава третее,
Да павина душа въ рай пошла.
Да вывела пава три сыны,
Да павина душа въ рай пошла.
Одинъ сынокъ пахарикъ,
Да павина душа въ рай пошла.
А другій сынокъ бортничокъ,

---

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Шейна*: тамъ же, стр. 126; у *Романова*: тамъ же, стр. 268, № 21. Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, стр. 109.

[2]) Бѣлорусск. вар. см. у *Шейна*: тамъ же, № 127. *Ѳ. Ист.*

А павина душа въ рай пошла.
А трети сынокъ пастушокъ,
А павина душа въ рай пошла.
Пахарокъ въ полѣ бецъ, по бецъ,
Да павина душа въ рай пошла.
Бортничокъ у лісі стукъ, да стукъ,
А павина душа въ рай пошла.
Пастушокъ въ лісі ну, да ну,
А павина душа въ рай пошла.

4.

Волъ бушуе, весну чуе;
Годэ, воле, бушовати,
Поэдемо въ полэ орати.
Тамъ травыца шовковая,
И водыца крынычная;
Тамъ травыцы наешьса
И водыцы напьешса.

IV. Троицкія или на Куста.

1.

Ой поросты, кропэ,
Вышей огорода;
Нэ ходы, старый,
Коло мого батька двора.
Ой походы, молодецъ,
Походы, красавецъ,
Коло мого батька двора.
Ой, я жъ того старого
Зъ давня нэ любыла,
Я въ его слѣдочекъ
Каменя покатыла.
Ой яжъ того молодца
Зъ давня полюбыла,

Я въ его слѣдочокъ
Перстня покатыла.
Ой якъ тому каменю
Тяжко катытыса,
Такъ тому старому
Тяжко женытыса.
Якъ тому перстню,
Легенько катытыса,
Такъ тому молодцу
Легенько женытыса.

2.

Труица по церквы ходзила,
Спаса за ручку водзила;
Ой ты, Пречистая Маты,
Ходы къ намъ веселля зачинаты.

3.

Труйца, Труйца, Свята Богородыца!
Посыю жито, да нэхай зародыть;
Посыю жито, посыю пшепыцу:
Зароды, Боже, усяку пашныцу;
Що зародытца, то для мого батюхна,
Що нэ зародытца, то для мого свекорка.
Солодокъ мэдокъ, то для моюй матоньки,
А горка горылка, то для моей свекорки.

4.

Куста, Куста, да сочивонька густа,
А конопелька, дай нэма ничегонько.
А кто жъ тую да сочивоньку скосе,
Той мене дай отъ батюхна отпросе.
А кто жъ да тую сочивоньку сожнэ,
А той да отъ матоньки возмэ.
А кто жъ да тую сочивоньку вырвэ,
Да той отъ матоньки вымэ [1]).

---

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Безсонова:* Пѣсни Бѣлорусскія. Ч. I., в. 1., стр. 26, № 41. *Ѳ. Ист.*

5.

Привэлы Куста
Дай изъ зеленаго клону;
Дай намъ, пану,
Хочь по золотому,
Да выкоть, пане,
Три барылки горылки.
Привэлы Куста
Дай хороше дѣвки,
Да выкоть, пане,
Три барылки горылки.
Привэлы Куста дівки молодыя,
А коло Куста
Сочевиченька густа,
А коло пенька
Дай нэма ничегонько.
А хто жъ тую сочевиченьку порвэ,
Той собѣ красную панну возмэ.
Ой, отозвався нашъ паничъ молодый:
Я жъ этую сочевиченьку порву,
Я собі красную панну возьму.

6.

А щожъ тая да удовонька дѣе,
Нэ оре полэ, дай пшеничку сѣе;
Еще вдова до дому не зашла,
Уже удовина пшеничка взошла;
Еще вдова на лаві не сіла,
Ужъ удовина пшеничка поспіла.
Пошла вдова пшеницы глядэты,
Ажъ вывела перепелочка дэты.
Бодай тому три літа хворіты,
Да хто побравъ перепелчины діты.

7.

Ой, знаты, знаты,
Хто нэ женаты:
Білэе лыченько,
Якъ у паняты.
Ой, знаты, знаты,
Хто оженывся:

Скорчивса, зморчивса,
Всімъ зажурывса.
Ой, знаты, знаты,
Хто кого люлить,
Далеко садитца,
Къ собі голубыть.
Ой, знаты, знаты,
Хто съ кого кпытца,
Блызко садытца,
Скоса дывытца.
Ой, знаты, знаты,
Хто любыть русску,
Вытоптавъ стежечку
Черезъ петрушку.
Ой, знаты, знаты,
Хто любыть польку,
Вытоптавъ стежечку
Черезъ фасольку.
Ой, горе, горе тому неженатому,
Екъ тому горшечку щербатому:
Кыпыть, кыпыть,
Да все збѣгае,
Куды повернетца,
Счастгя нэ мае [1]).

8.

Раско̆лоласа суха лѣщиночька,
Полюбыласа съ казакомъ дівчиночька;
Полюбылыса да обое молодые,
Понедужалы одное годыны.
Дівчина ляжить у батька въ коморы,
А козакъ у зеленой дубровы.
Дівчина лежить у матэньки у пэрыны,
А козакъ бідный на дубовой корины.
Дівчиноньцы дають меду, вина до сыта,
А козакъ бѣднякъ зимной воды просить.
Ой, матенько, да нэ буду я жива,
Дайтэ козаку хочь шкляночку пива;
Екъ живъ будэ, вунъ насъ нэ забудэ,
А якъ помре, спасенье души будэ.
У ниділеньку да раненьку
У всі звоны звонять.
Выды, матэнько, вже козака хоронять;
Коли хоронять, то и мене нарадите,
Въ одну труну насъ обое положите.
По дівчиноньцы усі звоны звонять,

[1]) Галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго:* тамъ же, ч. I, стр. 814. Угро-русскій вар. см. у *Де-Воллана:* Угро-русскія нар. пѣсни. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этн. т. XIII, в. 1, Спб. 1885.), стр. 130. *Ѳ. Ист.*

А по казаченьку усы луги шумять.
По дівчиноньцы да отэцъ маты плаче,
А по козаченьку чорны воронъ краче.
Нэ крачь, нэ крачь, да ты, чорны воронэнку:
Дэ мні Богъ судывъ,
Тамъ положивъ голувонку.

V. Лѣтнія.

1.

Ой пойду жъ бо я на долиноньку,
Накошу травы, дамъ конику;
Конь травы не ість, оно дывытся:
Дѣсь мое дитя плаче, журытся;
Конь воды нэ пье и травы нэ ість:
Дѣсь мое дитя дробны слезы лье.

2.

Й гукну жъ бо я, гукну,
Нэхай маты чуе,
Да вечеру готуе.
Наварила сочевыцы,
Насыпала чемэрыцы;
Дала сыну капунъ істи,
А невістві сочевыцу,
Наополъ чемэрыцу.
А невістка догадаласа,
И зъ обідомъ дожидаласа;
Ежьмо, жинко, напередъ твое,
А потымъ мое,
Помремъ разомъ обое.
Изливай воды въ одну шклянку,
Поховай насъ въ одну ямку.
На сынови яворъ стоить,
А на невістцы липиночка;

На явору соколъ сидить,
На липоньκi зовзуленька.
Листъ зъ листомъ слипается,
Мое сердце скипается;
А не сынъ, не невiстка —
Мѣла сестра ѣсти.

3.

Ой пойду я горамы, долынамы,
Ой, знайду я вербоньку съ калынамы;
Ой стану я тую калыну ломаты,
Ой станутъ мене слезоньки облываты.
Що выломлю да найбольшую квiтку,
Занэсу свому батэньку на повiтку;
Ой, въ мого батэньки вэлыки банкотъ,
Мае госты частые и мэнэ спомынае!
Прыбутъ, прыбутъ, мое дитятко, въ госты,
Постановымо коныки на помосты;
Самы будэмо пыты, да гуляты,
Наши коныки на помосты стояты;
Самы будэмо то мэдъ, то горылку пыты,
Наши коныки, то овэсъ, то солумку iсты.

4.

Ой, пойду я въ широкэе полэ,
Ажъ тамъ муй братко на пшенычку горе;
— Покынь, братко, на пшенычку горaты,
Да ходимъ, братко, моей долы шукаты.
— Нэ пойду, сестро, нэ тэпэръ нэ вечора,
Хиба пойду въ четвергъ зъ вэчора.
Бугъ вiдае, колы туй четвергъ будэ,
Мэю долэю да наживутца людэ.

5.

На болоты косаръ косыть,
Дай припавши голосыть:
Чи косыца тупая,
Чи травыца сухая.

У мэнэ коса нэ тупая,
У мэнэ трава нэ сухая,
У мэнэ жунка лыхая.
Семъ дёнъ нэ топыла,

Обідаты нэ варила,
А въ осьмому затопыла,
Обідаты наварила.
Наварыла ботьинечко,
Накыдала каменьечка,
Наварыла гороху,
Накидала пороху,
Наварыла сочевыцы,
Накидала чемерыцы.

6.

У нашого пана дыво,
Що по місяцу—жныво,
Зоры ходять—снопы сносять,
Куры поють—копы кладуть,
Свѣтаньечкомъ—до дому идуть.

7.

Да оре ротай, оре,
Да на волы гукае;
Чужи жоны обідъ несуть,
А моя ни несе.
Да моя жона у дома,
Да она сына міла,
А мівши призаснула,
На вікн заснула.
Да нэ було никого,
Ни малого дитяты,
Ни водыцы податы.

8.

И сюды гора, и туды гора,
Помыжъ тымы гороньками, ясная зора.
Ясная зора ранэнько зошла,
Молодая дівчинонька по воду пошла.
Дівче горою, козакъ за ею,
Сывымъ конычанькомъ по-подъ горою.
— Дівчина моя, напой мнѣ коня
Съ холодной крыныченьки, зъ нового ведра.
— Якъ буду твоя, напою и два
Съ холодной крыныченьки, зъ нового ведра.

9.

Эй сывы, сывы соколочекъ,
Высоко лытаешь;
На кого жъ ты, другъ любэзный,
Мылу покыдаешь?
Эхъ, покыдаю свою мылу

Эй, на тумъ морі,
Да на тумъ синэмъ;
Якъ корэнъ на моры,
Да всі волны бьютса,
Слэзки льютса,
Нылкъ нэ возмутса.
Охъ выйду на гору крутую,
Стану погляну,
На рѣчку быструю.
Эй, зеленъ, зеленъ островочекъ,
Тамъ дружокъ мылэнькій;
Эхъ, вунъ ни сѣе, вунъ ни паше,
Чорну шляпу носить.
Ой чорна шляпа пуховая,
Маша молодая.
Лыжить Маша, растяглаcа,
Слезмы облыласа.

10.

Ой за сіньми, у зеленомъ зільи,
Соловэйко щебече:
Цебе, оренько, цебе, дитятко,
Твоя матухно кличе.
Хоць кличь, нэ кличь,
Моя матухно,
Вжежъ я тобі отслужила.
Повісила ключи,
До шлюбу идучи
У коморы, на пробои;
Вінчика да покатылы.
Моя матухно, моя роднэнька,
Вжежъ я тобі отслужила.

11.

Ой, встану я ранэнько,
Умыюса бэлэнько;
Ой, сяду я подъ окномъ
И вотруса полотномъ.
Погляну я въ окэнцэ,
Зышовъ місяцъ и солнце;
Погляну я въ другэе,
Ажъ тамъ вишнювъ садочекъ.
Вишня къ вишни хылытса,
А мні, бідной сиротэ,
Нэма, куда прыхылытыса.
Солнце, місяцъ высоко,
Отэць, маты далэко,
А братэйко на войні,
Не вѣдае обо мні;
А сестрычко въ нэволы,
Вжежъ нэ прійдэ ныколы,
А муй мылы на полу,

Вся журбонька о ему.
Иды жъ, мыла, до гаю,
Шукай зилля розмаю;
Я жъ розмаю нэ знаю,
Хыба лудэй спытаю.
Щежъ до гаю нэ дошла,
Отъ мылого почта шла:
Кидай розмай край рова,
Зостаешься ты удова,
Кидай зилле копаты,
Иды мылого ховаты.
Кидай зилле съ квѣтками,
Зостаешься съ дѣтками;
Кидай розмай край броду,
Остаешься безъ роду;
Кидай зилле жовты цвітъ,
Будэ сиротъ повенъ світъ.

12.

Зажурылася молода удовушка,
Що нэ кошана зелена дубровушка;
Нэ журыся, молода удовушка,
Будэ скошана зелена дубровушка.
Будэмъ наймати косары молодые,
Будэмъ платыты по четыры золотые.
Косары косять,—вѣтричекъ повівае,
Мое сіничко отъ солнца посыхае.

13.

Ой полола дівчина
Морковку и пастернакъ,
И заколола въ рученьку
Да и бодякъ.
Ой, подытэ по попа, по дяка,
Нэхай вынуть зъ рученьки бодяка;
Ой, нэ хочу ни попа, ни дяка,
Позовытэ молодого козака.

14.

Ой, да Кася волы пасла,
Въ тэмнумъ лісі погубыла;
Пришла домувъ, маты была:
Ой ді, Кася, волы діла?
Въ тэмнумъ лісі погубыла.
Пошла Кася гукаючи,
Своихъ волувъ шукаючи;
Пошла Кася вороньками,

Обливщиса слезоньками.
Еще Кася съ гуръ нэ вышла,
Якъ вже волы дома булы.

15.

Да вже солнце котытса,
Мні до дому нэ хочется;
У мене въ дома нэ свуй батько:
У воротехъ застрѣчае,
Серпа зъ ручекъ отбырае,
А видерко въ ручки дае:
Иды, дитя, нэ руднэе,
До крыныцы по водыцу,
А у буръ по брусныцу,
Нэ такъ воды жадаючи,
Якъ невісту збуваючи.
Нэма на мою невістку,
Не звіра лютого,
Нэ человіка лихого.
А я звіра нэ боюса,
Человіку поклонюса.

16.

Нэ сѣчи сосны, бо похылытса,
Нэ давай дочки, бо изжурытса;
Посѣкли сосну — похылыласа,
Отдали дочку — зажурыласа.
Я въ батька була, красоваласа,
До свікра пришла, змарноваласа;
Я въ батька була, то якъ дэнь бѣла,
До свікра пришла, журба зъіла за годыночку,
Якъ буйны вѣтеръ лебедыночку.

17.

Ой пойду я да подъ гай зеленэньки,
Стрынэ мене да козакъ молодэньки,
Станэ мэне да дорожку пытаты;
Я молодэнька не умѣла отказаты.

Дѣсь ты, дівка, да не у батька росла,
Що не відаешь, дѣ доружка пошла.
Я у батька росла и діло робыла,
Своимъ ворогамъ на пересадъ садила;
Я у батька росла, якъ буйное жито,
Я у батька була, якъ тихое літо.

18.

Катывса вѣнокъ съ поля,
Да просывса до покоя;
Пусты, пане, до покою,
Вжежъ я въ полю настоявса,
Сылныхъ вітровъ наслухавса,
Буйныхъ дождовъ навидавса.

19.

Нэ развивай, сухій дубе,
Снывокъ падае — морозъ будэ.
Я морозу нэ боюса,
Маю зулле, разовьюса,
Маю зулле, маю лозы.
Блудыть козакъ при дорозы,
Приблудывса винъ до гаю,
До зеленаго розмаю;
Ставъ коныка попасаты,
Стала зозулька коваты.
Не куй, не куй, зозуленька,
Нэхай щебече соловэйко.
Соловэйко рано встае,
Всі дороженьки відае,
По екій бікъ до родыны,
По екій бікъ до дівчины.
По правы бікъ до родыны,
По ліві бікъ до дівчины.
Пріѣзжае козакъ пудъ ворота:
Выйди, мыла, мое злото;

Прiѣзжае козакъ пудъ окэнце:
Выйды, мыла, мое сердце.

20.

Чiяжъ то пшеныченька,
Вой що трое гоны?
Чи то той дiвчи,
Що чорныя бровы?
А у той дiвчиноньки
Хата на помости;
Прiѣхало до дiвчины
Три козаки въ госты.
Одынъ сiдыть на крэсэлку,
Дробны листы пыше;
Други сiдыть на другомъ,
Червонцами сыплэ,
Трейты ходыть по сѣнычкамъ,
Съ маткою говорыть:
Ой, матэнько роднэнькая,
Дай воды напытыса,
Маешь дочку хорошую,
Дай подывытыса.
Стоить вода у кубочку,
Коли хочь, напыйса;
Сiдыть дочка у крэселку,
Иды, подывыса.

21.

Ой поiхавъ муй мылэньки
У полэ горaты;
А мнi вилiвъ до снiданья спаты.
Ой, спы, мыла,
Ой, спы, чернобрыва,
Щобъ твоя голувка нэ болiла.
Ой, прыiхавъ мой мылэньки съ поля,
Да и заплакавъ мой мылэньки,
Коло коника стоя.
— А що, мой мылэньки, плачешь,
Може ты вечераты хочешь?
— Тэпэръ же мнi вечера нэ мыла,
Самъ же я знаю, що мыла не жива.
— Нэ плачь, мылы, нэ плачь, чернобрывы,
Нэ вдавайса у веткую тугу;
Изробы мнi малованую труну;
Зложи на мене шолковую сорочку,
Поховай мене у вышновому садочку;
Скопай на мнi высоку могылу,
Посади на мнi червону калыну.

Прилітять пташки костоньки істы,
Принесуть отъ милаго вісти.
Якъ ты будэшь по садочку ходыты,
Молодую жонку да за ручку водыты,
Якъ ты будэшь вишеньки обыраты,
Молодой жонки у хвартушокъ сыпаты.

22.

Ой гукъ, маты, гукъ,
Дівки изъ ягодъ идуть.
Да веселая моя улычинька,
Откуль они идуть.
Ой, гай, маты, гай,
Да замужъ мене дай;
Не давай мене за ляда екого,
Бо мні уроды жаль.
А моя урода,
Якъ у полы вода,
А мое лычко,
Якъ яблычко,
А сама,
Якъ ягода.

23.

Ой, Боже мой, Боже,
Боже мой едыны!
Чому мнѣ не гэтакъ,
Якъ моюй родыны.
А въ моюй родыны пшеныца зродыла,
А въ менэ бідной,
Осотъ да прокива.
Чи мні иты до родыны,
Пшеныченьки жаты,
Чи мні иты до домоньку,
Прокиву топтаты.
Пшеныченьку жнучи,
Жалю наберуса;
Прокиву топчучи,
Счастья доживуса.

24.

Зъ вишневаго саду
Соловэй вылетае;
Изъ славнаго двора,

Да сывы конь выбѣгае,
Да не самъ вонъ выбѣгае,
На ёмъ паничъ выѣзжае.
Да на ему жупанъ сяе,
Якъ макъ зацвітае,
Да на ёмъ шапка бурчить,
Якъ пчела жужить;
Да на ёмъ чоботы
Турецкой работы;
Да на ему кошуленька
Тонка бѣленька,
И къ паперу ровненька;
Да не тутъ ей прали,
Да не тутъ ей ткали;
Прали ей Подолянки,
Да бѣлили ей лебюдки,
Кобъ была тоненька, бѣленька
И къ паперу ровненька.

VI. Любовныя.

1.

Съ подъ темной хмары,
Сонэйко выходить;
За лихыми ворогами,
Мой мылый нэ ходить.
Ждала я, ждала,
Столы застилала,
Столы мои тесовые,
Обрусы тройчасты.
Очки мои чорненьки,
Пропала я зъ вами;
Не хочете ночоваты
Не ночоньки сами.
Хочь хочете, не хочете,
Треба прывыкаты.
Поіхавъ мой мылый
У степу гораты,
Учора горавъ у степочку,
А теперь у садочку;
Выплакала чорны очи,
За чотыри ночи,
А геты чотыри ночи
За восымъ сталы.

Бодай мого мыленького
Волыкы пропалы.
Нехай волы живы будуть,
Кружокъ поломався,
Кобъ мой милы, чернобривы
Зъ волами пригнався.

2.

Въ концы греблы
Стоять вербы,
Стоять воны тихо,
— Не стуй, дзівко, съ козаками,
Будзе тобі лихо.
— Ой якъ же мні не стояти;
Якъ рыба съ водою,
Ой такъ же мні, серденятко,
Такъ же и съ тобою.

3.

Ой выйду, выйду
На гору круту,
Стану погляну,
На рычку быстру,
Ще на ту дівчину,
Що вірно люблю,
Що ходыть гуляе,
По вышневымъ саду,
Щипае, ломае
Свой садъ виноградъ,
Кидае, бросае
Въ новый кроватъ,
Щобъ не відала,
Ея рідна мать,
Щобъ маты нэ знала.
Людомъ нэ сказала;
Щобъ злые люде
Дай нэ говорели,
Щобъ мои размовы
Дай нэ разлучели.
Нэ разлучить насъ
Ни матъ, ни зора,
Хиба насъ разлучить
Сырая земля.

4.

Маты сына да выражала
Дай на косовицу,
Да зачесала жовты кудры
Дай на потылицу.
Яжъ думала,
Що ты, мой сыноньку,
Пуйдешь косыти;
Ажъ ты кинувъ косу въ росу,
Да ставъ голосити:
Густы травки,
Частые покосы,
Потеравъ я літа
Черезъ жовты кудры;
Густы травки,
Частыя копицы,
Потеравъ я свои літа
Черезъ молодицы.

5.

За річкою за быстрою,
Тамъ спознався съ дівчиною,

Тамъ познався, закохався,
Щирымъ серцемъ ей одався.
Ты жъ, дівчино, буйся Бога,
Дай не зважай ни на кого,
Дай не суши серца мого.
— Ты богатъ, а я вбога,
Ой не твоя я ровня;
Остуныса, напасныку,
Ты маешь дівокъ безъ лыку,
На котру глянешь, тую любишь,
Передъ Богомъ усі судышь;
Мене хочешь раскохаты,
А на решты самъ смыяты.

6.

Ой іхавъ козакъ,
Козакъ молоденькій,
Сывыми волами;
Плаче, плаче молода дівчина
Дрюбными слезами.
Не плачь, молода дівчино,
Въ тугу не вдавайся;
Ой, дѣ я буду,
Тебе не забуду:
— Ой якъ же мні, молоды козаче,
До осени ждаты,
Хоче мене моя родынонька
За иного одаты.
— Ой, якъ буде твоя родынонька
За иньчого одаваты,
Пыши лысты, давай ко мні візты.
— Ой якъ пысала и пересылала,
Мои лысты нэ доходять,
Ой уже мои очки черненькіи
Дрюбненькими слезмы сходять.
Ой чюмъ же ты, молодый козаче,
Тогды не женився,

Якъ у поли сухи дубъ развився?
— Чимъ же ты, молода дівчина,
Тогды за мужъ не йшла,
Якъ у млыны на камени
Пшениченька зойшла?

7.

Травка муравка, зеленый лужокъ,
Яжъ по тобі ходю, нэ находюся,
Кого вірно люблю, нэ налюблюся.
Хлопче, молойче, нэ ходы у дэнь,
Нэ ходы у дэнь, нэ смэши людэй;
Прийды жъ до мэнэ въ ночи,
При ясной свічи.
Свічинька горыть,
Молойчикъ сыдыть;
Свічка догорае,
Молойчикъ ступае.
Молойчикъ ступае, добра ночь дае,
Добра ночь дівчина, добра ночь, моя!
Вже жъ насъ нэ разлучить,
Ни світъ, нэ зора,
Хиба насъ разлучить,
Сырая земля.

8.

Ой расчешу я жовты кудры,
А ты, дѣвча, косы,
Поженэмо сывы волы
На рапюю росу.
Пасытэся, сывы волы,
Нэ бійтеса мошки,
А я пойду до дѣвчины,
Поговору трошки.
Пасытэса, сывы волы,
Нэ бійтеса вовка,
А я пойду до дѣвчины,
Бо болить головка.
Пасвылыса сывы волы,
Да вже полягалы;
А дѣ жъ тыи ротайки,
Що намы горалы?
Пушлы наши ротайки,
Пушлы въ косовыцу:
Покосылы всю траву,
Траву и черетыцу.

Съѣздивъ коня,
Съѣздивъ вороного;
Скажи, дѣвчо, правду,
Чи буде що съ того?
— Я жъ тобѣ козала
И твойму роду,
Не ходи до мене,
Не роби заводу,
У мене посагу не буде,
Озьмуть мене такъ

Ой на горы жито,
И въ долыны жито;
Подъ білэю дай березою,
Козака забито.
Ой убито жъ его бито,
На смерть забито;
Червоною дай кытайкою
Оченьки закрыто.
Ой прышла дівчина
Съ чорныма бровыма,
Якъ подняла да китаенку,
Дай зароготала;
Ой прышла жъ другая,
Да вже жъ не такая,
Подняла китайку,
Заплакала тая;
Прыйшла трейтяя,

Черезъ садъ виноградъ
Потрушона роса;
Выбѣгала дівчинонька
До козака боса.

9.

Добрые люде.
— Въ тебе посагъ сама ты,
Якъ у саду вышня красная.
— Таперака кажешь,
Що вышенька красная,
А потымъ скажешь,
Доленька несчастная;
Коли ты не скажешь,
То твоя маты:
Было жъ жинки бідной нэ браты.

10.

Екъ открыла да кытаечку,
Дай зарыдала:
Ой устань, козаче,
Устань, молоденькій,
Ходыть, блудыть по дубровонцы
Твій конь воронэнькій.
Нэхай же вінь блудыть,
Нэхай напасэтся,
Ужъ моя головонька
До дівчатъ не зведетця.
Ой було жъ тобѣ, козаче,
Насъ трохъ не любити,
Теперъ молодому
Въ сырой земли гныти,
А намъ молодымъ,
На світі пожити.

11.

Ой выбѣгла за ворота,
Ноженькой тупъ, тупъ:
Выйди, козаче, серце,
Бо я дауно тутъ.

12.

Какаруза родитса,
Какаруза сіетса;
Молодому хлопцу
Женытыса хочетса,
Высватайте вы, мамо,
Высватайте вы, тату,
Хорошую дівку для мэне.
Не сватайте черняву,
Бо чернява гордуе,
Нехай туй чернявуй
Счасттэ-долы нейметца,
Высватайте русаву,
Бо русава сміется,
Нэхай той русавуй
Счасттэ-доля иметца.

13.

Темна ночка, темная
Дай осеняя, большая.
Я всю ночку не спала,
Все жъ на морі гуляла,
Миленькаго гукала.
Эй, подай, милы, голосокъ
Черезъ темны лѣсокъ,
Не голосокъ, рученьку.
Ой, якъ же мні податы,
Коло тебе товариши стоять.
Тожъ не товариши мои,
Да все вороги мои;
Хочуть мене поймать,
Дай въ солдаты отдаты.
Я въ солдаты не пойду,
До батюшки утеку;
А въ батюшки добре житы,
Е що зъисты, е що пыты,
Три кубочки на столі,
И садочикъ на дворі.
Съ одного кубка напюсь,
Пойду въ садокъ, пройдусь;
Съ другаго кубка напюсь,
Пойду на рѣчку посмотрю;
Сь трейтего кубка напюсь,
Пойду въ кровать да полежу.

14.

За гаемъ, гаемъ, за Дунаемъ,
Тамъ Ванюша сіно косить,
А дівчина молодая
Обідъ ему носить.
Несла, несла, не донесла,
Въ гаю сына породыла,
И до гаю говорыла:
Гаю муй, гаю,
Гаю зелененькій,
Ты, муй сыночку маленькій,
Чи мні тебе годовати,
Чи мні тебе поховати?
Поховавши, отъ Бога гріхъ;
Годуючи, отъ людей сміхъ.
Ваня си рѣчи слыхавъ,
Кинувъ косу на прокосу:
Ты, дівчина молодая,
Дурный розумъ маешь,
Люби Ваню молодого,
Годуй сына маленького.

Ой пуйдемъ мы до рыночку,
Купимъ собі колысочку;
И почепимъ на дубочку,
Будэ вітіръ повываты,
Будэ сына колыхаты,
Мы молоды годоваты.

15.

Музыка грае,
Дівчина гуляе,
Нэхай мого молодого
Ныхто нэ займае,
А хто его займе,
Той собі лыхо пайде;
Ой я его очарую,
Вынь до дому нэ зайде.

16.

Ой заржи, заржи, сывы конику,
Рано на пашу ійдучи,
Чи нэ зачуе серце дѣвчины,
У саду вэнки вьючи.
Ой якъ зачула,
Тяжко зотхнула,
Жалосно заплакала:
Ой чи того хлопца,
Сывы кінь рже,
Що я вірно кохала.
Ой чому нэ пришовъ,
Чому нэ пріѣхавъ,
Якъ я тобѣ казала,
Чи коня нэ мавъ,
Чи дорожки нэ знавъ,
Чи мати нэ пускала?
Ой я коня мавъ,
И дорожку знавъ,
И мать мене пускала,
Меньчая сестра,
Бодай нэ зросла,
Сідельцэ ховала,
Дай найучала:
Ой нэ бэри, брацю,
Нэ бэры рідный,
Гэтэй дівчиноньки;

Она нэ вмѣе пресгы, вышиваты,
Только косу чесаты.
Ой рости коса,
Нижей пояса,
Лучше будеть чесаты,
Чи не покинуть мои ворожки
Дай на мене брехаты.
Ой нэхай брэшуть вражи людэ,
Да добрэшутца лыха;
Охъ, а мы серце, серце дівчино,
Полюбимося стыха.
Ой любылыся, да кохалыса,
И мать насъ нэ знала,
Охъ, а тепера дай разстаньмоса
Такъ, якъ тэмная хмара;
Тэмная хмара дай нэвидная
Дощикомъ зойдэ,
Вражіе люде дай набрэшутся,
А дівка замужъ пойдэ.
Велыка хмара, вэльмы тэмная,
Дощикомъ зышла;
Вражи людэ набрэхалыса,
А дівка замужъ пойшла.

17.

Не шумь, не шумь, дубровушка зелепа
Не плачь, не плачь, дѣвчинушка,
Не плачь, молодая.
Ой якъ же мні не шумити,
По мнѣ хмары идуть;
Ой якъ же мні не плакаци,
Любивъ козакъ дзѣвчиноньку,
Да ставъ покидаци.

18.

Ой у полю дворъ
Поставивъ бы свуй,

Хорошая дѣвчиноньва,
Приставъ бы я къ юй.
Ой у полю садъ,
Нихто не бывъ тамъ;
Молоды козаченько,
Коника сѣдлавъ,
Білы листъ писавъ,
До дѣвчины славъ.
Ой пославъ же я свого пахаля,
Хорошая дівчиноньва,
Дома не была.
Ой, мой миленькій,
Не великъ ты панъ;
Сідлай, сідлай коничепька,
Да прибывай самъ.

19.

Кажуть люди, козакъ лядащица,
Не хоче діла робыты, не горовaты,
Иде до корчомки пыты, да гуляты,
Дівчатъ намовляты.
Ходите, дівчата, зъ намы,
Зъ молодыми козакамы;
У твоей мамы кошуля подрана,
А въ насъ шолкомъ вышивана;
У твоей мамы у лычкахъ ходишь,
У насъ будешь ходыть въ черевичкахъ.
А дівка дурная послухала.
Повезли дівку крутыми горамы,
Привязали до сосны ногамы.
Выкросали огню съ білого камню,
Пудпалыли сосну зверху дереня.
Сосна догарае,
Дівка промовляе:
Хто въ лісі почуе,
Нехай голосъ чуе;
Хто дочки мае,

Нехай научае;
Нехай до корчомки,
Гулять не пускае [1]).

20.

Пріихала джинджора
Еще вчора зъ вэчора,
Ставыть коны на стайни,
А самъ идэ до пани.
— Марусенько, сэрдэнько,
Позволь ночку ночовать?
— Нэ позволю ночовать,
Бо пріидэ зъ війска братъ.
— Марусенько, сэрдэнько,
Я жъ поставлю вартоньки,
На всі штыры брамоньки.
И вартонька уснула,
Братъ пріихавъ нэ чула,
И въ окэнце забращавъ,
У двэры застукавъ.
— Марусенько, серденько,
Що за кони на стайни,
Висыть зброя на стэні?
— Ой пріхавъ убогій,
И бэзрукій, безногый,
И безъ счастья, безъ долы.

21.

Ой подъ вышнею, подъ черешнею,
А подъ грушею, подъ зеленою,
Сѣдить голубецъ съ голубиною,
И цилуютца и милуютца,
Правымъ крилочкомъ обнимаютца.
Поіхавъ козакъ до Черного мора,
Забивъ голубца, а голубка вдова.
Сыплють пшеничку, ставять водичку:
Ой пи голубка — бѣдная вдова.
Не хочу ѣсты, не хочу питы,
Нема голубца, не хочу житы.
Поѣхавъ козакъ до Чорнаго мора,
Набивъ голубцовъ повну обору,
Навезъ голубцовъ сто тысячъ.
Выбирай собѣ, который мылый.
Я жъ выбирала, найвыбирала,
Нема такого, якъ я кохала,

[1]) Бѣлорусскій варіантъ см. у *Радченко*: тамъ же, стр. 198, № 163. *Ѳ. Ист.*

Мой бывъ миленькій, чернобрывенькій,
На лычко быленькій, а самъ маленькій [1]).

22.

Ой на горы, на горы,
Тамъ гулялы козакы;
Ой гулялы, гулялы,
Дай на хлопцевъ кивалы.
Эй вы, хлопцы, молойцы,
Накажите туй дівцы,
Що въ хорошей сукенцы,
Ныхай вона насъ нэ жде,
Ныхай вона за другого иде.
Ой, матенько, Боже жъ муй,
Хорошъ козакъ, да нэ муй.
Иды, доню, до гаю,
Шукай зилля розмаю.
Я розмаю нэ знаю,
Хиба людей спытаю.
Еще до гаю не дойшла,
А вже розмай найшла,
Полоскала у воді,
Изварила у меді.
Еще розмай нэ скипівъ,
А вже козакъ прылытівъ.
Ой що тебе принесло,
Чи човенъ, чи весло?
Принюсъ мене сывый кунь,
До дівчины на спокуй [2]).

23.

Ой у полы озерце,
Тамъ плавае ведерце,
Сосновы клепкы,
А дубове донце.
Не цураймоса, серце,
Ой не разъ я и не два
Стоявъ подъ коморой,
Выйди, дівчино, выйди, рыбчино,
Поговоримо съ тобою.
Ой рада бъ я выходыты,
Съ тобой, серце, говорыты,
Лежиць маци по правой руци,
Я боюса разбудиты.
Ой ты, козаче молоденькій,
Въ тебе коникъ вороненькій,
Сѣдлай коня, да ідь изъ двора,
Ты не муй, я не твоя.
Козакъ коныка сѣдлае,
Съ коныченькомъ размовляе:
Несысь, мій коню,

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: Тамъ же, т. V, стр. 317, № 626 и стр. 246, № 488. Галицко-русскій вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же ч. II, стр. 515. Угро-русскій вар. см. у *Де-Воллана*: тамъ же, стр. 71 и 72. Великорусскій вар. см. Русскія народн. пѣсни собр. и изд. для пѣнія и фортепіано *Дан. Кашинымъ*: кн. II М. 1834, стр. 110, № 28.

[2]) Малорусск. вар. входитъ въ составъ пѣсни, помѣщенной у *Чубинскаго*: тамъ же, т. V, стр. 414; № 803, А и Б. Галицко-русскій вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же, ч. I, стр. 225. Угро-русск. вар. см. у *Де-Воллана*: тамъ же, стр. 40. Бѣлорусскій вар. у *Радченко*: тамъ же, стр. 171 и 172, № 104. *Ѳ. Ист.*

Несысь, вороны,
Дай до тихаго Дунаю,
А я пойду, а я пойду
Въ темный лісъ по калыну,
Чи не забачу, чи не зострину
Свою вірную дівчину;
А моя дівчина
Въ темномъ лісу заблудыла,
Только слыдочекъ
Изъ білыхъ ножочокъ,
Гдѣ моя мила походыла;
Ой вырву я тамъ лысточекъ,
Да накрою той слыдочекъ,
Кобъ не засіявъ, кобъ не завіявъ
Буйный вітеръ и песочекъ.

24.

Позволь, Боже, до літати дождаты,
Поідымъ до Маруси у сваты,
А Маруся недужа лежала,
Жовтымъ шовкомъ головку звязала.
Пріихали три козаченьки съ полку,
Развязали Марусину головку;
Одинъ каже, що Маруся недужа,
А други каже: чи любишь мене?
А трети каже: чи ты пойдешь за мене?
Ой хтожъ бо мні да труй зелля достане,
Той за мною до шлюбоньку стане.
Пошовъ козакъ да труй зилля шукаты,
Ажно идуть до Марусеньки сваты;
Копае козакъ да труй зилля корыння,
Ажно ѣде Маруся на весилле.
Помогай бо, нареченная теща,
Ой чи жива принадэнка?
Еще бывай здоровъ, да нареченный зятю,
Уже твою принадэнку взято;
Да бодай, ты вечора не дождала,
Якъ ты мою принадэнку отдала.

25.

Зеленая смуродына,
Чому не вродыла?
Була зима морозяна,

Цвітъ заморозила.
Молоденьки козаченько,
Чому не женывся?
Я у войску бувъ и спознився,
Тымъ не женывся.
Молодая дѣвчинонька,
Чому за мужъ не йшла?
Я всю Польшу исходила,
Дружка не знашла.
Охъ пойду я молодая,
На круту гору,
Ой гляну я молодая,
На рѣчку быстру;
Ажъ тамъ чеше милы кудры
Въ своей головы,
Чеше, чеше, дай почі сае,
На чужія, хорошія дай поглядае:
А чужія хорошія, да екъ маковъ цвітъ,
А моя невдашечка завязала світъ.
Ой возьму я невдалую
За правую ручку,
Да пущу я невдалую
На быструю річку:
Плыви, плыви, невда шечка,
На нызъ и зъ водою,
Не нажився, не на бувся
Свой вікъ я съ тобою.
Плыла, плыла невдашечка,
Стала потопаты,
Ажно вышевъ еи братку,
Ставъ горько плакаты:
Бодай бо ты, козаченко,
Тогды оженився,
Екъ у лузи при дорозі
Сухи дубъ розвився.
Бодай бо ты, дівчинонько,
Тогды замужъ шла,

Екъ у млыни на камени
Суха пшеница зышла.

26.

Ты, зовзуля боровая,
Чому рано не ковала,
Чому щиру правду не сказала?
Чужи дѣвки рано всталы,
Всю долю разобралы,
А я молодая спознылася,
Гырка доля судылася,
Да не такъ гырка, якъ лядаща;
Прошли літа не знающи,
Да екъ маковъ цвітъ.

27.

У Кіеві да на бережочку
Ходить Ванька по грудочку.
Що ты, Ванька, тутей робишь,
Чи ты рыбку собі ловишь,
Чи ты людей перевозишь?
Ой гірки жъ мои перевозы,
Обливають мене слезы.
Была въ мене жінка мила,
На рычіньки ножки мыла,
На камени становила,
Ды въ Дунаю утонула,
Трое дѣтокъ покинула,
А четверте въ повыточку;
Трудно житы животочку,
Да клопоче головочку.
Не плачь, Ванька, не журыса,
Еще молодъ, оженыса;
Возьмешь жінку молодую,
Призабудешь журбу тую.

28.

По садочку хожу,
И бервинки сажу.
Чімъ я въ тебе, моя маты,
Неженатый хожу?
Оженыса, сынку,
Возьми собі жінку,
Удовину дочку.
Удовина дочка
Да не моя ровня:
Ходыть, ходыть по рыночку,
Якъ королёвна;
А ны съ ею статы,
А ны поговорыты,
Только шапочку сняты,
Да день добры даты.
Охъ день добры, дѣвча,
Охъ день добры, любко,
Охъ день добры, дѣвчинонько,
Сивая голубко! [1])

---

[1]) Варіантъ см. у *Рудченко*: тамъ же, стр. 142, № 40. *Ѳ. Ист.*

29.

Ой не шуми лузе,
Зеленый байраче;
Не плачь, не журиса,
Молодый козаче.
Ой не самъ я плачу,
Плачуть мои очи,
Не даютъ спокою
А ни въ день, ни въ ночи.
Ще сусіди близки,
Вороги тяжкія
Не даюгь ходыты
Дівчину любыты.
Я дівчину люблю,
Дай за себе возму,
Ой я люблю и вірно кохаю,
А съ того кохання,
Съ жалю помираю.
Ой я умру, умру,
А ты будешь жива,
Приды подывыса,
Дѣ моя могыла,
Край синего мора.
Набереса, моя мила,
Ты безъ мене гора.
Приды на могылу,
Не ступай ногами,
Ще я живъ съ тобою;
Приды на могылу,
Не кидай зэмлею,
Бо мні тяжко, важко
Лежаты подъ ею.

30.

Быстра річка нэ вэлычка
И бэрожкы подносыть;
Молодъ козакъ, молодъ козакъ
Камандироньва просыть:
—Ой мій же ты, командиру,
Позволь же мні погуляты,
Съ хорошею дівчиною
Позволь же мні шлюбъ узяты.
—Не по правды, нэ по правды,
Козаченьку, умэраешь,
Пэрэдъ смэртю, пэрэдъ смэртю
Дівчиноньвы жадаешь
— Ой якъ же мні, командиру,
Дівчиноньки нэ жадаты,
Якъ придэтца юмыраты,
Той нэкому воды даты.
Помэръ козакъ, помэръ козакъ
И помэрла тыха мова,
Тылько зоставъ кинь вороный
И золотая зброя.
Ходыть конывъ по бэрожку
И головкою клоныть:
Ходыть дівка по садочку,
Білы рученьки ломыть;
Ломыть рукы; ломыть ногы
И мызыного пальца:
Ой світъ пройду, то нэ знайду
Такого коханца.

31.

Болыть же мны головушка,
Ой, можеть я скоро вмру;
Ой пуйдитэ привэдитэ,
Кого вірно я люблю,
Посадитэ въ головушкахъ,
Той, можеть, я й ожову.
Выкопайтэ крыныченьку
Въ вышневомъ саду,
Чи нэ придэ дівчинонька
Зъ вэдромъ по воду.
Ой пришла дівчинонька
Пораньче отъ всѣхъ,
Зачерпнула водыченькы
Побольше отъ всѣхъ.
Ой йдэ козаченько
Дай просыть вэдра,
Просывъ, просывъ вэдёрушка,
Вэдра нэ дала.
Ой щобъ же ты, дівчинонько,
За мужъ нэ пошла,
Якъ ты мні молодому
Воды нэ дала.
Бодай же жъ ты, козаченьку,
Съ конычeнька впавъ,
Що ты мні молодэнькой
Загадушку загадавъ [1]).

32.

Ой ты стоишь на горонцы,
А я пудъ горою,
Чи такъ тужишь ты за мною,
Якъ я за тобою?
Порадь мні, дівчинонцо,
Якъ рюдная маты,
Чи мні теперъ женытыса,
Чи осены ждаты?
А я тобі, козаченьку,
Ражу, не отражу,
Я съ тобою вечуръ стою,
На иньчого гляжу.
— Кадукъ твою матку бери
Съ твоею порадою,
Я до тебе съ щирымъ серцемъ,
А ты не со правдою.
Чи чула жъ ты, дивчинойка,
Якъ я тебе клыкавъ,
Коло твого окопечка,
Сывымъ конемъ іхавъ.
— Ой чи чула, чи нэ чула,
Не отзывалася,
На козака молодого
Не сподывалася;
Учора не бувъ и теперъ не бувъ,
Ой дѣсь мюй мыленьки
Дай о мні забувъ.
— Ой ще не забувъ, хиба забуду,
Якъ поиду, то семь літъ не буду.
— Кобъ я мала маляра свого,
Вымалёвала мылого собі,
Прибыла бъ его окунцы,

---

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Радченко*: тамъ же, стр. 162, № 85; у *Романова*: тамъ же, стр. 111, № 29.
Ѳ. Ист.

Стала, подывылася,
Якъ на сокола;
Прибыла бъ его дай на дощечку,
Подывылася, якъ на пташечку;
Прибыла бъ его въ новюй коморы,
Ой на туй стыні, дѣ спаты мні.

33.

Тыхо, тыхо Дунай воду нэсэ,
Еще тыше дівча косу чешэ,
Що учешэ, на Дунай нэсэ:
Плывы, коса, до темнаго лісу.
Плыла коса на березя стала;
На березя яворъ зелененьки,
Подъ яворомъ коникъ вороненьки,
На конику козакъ молоденьки,
Седыть же вонъ у скрыпоньку грае,
Струна въ струну стихи промовляе:
Нема смірты да вдовыному сыну,
Свівъ съ розуму молоду дівчину,
Ой извівши, на коныка сівши:
Бувай здорова, дівчинонька моя,
Бо я знаю, що вже ты не моя,
Якъ поіду, то вже не вернуся,
Ще я молодъ, еще оженюся.

34.

Три нидѣлюшки лежала,
А четверту я не хочу;
Ой сяду я край окошка,
Противъ ясного сонца,
Чи не ѣде черномурецъ.
Черномурецъ зъ Дону ѣде,
Девятеро коней веде,
На десятумъ вороненькумъ,
У жупані зелененькумъ;
Я думала, що до дому,
Ажно къ синяму мору.
Прііхавъ до гаю
И къ глубокому Дунаю,
Ставъ вінъ кони напойваты,
Стала вода прибуваты;
Черномурецъ потопае,
Да на миленьку гукае:
Ратуй, ратуй, моя мыла,
Колы вірно любыла!
— Ой рада бъ я ратуваты,
Кобъ мні човенъ и весельце,
Ратовала бъ, щире серце.
Ой пойду я по люде,
Може жаль кому буде:

Покуль люде зобралыса,
Черноморецъ утопывся.
Плыви, плыви и зъ водою,
Зосталась я сиротою,
Плыви, милы, бережками,
Зостаюся я зъ дѣтками,
Плыви, милы, крутыми,
Зостаюся я зъ дробными [1]).

35.

Ой не ходы Грицу,
Дай на вечерницу,
Бо на вечерницы
Дѣвкы чаровныцы.
Котъра дѣвчина чорнобрывая,
Тато чаровныца справедливая.
У неділю рано
Зилле копала,
А у понидільникъ рано
Зилле перемывала;
Во второкъ рано
Зилле варыла,
А въ середу рано
Грица отруила.
Якъ пришовъ четвергъ,
Гриценько умеръ,
Якъ пришла пятница,
Поховала Грица,
А прышла субота,
Помынала Грица;
А прышла неділя,
Маты доню была:
На щожь ты, доню,
Грица отруила?
— Ой, маты, маты,
Жаль ваги не мае,
Нехай той Грицъ
Разомъ двухъ не кохае.
Кохавъ одную,
Потомъ другую,
Теперь нехай
Любить землю сырую [2]).

36.

По горі хожу,
Виноградъ сажу,
Гей, гей, виноградъ сажу.
Расти жъ, виноградъ,
Тонки, высоки,
Друбны и широки,
Гей, гей, друбны и широки.

---

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Радченко*: тамъ же, стр. 126, № 6.

[2]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, т. V, стр. 429, № 820; галицко-русск. вар. см. у *Головацкаго*: тамъ же, ч. I, стр. 202; угро-русск. вар. см. у *Де-Воллана*: тамъ же, стр. 41. *Ѳ. Ист.*

На юмъ ягодки
Друбны, солодки,
Гей, гей, друбны, солодки.
Виноградъ посажу,
Въ красоту пойду,
Съ красоты выйду,
Вѣночка изовью.
Звивши вѣночка,
Пойду въ таночка,
Гей, гей, пойду въ таночка.
Изъ танка приду,
На воду пустю,
На быстру рѣку:
Хто вѣнка пуйме,
Той мене вузьме,
Гей, гей, той мене вузьме.
Ой отозвався да королевъ сынъ:
Я жъ вѣнка пойму
И тебе, молоду, возьму,
Гей, гей, и тебе возьму.
Ступивъ онъ ногою,
По колінцо ставъ,
Гей, гей, по колінцо ставъ.
Ступивъ онъ другою,
Волосокъ сплавъ,
Гей, гей волосокъ сплавъ.
Ой бѣжи, коню, да й дорогою,
Да й дорогою, да й широкою,
Забѣжи, мой коню, къ новому двору,
Гей, гей, къ новому двору,
Ой стукни, бразни копытечками,
Щобъ подковочки да й зазвинѣли,
А копытечки дай защимѣли,
Гей, гей, да й защимѣли.
Ой то тамъ выйде
Старая жона,
Гей, гей старая жона;

То мати моя,
Гей, гей, то мати моя;
Дастъ вона тобі овса, сіна,
Да спытается свого сына,
Гей, гей, свого сына.
Не кажи, коню, що утопився,
Да скажешь, що оженився,
Гей, гей, що оженився.
Узявъ я жону, — быстру рѣку,
Гей, гей, быстру рѣку.
Узявъ я сваты, — берожки крутые,
Гей, гей, берожки крутые.
Узявъ свашечки, — малы пташечки,
Узявъ дружечки, — въ воді рыбочки.
Гей, гей, въ воді рыбочки.

37.

Міжъ горами, міжъ борами
Пошла девче за грыбами,
За быстру рѣку,
Ухъ! за быстру рѣку.
Еще къ рѣтцѣ не дошла,
Мухоморика знашла,
Краснаго грыба,
Ухъ! краснаго грыба.
Грыба краснаго схватыла
Да въ корзынку положила,
Да й сама одна,
Ухъ! да й сама одна.
Ой запалю свѣчу зъ лою,
Да выведу дѣвче съ бою,
Ухъ! молодюсеньку.
Ой запалю другу восковую,
Да тры разы поцалую,
Кладу ен спать,
Ухъ! кладу ен спать.
Девче спатки не кладется,
Да все слезоньками льется,
Боится мене,
Ухъ! боится мене.
Не плачь, девче, не плачь, красна,
Не лій слезочекъ напрасно,
Не бойся мене,
Ухъ! не бойся мене.
Черевички тобі на,
Носи здорова,
Ухъ! носи здорова.
Лѣпшь ходить босякомъ,
Нижь любиться съ дуракомъ,
Ухъ! нижь любиться съ дуракомъ.

38.

Бѣда жъ мнi на чужени,
Зовуть мене зоволокою,
Кажуть мнi рычку плысты,
Широкую, да глыбокую.
Чи мнi плысти,
Чи мнi бристы,
Чи мнi сысты, започинуты;
Придется мнi молодому
На чужени загинуты.

— Чи я тобi не казала,
Да стоячи пудъ свытлыцою:
Нейды на чужину,
Бо застанешь молодицою.
— Любывъ тебе дiвчиною,
Люблю тебе молодицою;
Хоча семъ лiтъ буду ждаты,
Пока станешь удовицою.

39.

Зузуля рабая
По полю летае,
Траву разгортае,
Сокола шукае.
Соколю, соколю,
Чимъ гордуешь мною,
Якъ вiтеръ горою,
Море долиною,
Сонце калиною,
Козакъ дiвчиною.
Приходю, пытаюся матки:
Матуленька моя,
А дѣ дочка твоя?
Пошла до крыницы,
Чорпаты водыцы.
Козакъ до крыницы, —
Не брато водицы.
Прыходыть до хатки,
Пытается матки:
Матуленько моя,
А гдѣ донька твоя?

Пошла въ чистэ полэ,
Пшениченьку жаты.
Козакъ въ чистэ полэ —
Пшеница не жата,
Пшениченька ярка,
Дѣвчина ворьятка;
Пшениченька густа,
Дѣвчина распуста.
Приходю до хатки,
Пытаюся матки:
Матуленько моя,
А гдѣ донька твоя?
Пошла до коморы,
Постиленьку слати;
Козакъ до коморы,
Дѣвче постiль стеле:
Стелися мякенько,
Ложися близенько,
Будемъ говорыты,
Будемъ размовляты,
Ночь коротаты.

40.

Маты доню бье, карае:
Дѣ ты, доню, вінчикъ діла?
Іхавъ, мати, князь Михайло,
Изнявъ вінчикъ дай поіхавъ
Дорогою широкою,
Дубровою зеленою.
Маты ходить, слуги будить:
Ой вы, слуги молодые,
Берите кони вороные,
Да бѣжите, доженнте,
Съ плічь головку здымите,
Да везите черезъ село селянское,
Черезъ місто мѣщанское,
Нехай стары дивуются,
А молодые покаются,
Дѣвкамъ танка не мѣшають,
Съ дѣвки вѣнка не знимають.

41.

Ой за гаемъ, за Дунаемъ,
Тамъ Иванько съ конемъ грае,
А съ кармана платокъ мае.
Иванюша, гарный хлопецъ,
Бодай же ты марне пропавъ,
Якъ ты мого вѣнка сцеравъ.
Не я жъ твого вѣнка сцеравъ;
Сцеравъ твуй дурный розумъ,
Дѣвоцкое дѣвованнэ,
А хлопоцке жертованнэ.

42.

Да иде, иде сонэйко
Да изъ русскои стороны.
Я жъ думала сонэйко,
Ажно рудны татуленько.
Напишу листоньки,
Да пошлю послоньки:
Чи звелить батько гуляти,
Вінчикъ носити.
Да гуляй, дитя, зъ молоду,
Да носи вінчикъ зъ зелену.
Да я уже вінчикъ зносила,
Два двораченьки ссушила,
И зъ коничченька ссадила;
На медочку пропила,
На колачикахъ проіла.

43.

Охъ ты, дівчино, червоная вышна,
Чімъ ты до мене зъ вечора нэ вышла?
— Я нэ вышла, боюся морозу,
Бо я свои ножки вельми поморозю.
Ты, дівчино, нэ буйся морозу,

Я твои ножки у шапоньку вложу.
Моя жъ шапонька вэльми дорогая,
За штыры волы вона купована,
За штыры волы, за пяту корову,
За білэ лычко и чорны бровы.
Ступай, дівчино, на човнокъ за мною.
Еще дівчино на човнокъ нэ сіла,
А вже исхопыласа на моры несчасна годына:
Щука-рыба човна затопыла;
Молода дівчина на Дунай поплыла.
А тамъ за Дунаемъ тры козаки ходыть,
Одынъ до другого стыхенько говорыть:
Одынъ каже: рыба въ моры грае;
Другы каже: дівчина потопае,
А трети каже: що будэ, то будэ,
Такы дівчину ратоваты буду.
Ратуй, ратуй, козаченку, зъ мора,
Будешь маты отъ матки заплату;
Ратуй, ратуй мене молодую,
Будешь маты отъ батька другую.
— Ой я не хочу заплатоньки браты,
Я тэбе хочу за мылую взяты.
— Ой лішь я буду въ моры потопаты,
Нижъ съ нелюбымъ другомъ
На шлюбы стояты;
Лішь я буду въ морі пэсокъ істы,
Нэжъ зъ нэлюбымъ за столикомъ сісты.
Въ моры потопавши, то втону, то зрыну,
За не люба пойду, на віки загину.
У морі втоплюся, до краю пpыплыну,
За нэлюба пійду, на віки загину;
Въ морі потопавши, могъ, то выратуе,
За не люба пойду, нихто не жалуе,
Ны отецъ, ны маты,
Ны рыдны сестры, наймилѣйши браты.
Нехай мои руки объідають щуки,
Нехай мои косы водыца пудносить,

Нехай моя маты, ходячи, голосыть.
Ой подай же мні, братко, гострую тычину,
Ой сколю, пробью нэвірну дівчину [1]).

44.

Калына, малына
На подворье схылила;
Молодая дівчиионька
Молойчика любила,
Съ молойчикомъ гуляла
Темна ночка на простой;
Стоитъ баринъ на дворі,
Кличе дѣвушку къ собі:
Выйди, выйди, дівчино,
На совѣтушко ко мні.
— Постой, молойчикъ, годыночку,
Зажди, молойчикъ, другую,
Покы я своюй матусэньки
Вэчереньку сготую,
Постіль білу постілю,
Тогди съ тобой, барынъ молодэнькій,
На юлонцы постою.
Добро жъ тобі, дівчиненько,
По свэтлицы ходячи;
Яково мні барину молодому
На морозі стояты,
Гарнецъ меду держаты,
Гарнецъ къ ручкамъ прикипае,
Сныжикъ глаза залипае.
Ты думаешь, дівчинко,
Що я тэбэ вірно люблю?
Ой якъ выйду за новы ворота,
То я тэбэ осудю.
— Колы думавъ любиты,

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Радченко*: тамъ же, стр. 139, № 35. *Ѳ. Ист.*

На щожъ мэнэ судыты,
Луче было нэ знатыса,
Нэжъ познавшись, разставатыса [1]).

45.

Поміжъ горами круты бережокъ,
Тамъ стояла дівка и сывы орёлъ.
Ты, сывы орле, що за вѣсть принесъ?
Серце, дівчино, е до тебя гость.
Молода Кася зрадовалася,
Вѣрныя слуги да и побудила,
Ярыя свѣчи да и запалила:
Ой горите, свѣчи, хоть до повночи,
Чи не увижу милаго въ очи;
Чи такой мой милый,
Екъ спрежде былъ;
Змарнѣло личинко,
Бо въ дорозѣ бывъ,
Змарнѣло личинко
Змарнѣвъ и ты.
Серце, дівчино, не для сухоты;
Нема очкамъ спанья,
А ручкамъ работы;
Якъ приде той день,
Ни сплю, ни роблю,
Приде темна ночка,
Я до тебе иду,
Серце, дівчино, я тебе люблю.

46.

Ой на горы сухій дубъ,
Нижей дуба долина,
Тамъ ходыла дівчина;
Тамъ дівчина ходыла,
Свого скоту згубыла,
Голубочка зловила,

---

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Радченко*: тамъ же, стр. 204, № 172. Угро-русскій вар. см. у *Де-Воллана*: тамъ же, стр. 79. *Ѳ. Ист.*

Занесла до броду,
Посадила на лоду,
Насыпала пшеницы,
Поставила водицы.
Чому, голубокъ, не клюешь,
Чи думоньку думаешь?
Ой, дума жъ моя, дума,
Звела козака зъ ума;
Самъ на вечорки ходивъ,
Красныхъ дѣвушекъ любивъ.
Всѣ дѣвки хороши,
Только одна краше,
Закрасила вона всіхъ.

47.

За погоди добре спится;
Ѣхавъ козакъ дорогою,
Зеленою дубравою:
Пущю коня на долину,
А самъ ляжу заночину.
Вышла дѣвка жито жаты,
Козаченька пробужаты:
Устань, козаче, годе спати,
Твого коня не видаты;
Уже твой коникъ за тры милы,
Выѣвъ травы тры долыны,
Выпивъ воды два Дуная,
Выѣвъ траву до кореня,
Выпивъ воду до каменя.
Запрегай сывы кони,
Да подѣемъ до дѣвчины.
Пріѣхалы подъ ворота:
Стоитъ дѣвка краше злота,
Узяла коня за гривоньку,
Да повела у станнку,
А милого за рученьку,
Дай повела у свѣтличеньку,
Дала коню овса ѣсти,
А милому кресло сѣсти;
Сама стала въ концы стола,
До милого ницъ ни слова.
Чого, мила, задумала,
Чорны очи зарумала,
Чи жаль коню овса, сіна,
Чи милому вина, пива?
Не жаль же мні овса, сіна,
Ни милому меда, пива,
Ой жаль же мні молодости,
Що я живу въ нелюбости,
Жаль же мні всего світа,
Що йдуть марне мои літа.

48.

За рычкою за быстрою
Цимбалы гудуть,
Да вже жь мою любезную
Подъ ручки ведуть:
Одинъ держить за рученьку,
А други да рукавъ,
А трети стоить, серце болить:
Любивъ да не взявъ.
Верни жъ мои подаруньки,
Що я даровавъ.
Рада бъ я вернути
Кони не стоять,
Повужичокъ маленьки,
Не може стримать;

Коне помкнуть,
Рамене порвуть;
Земля задрожить,
Да вжежь мойму любезному
Серце заболить. [1])

49.

Нэ ходи, козаче, помизь берегами,
Ой нэ суши серца мого чорными бровами.
Чорни брови маю, да нэ оженюса;
Пойду до рѣченьки съ жалю утоплюса.
— Нэ топыса, козаче, марно душу сгубышь,
Скажи щиру правду, чи ты мене любишь?
Не люблю никого, скарай мене Боже!
Цилуймося, милуймося покиль сонъ не сможе;
Нэ нацiловався, не намиловався,
Якъ у саду соловейко щебече.
Сѣдлай, хлопецъ, коня, сѣдлай вороного,
Поiдимо вiнчатися до попа чужого.
Прiiхали къ попу, нэма попа дома.
Чи твоя таке несчастна, чи то моя доля!
Прiiхалы къ попу, а попъ нэ вiнчае;
Бодай ему тяжко, важко,
Кто насъ разлучае
У молодыхъ лѣтехъ.

50.

Ой изъ неба высокаго,
Глянь на мэнэ молодую;
Дай мнi друга хорошого,
Якъ сама молода.
Ой пойду жъ я подъ мостами,
Ажъ тамъ качки плывуть стадами;
Одна одну догоняе,
Кажна собi пару мае.
Я жъ молода въ божой кары,
Що не давъ мнi Богъ пары.
Ой пойду жъ я утоплюся,
Объ камень разобьюся.

51.

Зеленый дубочекъ,
На лугъ похилився;
Молодый козаче,
Чого зажуривса?

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Чубинскаго*: тамъ же, т. V, стр. 202, № 411. Угро-русск. вар. см. у *Де-Воллана*: тамъ же, стр. 95-96. *Ѳ. Ист.*

Чи волы присталы,
Чи зъ дороги сбився?
Волы не присталы,
Съ дорожки не сбився;
Ишовъ до корчмы,
Водочки напився;
Ишовъ съ корчмы,
На бокъ похилився.
Ой тамъ стоять люди,
Усе государы,
Мэнэ осуждалы.
О дивные люди,
Пойду я къ рѣци,
Чи не зустрину я плонцы.
Ой вы хлопцы,
Прекрасны молойцы,
Закидайте сѣти,
На быстрыя рѣки,
Да поймите долю
Да мнi молодому.
Нэ поймалы долы,
Да поймалы щуку
У правую руку.
Щука рыба грае,
Собi пару мае,
А мнi молодому
Долиньки не мае [1]).

52.

Туманъ, туманъ по долины,
Широки лыстъ на калыны,
Еще ширши на яворы,
Дѣ мой милы на размовы;
Кличу, кличу, вонъ нэ чуе,
Нэхай здоровъ тамъ ночуе;
Якъ пойду я до корчомкы,
А въ корчомцы людей много,
Нэма мого мыленького;
Якъ пойду я до церковки,
А въ церковцы еще болѣй,
Болить мое серце горѣй;
Якъ пойду я коло луга,
Шукаючи собѣ друга,
Нэма въ лузi никогенько;
Оно цишi соловчейко спѣвае,
Бо вунъ собi пару мае,
А я молода въ божуй кары,
Що не маю собi пары.
Якъ пойду я коло лозы,
Ажъ тамъ стоить хлопецъ гожiй.
Не задавай серцу туги,
Не озьмешь ты, озьме други,
Бо я жъ роду нэ такого,
Щобъ любила лядакого,
А я роду отецкаго,
Люблю сына шляхетскаго.

53.

Выйду на поле,
Гляну на море,
Самъ я не знаю,
Що мнi за горе.
Выйду на поле,
Гляну на море,

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Радченко:* тамъ же, стр. 169, № 99.

Ѳ. Ист.

Буду стояты,
Буду думаты
Великую думу,
Буду сноситы
Великую муку;
Ой чи не подасть
Мила мнѣ руку?
Я къ же я маю
Руку даваты,
Колы не хочешь
Вірно кохаты.
Колы не подашь,
Скажи принамнэ,
На що я трачу
Літа такъ марнэ.
Колы не хочешь,
Щобъ я твій бувъ,
То дай мні зілля,
Щобъ я тебе забувъ.
Ой хоть напьюса,
То не забуду;
Тебя одную
Любыты буду.
Не вартъ ты того,
Щобъ я любила
До житья свого.

54.

А въ нэділю поранэнько
Наіхали Татары,
Всі дівочки позаймалы,
Въ чистэ полэ погналы.
Женуть полэ, женуть другэ,
А на третимъ тра статы
И коныкы попасаты.
Станымо, браце, при долыны,
Подэлымо по дівчины:
Сему, тому по дівчины,
Нялася сестра брату;
Узевъ еи за рученьку,
Повівъ еи въ свэтлыченьку,
А самъ засівъ въ карты граты,
Дівку заставівъ постиль слаты.
Постиль стэлэ, сильно плачэ.
Въ карты грае и пытае:
Чого жъ ты, дівко, плачешь,
Сильно плачешь, тяжко дышешь?
Ой тогожъ я сильно плачу,
Моя маты удовонька,
А я бідна сиротонька,
Породыла девять сыновъ,
А десяту дочку
Да и тую безділочку,
Два служить капитану,
А два служить государу,
А два служить при гетману,
А два служить нашему пану.
Девятаго нэ видно,
Чи въ огні погорае,
Чи въ війску погыбае,
Чи на морі потопае.
Деку Богу допытавса,
Що отъ Бога грѣху нэ набравса
И съ сэстрою нэ звэнчавса.
Слуги мои вірнэнькіи,
Запрагайтэ коны вороны,
Поідэмо до матэньки.
Сынъ йде изъ войныцы,
Маты бэжить изъ пывныцы,
Нэсэ въ рукахъ дві шкляныцы:
Въ правой руци, тото доцци
Въ лівой руци, тото сыну;

Дала сыну, сынъ напывса
И съ коныка похылывса;
Дала доцци — напыласа
За сэрдэнько узялася:
— Матка наша роднэнькая,
А дѣжъ ты насъ поховаешь?
Сына свого при косцелы,
А дочичку въ чистомъ полы.
На сыновы зэлэный яворъ,
На дочичцы бэризонька;
Лыстъ и зъ лыстомъ злыпаетца,
Матэрынэ сэрце ножомъ крае:
Щожъ я бідна наробыла,
Дэткы свои рідніе потруила.

55.

Поіхавъ королевичъ въ полэ воевати,
Собі панну шукати,
Да забачивъ Подолянку
На высокому ганку.
Слуги мои дорогіе,
Приведите мні Подолянку
Зъ высокаго ганку.
Екъ взялы еи подъ ручки,
То стала біла, якъ береза;
Якъ посадили еи на скамейцы,
То стала бы якъ червона роза.
Вона стала листы писати,
Да до матки слати:
Моя мати родная,
Прышли мні шовковъ платокъ,
Да білы ручначокъ
И золоты перстеночекъ.
Годи тобі, доню, своволити.
Нѣтъ, матэнко, я нэ своволю,
Пала я въ нэволю;
Подъ мечомъ я стояла,
По нэволи я шлюбъ брала,
Подъ мечомъ золотэнькимъ,
Съ королевичомъ молоденькимъ.

56.

Изъ-подъ гори краменнои
Галки вылетають:
Нэ зажила раскошеньки,
Уже літа минають.

Літа жъ мои, літа,
Літа молоденьки!
Якъ лихая доля имѣтца,
Будьте коротэньки.
Налетіли сіры гуси,
Будуть жировати;
Наіхали козаченьки,
Будуть зимовати.
Полетіли сіры гуси,
Да й нэ жируючи,
Поіхалы козаченьки,
Да й нэ зимуючи.
Чему мэнэ, моя мати,
Рано нэ збудыла,
Ой якъ тая казачина
Зъ міста выходила?
Купи бо мні, моя мати,
За тры гроши голку,
За четыры золотые
Червоного шовку:
Буду шиты, вышиваты
Козаку сорочку.
Ой я шила, вышивала,
Золотомъ кладала
Да й для того козаченька,
Що вірно кохала.

VII. Свадебныя.

На запоины, или когда бываетъ помолвка жениха съ невѣстою.

1.

У місяца два рожки крутые,
А у женыха два братки родные;
Одинъ братко да коня сѣдлае,
А други братко да научае:
Якъ поідешь до тестя,
Выйде къ тобі дві дівки:
Одна дівка у золоті,
Другая дівка що у розумі;
Нэ бэры, братко, у золоті,
Да бэры, братко, що у розумі;
Мы жъ золото да покупимо,
А розуму да не уложимо.

2.

Да запыта дівонька (имя);
Шовкомъ хустонька нашита;
Запивавъ еи усей родъ,
Да еи батэнько напэру жъ:

3.

Пропыла маты дочку
На солодкомъ мэдочку;
Упывшиса скачэ,
А проспавшиса плачэ.

4.

Пропыла маты дочку
На солодкомъ мэдочку;
Ни за годъ згодовала,
А за тры дни прогуляла.

5.

Пановэ, сватовэ,
По вуще вы да пріїхалы:
Чи по бубъ, чи по сочевицу,
Чи по красну дэвицу?
Бубъ да й не молоченъ,
Сочевица у копахъ стоить,
А дэвица у косахъ сѢдить.

6.

На дворы дощи идуть,
А въ коморы свѢчи горать,
Тамъ (имя) дары крае
И съ дарами размовляе:
Дары жъ мои, дары,
Якъ васъ тонко прала,
Звунко ткала
И бѢленько бѢлила,
Да свекрамъ наровила:
Свекру, якъ батьку,
А свекрови, якъ матэры,
А деворатку, якъ братку,
А зовицы, якъ сестрицы.

7.

Іхала дівонька до вѣнца,
Сыпала золото зъ рукэвца:
Хто гэто золото побэрэ,
Той мене на вѣнецъ повэдэ;
Побэрэ золото меньши братъ,
Повэдэ на вѣнецъ старши сватъ.

8.

Сывы конь да воды нэ пье,
Женишокъ по голувцэ бье;
Ой, нэ бі жъ мене по голувоньцы,
Буду тобі въ пригудоньцы:
Якъ будуть стрѣляти, цѣляти
Яблочкомъ въ океночко,
Чи нэ выйдэ тещенько,
Чи нэ выйдэ дівонька?
И сама жъ я нэ выйду,
И дівоньки нэ вышлю;
Вышлю я перепулочку,
Перепулочку на юшечку,
Перьечко на подушечку;
А на туй же да подушечки
Да сидить дві душечки:
А одна душка—женишокъ,
А другая—дівонька.

9.

Знаты рака, що бувъ въ пожары:
Пожаремъ пахнэ, а дымомъ дышэ;
Знаты женишка, що въ тестя бувъ:
Виномъ пахнэ, а медомъ дышэ.

Когда женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ, чтобъ съ нею отправиться подъ вѣнецъ.

10.

Маты сына выражала:
Місяцемъ опаразала,
Зурькою застягнула,
Долею обгурнула:
Да съ Богомъ, дитя,
Зъ усіми Святыми.
Тамъ вода да погожая,
Сподоби васъ, Маты Божая;
Тамъ вода да рѣчистая,
Сподоби васъ, да Пречистая.

11.

Свэты, свэты, ясны місячикъ, надъ намы;
Играй, играй, сывы коничекъ, подъ нами;

Будэмъ іхаты четыры мили лѣсами,
А пятую жилізными мостами;
Ой да станэмо съ своимъ полкомъ подъ ганкомъ,
Да пробьемо краменну стѣну кубочкомъ,
Да возмемо дівоньку зъ вѣнчикомъ.

12.

Лэты, лэты, соколу,
Черезъ три лісы и черезъ четыры,
Стань собі на пятомъ лісі,
Сядь на зеленой орісі,
Да послухай, що тобі въ лісі наймилѣй:
Чи дубъ, чи бероза, чи ряба зувзулька?
Мні всенько миленько, и дубъ и бероза,
А наймилѣй рябенька зовзуля.
Поідь, женишокъ, три селы, черезъ четыры,
Да стань собі у пятомъ силі,
Да стань у тестя на дворы;
Щожъ тобі у тестя мило:
Чи тесть, чи теща, чи молодая дівонька?
Мні всенько миленько, и тесть и теща,
А надъ ними дівонька молодэнька.

13.

Ой улетівъ соловэйко въ вишневъ садъ,
Да вдарывса крылечками объ виноградъ:
Чи тутъ моя зовзулинька, чи нэма е,
Чи съ другими соловьями летае?
Ой цытъ, соловэйко, не гукай,
Тутъ твоя зовзулька, не зллкай!
Уіхавъ Донылко въ тестевъ дворъ
Да вдырывса чоботкомъ объ поругъ,
Чи тутъ моя Ганночка, чи нэма,
Чи съ другими молоцами гуляе?
Ой цытъ, Донылко, не гукай,
Тутъ твоя Ганночка, не зллкай!

14.

Батэнько, мой рудненьки,
Снився мні сонъ дывненьки:
Сывы голубы да на гаю гулы,
Мні жемчуръ разгурнулы,
Жывэ золото разсыпалы.
Дитэнько, мое роднэе,
Мало умъ—розумъ маешь,
Що сего сну не разгадаешь:
Сывы голубы—сваты твои,
Білы жемчуръ,—коски твои,
Живэ золото—слезки твои.

Въ домѣ невѣсты предъ выѣздомъ къ вѣнцу:

А. Когда расплетаютъ невѣстѣ косу.

15.

Молодая дівонька по синечкамъ ходить,
По новой свѣтлицы,
Ой распустила свою русу косу
По білыхъ плѣчицахъ:
Ой, не жаль же мні русой косы,
Що я еи распустила;
Якъ жаль же мні свого батенька,
Що я его разгнѣвила.

16.

Да попала росица по овсѣ,
Да поплакала дівонька по косѣ,
Не такъ же она по косѣ,
Якъ по своей материной роскошѣ.

Б. Когда сажаютъ жениха и невѣсту на посадъ.

17.

Да летѣли гусоньки черезъ садъ,
Да клюкнулы дівоньку на посадъ;
Що жъ вамъ, гусоньки, до того,

У мене е матонька для того;
Она мене нарадить
И на посадъ посадить.

18.

Принудила рыба къ гату;
Пусти, свате, въ хату,
Да на піч, да нагрэтыся,
На молоду подывытыся,
Чи хороше да наражона,
На посаді чи посажона.
Наражона, якъ панятко,
На посаді посажона,
Якъ князятко.

в. КОГДА ПОЛУЧАЮТЪ ЖЕНИХЪ И НЕВѢСТА БЛАГОСЛОВЕНІЕ:

19.

Увойди, увойди, молодой женишокъ,
У хату тыхэсенько,
Да поклоныса свойму батюхну
До ножокъ нызэсенько:
Ой дяку тобі, муй же батюхно,
За твое стараньечко;
А вамъ, сестрычки, коровайнички,
За ваше гибаньечко.

20.

Да нэма Ганночки
Ни тутъ, ни дома;
Пошла Ганночка
До пана Бога,
Свого батэнька на вэселье зваты.
Вэселиса, дитятко,
Вэселиса здорова;
Я не маю воли отъ пана Бога,
На три замочки позамкненъ,

Жовтымъ песочкомъ позасыпанъ:
Перши замочекъ—новы домочекъ,
Други замочекъ—жовты песочекъ,
Трети замочекъ—зелена трава.

(Эта пѣсня поется невѣстѣ—сиротѣ).

По дорогѣ въ церковь.

21.

Да чія свѣча да яснѣй горить?
Да яснѣй горить да женишкова,
А дівоньки да погасае,
Женишкова горить да на на радостяхъ,
А дівоньки да на жалостяхъ.

22.

Моя матэнько рудна,
Выражай, да не одавай;
Нучка темна, дорожинька не пэвна;
Свадбица не милая,
Коники—однолытки,
Свашки всю ночку стояли,
Калыну ломалы;
Калыну въ огонь клалы,
Да орабки стрелялы,
Орабки на юшку,
А перечку на подушку.

23.

Заметуть улоньку до конца;
Поведемъ дівоньку до вѣнца.
Хто жъ нашу улоньку замете,
Той нашу дівоньку завезе;
Заметуть дороженьку орабки,
Повезуть дівоньку до вѣнца молодцы.

24.

Говорыла бочечка, на переклѣти стоя:
Колы мене да не выпьетэ,

Я сама разольюса.
Говорыла дівонька:
Колы мене да не выдасте,
Я сама отъ васъ пойду:
Изъ хаты да метелкою,
Изъ сѣней перепелкою,
За ворота куколицею,
До свекора молодицею.

25.

Нэ вій, вітреньку, у рози,
Да повій по дорози,
Развій мою косу
По плечку, по волосочку.

26.

Нэ стуйте, вороги,
Да на муй дорози,
Бо наши кони стоги,
Да потопчуть вамъ ноги
Острыми острожками,
Золотыми подковками.

27.

Щиплите роженьку,
Стелыте да дороженьку
Молодуй, молодому
Да до Божаго дому;
Тамъ же намъ ручки свяжуть,
Щирую правду скажуть,
Бѣлою бѣленицею
Съ чужею чуженицею,
Щобъ була молодыцею.

28.

Мы чулы черезъ люды,
Що нэма попа у дома,
Да поіхавъ до Львова

Ключикувъ куповаты,
Церковку одмыкаты,
Пару дітокъ звѣнчаты,
Ой, ксенже, отче нашъ,
Отчини церковку противъ насъ,
Да повінчай дітоньки въ Божій часъ.

Послѣ брака: А. по дорогѣ изъ церкви.

29.

Мы въ церковки бувалы,
Тры зыльи выдалы:
Однэе зылье—рутка,
Другэе зылье—мята,
А третье—квѣтки,
Щобъ любылыса дітки.

30.

Ой подъ боремъ боровиною
Чей то сынъ ѣдэ вечерыною?
Ой ѣдэ, ѣдэ Иванко пьяны:
Отчини, Ганночка, свой дворъ.
— Коханы, я нэ отчинюса,
Бо батька боюса.
— Не бойса батька,
Бойса свократка,
А мэнэ молодого,
Кончутка дротэного:
Будэ муй кончучокъ въ горы летаты,
Будэшь мэнэ, Ганночка,
Соловэйкомъ зваты.

31.

Ой радъ Иванко вельми,
Що въ Божемъ домку побывавъ,
На біломъ ручничку постоявъ,
За білую рученьку подержавъ,
Золотые перстеньки помѣнявъ,
Зъ Маринкою шлюбъ узявъ.
Дометена улыченька и дворэцъ,
Заплаты, Иванко, за вѣнэцъ.

32.

Да булы жъ мы на шлюбы
Да на Божему суды.
Ётъ Бога судъ,
Ётъ попа шлюбъ,
Ётъ короле веселье.

Б. на дворѣ.

33.

Да тупу кони, тупу,
Да привэзли на дворъ ступу;
Нэ ступа, да колодица,
Нэ дівка, да молодица;
Подъ ею земля гнэтся,
Сама она не похытнется:
Товста, якъ пічь,
Остра, якъ мічъ.

34.

Встрѣчай мэнэ, матэнько, съ колачемъ,
Ідэ твое дитятко съ панычемъ.
Встрѣчай мэнэ, матэнько, съ свѣчками,
Ужежь твое дитятко звѣнчали.

35.

Матэнько, моя рудная,
Развяжи мою білу ручевьку!
Ой рада бъ я, мое дитятко,
Сто дукатовъ даты,
Тэбэ молодую развѣнчаты!

36.

Матэнько, я въ церкви була,
Рыдная я въ церкви була!
Дитятко, неправда твоя!
Матэнько, тамъ люды булы,
Якъ мэнэ молодую въ церковь велы,
Якъ зъ мэнэ да вѣнчикъ знялы,
Да женишку Дорохвейку на головку далы,

Ангелы свѣчи держалы,
Якъ мэнэ молодую вѣнчалы,
А Пречиста вѣнокъ выла,
Да мні на головку положила.

37.

Яворъ, яворъ, яворове!
Люды, чего вы стоитэ
За мостомъ маленькимъ?
Мы стоемо, мостъ подаемо.
Прошу пропускаты,
А задняго заставляты

В. въ самомъ домѣ.

38.

Ой, матэнько моя,
Да ужежъ я не твоя,
Да ужежъ того пана,
Съ кімъ шлюбъ прымала
И рученьку придала;
Пану Богу присягала
И тому человіку,
Съ кімъ буты до віку.

39.

Разсыпаласа рутонька
Коло золотого кубонька:
Рута моя, друбна зелена,
Съ кімъ тэбэ позбыраты!
Хіды, братко, зо мною,
Сберэмо рутку съ тобою!
Нэ пойду, сестро, нэ пойду,
Изъ жалю ручекъ не здыйму.

40.

Выйди поглянь, моя матэнько,
Що у тэбэ за невісточка:

Изъ рукавца вѣтрецъ віе,
Изъ личенька сонце гріе,
Умна, да розумна,
Хорошая, да богатая.

41.

Зазвинѣло золото,
У шкатулы стоечи;
Заплакала Ганночка,
Изъ вѣнца пріїхавши:
А Боже жъ мой милостивы!
Звезали мні руки
Чорною катаицею
Съ чужею чуженицею,
Кобъ я була на вікъ молодицею.

42.

Сонэйко колесомъ зариде,
Ганночка звѣнчана ѣде;
Матэнько, перешедъ, пытае:
Ганночка, чи що ты моя?
Матонько, вжэ я не твоя,
Ужъ я того пана,
Съ кімъ я на шлюбу стояла,
Съ кімъ я перстонка мѣняла.

43.

Расходывса ясны місячикъ по нэбу,
Збираючи всі зориньки въ громаду:
Да за світимо ясненько по нэбу;
Расходывса женишокъ по роду,
Сбираючи всю родину въ громаду:
Сберымоса, моя родина, въ громаду,
Да пойдэмо до мого тестя всі разомъ,
Станемъ съ своимъ полкомъ подъ теңькомъ,

Г. когда сажають коровай.

44.

Ще коровай ще короваичекъ кличе,
Дежъ они забавилыса,
Чи на меду запилыса,
Що мене забулыса.
Кудравы печь мете,
Хорошуха поправляе,
Богъ еи помогае:
Коровай, мой раю,
Съ тобою граю,
На сребры качаю,
На злоті сажаю.

45.

Запалы, матко, свічку,
Да поглянь поза-печу,
Чи хорошэ въ хаты
Безъ твого дитяты:
Лавы твои нэ мыты,
Горшки не накрыты,
Ложки подъ лавкою
Обросли муравкою.

Д. послѣ обѣда.

46.

Сватэйко, да коханчику,
Пусты насъ да до танчику;
Хвалимо Бога, ножки маемъ,
Пойдемъ погуляемъ;
У насъ ножки да не крывыя,
Сухоньки, да нэ чужія,
Мы жъ самы да молодыя.

Дорогою къ молодому на жительство.

47.

Вже я, матуню, отслужила,
На скрыни серпа положила,
Кто жъ тымъ серпомъ
Будеть, мамуню, жаты:
Принаиматы—по золотому
На дінь даваты;
Чужы женцы невірники,
Не будуть тобі робиты,
На плечи серпа покидаты
На сонечко позираты.

48.

Вымэтай, матко, жаръ, жаръ,
Будэ тобі дочки жаль, жаль;
Клади, матко, у печь дрова,
Оставайса здорова;
Загребай, матко, попелъ,
Мы жъ твою дочку вхопимъ.
Яжъ тэбэ не дожну,
Въ понеділокъ пойду;
Коле матеръ въ пяты,
Що нэма кому прасты;
Чи я тобі, матэнько, не доділа;
Що ты одаешь мене за діда,
Чи я тобі кошули не прала,
Чи я тобі постельки не слала;
Слала постельку въ коморы,
А прала кошулю въ мори;
Слала постельку мякенько,
А мыла кошулю бѣленько.

49.

Да кукoвала зовзуленька въ садочку,
Приложивши головоньку къ листочку;

Да тѣшили, нѣжили пташечки,
Да все черныя галочки.
Да не тѣшьте, не нѣжьте, пташечки,
Да все, черныя галочки,
Да нэ будэ въ крыницы водыцы,
Да нэ будэ въ городы пшеницы,
Плакала дівонька въ світлицы,
Приложивши головоньку къ скамьицы;
Да тѣшили, нѣжили дівочки
Да все еи подружечки.
Да не тешьте, не нѣжьте,
Вы все мои подружечки,
Да нэ будэ зимонько, якъ літо,
Да нэ будэ свекровка, якъ маты,
Да нэ будэ раненько будыты,
Пуйдэ до сусідовъ судыты:
Добрая невѣста добрэнька,
Спить вона до сходу сонэйка,
Да вже сонэйко въ окно бье,
Уже моя невѣста съ клети иде.

Когда ведутъ молодыхъ спать.

50.

Голубокъ на сѣдалько лэнэ,
За собою да голубку вэдэ,
Подъ крыльце да голувку кладэ.
Михалко да на ложко идэ,
За собою да Марысю вэдэ,
Подъ пернышъ да голувку кладэ.

VIII. Семейныя.

I.

Ой учора изъ вечора
Місяцъ народився,
Да ходивъ Якимъ до удовуньки,
Сусідъ нахопився.
Пришовъ Якимъ до домоньку,
Да ставъ жонку быты,

А вона жъ его, молода,
Стала вірно проситы:
За що мене, Якимушко,
Такъ вэльми караешь;
Чи ты мене молодэньку
Безъ людэй поховаешь?
Порадыла удовонька,
Якъ жонку забыты,
А тэперъ порадь, молодая,
Дѣ си задити?
Заткни каминь, пали въ печи,
То скажуть: сгоріла,
Екъ вывезешь въ чистэ полэ,
То скажуть: ошаліла.
Везэ Якимушко у чистэ полэ,
А за имъ, за имъ дѣтки,
Якъ сывы соколы.
Выходить сусідушка
Изъ новои хаты,
Пытается малыхъ дітокъ,
Дѣ ваша маты?
Пошла маты у лугъ по калыну,
Божилася, присягалася,
Що на вікъ покину.
Скаче, скаче орабэйко
По зеленомъ прутью;
Да везуть, везуть Якимушку
Въ зеленому пути.
Пійтэ, братцы, горылочку,
А я буду воду;
Не бачивъ я вдовоньки
Гэтокои зъ роду.
Пійтэ, братцы, горылочку,
И я разъ напьюся,
Да нехай на удовушку
Я разъ подивлюся:
Бодай бо ты, удовушка,
Марнэ пропала,
Якъ ты мене молодого
Въ жилізо вковала.

Щобъ я знала,
Щобъ я відала,
Свою долю да замужнюю,
Тобъ я за мужъ
Дай по вікъ нэ пошла,
И гуляла въ свого батюшка,
Пила, іла все готовое
И ходила бъ у біленому,
Русу косу да зачесываючи,
Русой косы приговариваючи:
Ты косушка, ты голубушка?
Ну кому ты призастанешься,

2.

Чи деньщику, чи полковнику,
Ой чи тому, що на лавцы лыжиць,
Мні молодой разувати вилиць.
Я жъ молода за мужъ шла,
Разуваты не наймалася.
Охъ пошовъ милы да у нову кліть,
Да узявъ милы да дратяну плеть,
Узявъ мене черезъ плечи бить.
Да вже жъ бо мні що раночку
Черезъ плечи да нагаечку;
Да вже бо мні не першиночка
Черезъ плечи черемышечка.

Ой у полю сосна
Тонка подоросла,

3.

А у батька дівчина
Малэнькаго зросту;

Пошла вона за мужъ,
За мужъ молодая,
Нэлася бо юй доленька,
Доленька лыхая.
Рости, рости, коса,
Рости до пояса;
Лыха доля имѣтца,
Вырвэ до волоса.
Оженывса барынъ
На одынъ часочокъ?
Солодки мэдочокъ;
Да поіхывъ барынъ
Въ Китай городочокъ.
Ой да кажуть люди:
Свекровка добрая,
Сама ранэ встае,
А мене не будыть,
Идэ до сусідовь,
Да все жъ мэне судыть,
А я жъ молодэнька
Да все жъ гэто знала,
Ранэнько вставала,
Волыкы погнала,
Жалосно плакала,
Чи нэ зачуе милы,
Изъ Китая идучи,
Волыки ведучи.
Да зачувъ милы изъ Китая,
Чи зевзулька куе,
Изъ бору летячи,
Чи милая плаче,
Волыки пасучи;
Нэ зовзулька куе,
Изъ бору летячи, —
Дѣвча волы гнала,
Гнала нэ догнала;
А на тому шляшку
Корчомка стояла,
А у той корчомцы
Мила ночовала.
Наіхалы купцы,
Да все жъ молодые,
А подъ ими кони
Да все жъ вороные,
Подъ ими сѣдельца
Да все золотые.
Ой устань, дѣвчина,
Устань, нэ ложися,
Да на насъ купчиковъ
На насъ подывыса.
Дѣвчинонька встала,
Рученьками заломала,
Жалостно плакала:
Ой, Боже жъ мой, Боже,
Дѣжъ мой милы дівся?
Чи звіри заіли?
Чи въ Дунаю утопився?
Щобъ звірі заілы,
Тобъ луги шумѣлы;
Щобъ у Дунаи утопився,
Тобъ Дунай разлився.

4.

Зышла зора изъ вечора,
Раскудравилаcа,
Сэдыть мила па ложечку,
Да расплакалаcа:

Куды, милы, чернобрывы,
Убыраешься?
— Убираюса, моя мила,
Въ велику дорогу.
— Переночуй, мой милы,
Хочь ноченьку зо мною.
— Ой радъ бы, моя мила,
Хоча и дві ночоваты,
Да боюса, моя мыла,
Походу стераты.
— Ой нэ бойса, мой мылы,
Я молодая чутко сплю;
Екъ запое первы пѣвень,
То я тебе пробужу:
Устань, мылы, чернобрывы,
Ужъ білэньки день,
Уже твои кучеравы
По стодоламъ гомонять,
Уже твои вірные кони
Позакладаны стоять,
Уже твои вірны слуги
По повозочкамъ сѣдять.
Ой пойду жъ я молодая
На въ край рѣченькы гулять,
Сѣры гуси, сѣры гуси
Дай на воду гонять:
Гиля, да гиля, сѣры гуси,
Изъ берега на воду;
Отдавъ мене муй батько
Изъ роскоши да въ бѣду;
Гиля, да гиля, сѣры гуси,
Изъ берега на песокъ;
Я жъ думала молодая,
Що отдали мене на часокъ.

5.

Чи я въ лузи нэ калына була?
Чи я въ лузи нэ червона росла?

Взялы мэнэ обломалы,
И въ пучочки повязалы;
Гырка доля моя!
Чи я въ саду нэ травычка була?
Чи я въ саду не зеленая була?
Взялы мене покосылы,
И въ копычки поносылы.
Гырка доля моя!
Чи я въ полю нэ пшеница була?
Чи я въ полю не густая росла?
Взялы мене пожиналы,
И въ снопочки повязалы.
Гырка доля моя!
Чи я въ батка не дѣтина була?
Чи я въ батка дай нэ мыла була?
Взялы жъ мене повінчалы,
И світъ же мні завязалы.
Гырка доля моя!
Чи не було рѣчки втопиться мнѣ?
Чи нэ було красшаго полюбыты мене?
Булы рѣчкы, повсыхалы,
Булы ліпши, повмыралы.
Стануть рѣчки прибуваты,
Будутъ ліпши кохаты. [1])

6.

У вышневомъ саду соловэйко щебече,
Мимо той садочокъ быстра рѣченька тече;
Тудою ишла молода молодица,
Тонкого стану, бѣляваго лица,
Оно на ен хорошо подивиться;
На гору шла бѣлыми ноженьками,
А съ горы зышла обливлася слезоньками:
Позаросталы стэжки, дорожки,

[1]) Распространенная малорусская пѣсня; бѣлорусскій варіантъ см. у *Радченко*: тамъ же, стр. 163, № 86. *Ѳ. Ист.*

Кудою ходила, то не буду ходити.
Кого, любыла, той стоить за плѣчима,
А кого нэ знала, съ тымъ до шлубу стала.
Нэ стой, нэ стой за моима плѣчима,
Нэ суши мого серца да своима очима.
Ой якъ же мні за плѣчима нэ стояты,
Кого любывъ, кохавъ, нэ судылоса взаты.

7.

Ой карала мэнэ маты, карала,
За пьяныцю, лядащицю отдала;
А пьяница, лядащица въ корчмі пье,
А пришовши до домоньку, жінку бье.
Нэ бый мэнэ, пьяныченька, якъ білъ день,
И нэ смэши, пьяныченька, всіхъ людэй,
Набьешь мэнэ, пьяныченка, у ночи,
Постіль білу, стелючи.
Прііхавъ мой батэнко зо Львова,
Пытаетца, пьяныченка чи въ дома?
Ой потыху, мій батэнку, говоры,
Лэжить моя пьяныченка въ каморы.
Я жъ думала, пьяныченка нэ чуе,
Ажъ на мэнэ нагаечку готуе;
Яжъ думала, нагаечка нэ шкурка,
Якъ удырыть, раскочитца кошулька;
Яжъ думала, нагаечка съ папэру,
Ажъ тая нагаечка зъ рамэню;
Я жъ думала, нагаечка шовкова,
А жъ тая нагаечка дротёва. [1])

8.

Нэ куй зозулё рабэнька,
Нэ кы [2]), що нічка малэнька;
Я всю нічку нэ спала,

[1]) Бѣлорусск. вар. см. у *Радченко*: тамъ же, стр. 211, № 183.
[2]) Не кажи, не говори. *Ѳ. Ист.*

Всэ лысты пысала,
Свого мылэнькаго съ дороги чекала.
Пріїхавъ мій мылэнькій спізна,
Раскыдае посцілъ білу зрызна.
— На кого жъ ты, мій мылэнькій, злуешь,
Що мою постіль білу псуешь?
Чи на свои коны вороны?
Чи на свои слуги вірны?
Чи на матэра старую?
Чи на мэнэ жінку молодую?
— Нэ на свои коны вороны,
Нэ на свои слугы вірныя,
Нэ на свою матэра старую,
Но на тэбэ жінку молодую,
Що нэ выйшла воротъ отчиныты,
Що нэ выйшла коныковъ принеты.
Ой, положу мылого въ пырнаты,
Сама пійду до корчмы гуляты;
Забыласа голубамъ сказаты,
Щобъ нэ гулы коло хаты,
Щобъ нэ будылы мылого въ пернаты.
Приду я съ корчмы съ гуляння,
Готоваты мылому сніданнэ.
Ой уставай, мое мыло сэрце,
Уже скочило сонько въ окэнцэ.
Нэ сэчите зэлёного дуба,
Було нэ браты, колы я нэлюба;
Нэ сэчите зеленого саду,
Було нэ браты, колы безъ посагу;
Нэ сэчите зэленэи груши,
Було нэ браты, колы нэ до души.

9.

Посію конопэлькы
Густы зеленэнькы;
Нагнівався мій мылэнькій
Черезъ вороженькы;

Ой возьму я остру косу
Конопэлькы скосю,
Такы свого мылэнького
Къ собі пэрэпросю.

Просывъ батко, просыла маты
И всэйка родына,
Хиба его пэрэпросыть
Лыхая годына.
Ой пiйду я до сусiдки
Шовкомъ хусты шити:
Порадь, порадь, сусiдочка,
Якъ нэ зълюбымъ житы?
Якъ седэшь вэчераты,
То назови сэрце.
Гiрка бо мнi вэчеронька,
Якъ рыба съ пэрцемъ,
Гiркый бо мнi вэчеронька
Гiркый и обiдэцъ.
Гленула въ окэнэчко,
Ажъ мiй мылый йдэ;
Вэзэ жъ бо мнi гостынчика
Бэрозову розку,
Чи на мое бiло тiло,
Чи на мою дробну слiзку.

10.

Лэтiлы журавлы,
Сiлы, палы на рали,
Пыталы ратаивъ,
Котора лiпша ралле,
Чи ранняя, чи пiзня;
На раннiйшiй пшеныца,
На пузнiйшiй мэтлыца;
На раннiйшiй женцы жнуть,
На пузнишiй косцы тнуть
Зобралыса удовцы,
Дай ободва молойцы,
Дай говорать о жонкы:
Лiпша жiнка пэршая,
Нэжъ якъ тая другая.
Я съ пэршою дiткы мавъ,
А съ другэю разогнавъ.
Идитэ, дiткы, служиты,
Нэжъ мачосы годыты.
А хто въ лiсi гукае?
Батко дiтэй шукае:
Идитэ, дiткы, до дому,
Бiльшь нэ будэ розгону.
Скоро дiткы на порiгъ,
А мачоха за ботiгъ;
Скоро дiткы до мыскы,
А мачоха за коскы. [1])

11.

Черезъ гору бита стежка,
Тудою ишла сиротонька,
Сиротонька нэ величка;
Зустрiвъ еи стары дiдокъ:
Куды идешь сиротонька?
— Иду, дiду, матэры шукаты.
Тамъ на горi церковъ стоить,
А въ той церкови мати лежить.
— Встань, матэнько, да не лежи,
Мнi кусоньку дай зачеши,
Въ коску вчеши сорочку.
— Дай есть у тебэ инша маты,
Куску вчеще, сорочку дасть.
— Тая жъ мати нэ такая,
Коску чеше, вырывае,
Сорочку дае, проклинае.
Щобъ, доню, нэ зносила
И другои нэ просила.

[1]) Бѣлорусск. вар.: см. у *Радченко*: тамъ же, стр. 165, № 91. *Ѳ. Ист.*

12.

Ой на туй нивы
Пташечкы піли
Дай поленулы.
Одна пташечка
Дай зосталася,
Въ вишнувъ садочокъ
Дай прохалася:
Ой, мамо, пусти въ садъ гуляци.
Ой нэ пущу, доню,
Саду ломаци.
Нэ буду, маци,
Саду ломаци,
Оно выломлю
Съ рожи віточку,
Съ рожи віточку
Съ рожи красочку,
Дай тую пущу
Внизъ водолю:
Плывы, красочка,
До мого бацюхна.
Не гді ты, дитя,
Семь лѣтъ лежала,
Що твоя красочка
На воді завяла?
Нэ лежала, бацухно,
Ни годиночки, ни часиночки;
Сушила мэнэ лихая нужда,
Що я не мала доброго мужа.
Пойду я къ річкі
У цемной ночки,
Зустрене мэнэ смерть страшная:
Смэртухно, матухно,
Куды ты идешь?
Иду, небого, по нелюбого.
Смэртухно, матухно,
Ой, озьми мэнэ молоденьку,
Якъ у саду вишеньку червоненьку.

13.

Въ саду трава потерушоная,
Жена съ мужемъ дай зоручоная;
Вона его не злюбила дай зарѣзала,
Въ новому свирні дай поховала,
Сусідотцы похвалылася;
Сусідочка то сестрыца его.
— Ой вы, братки, вы лебеди мои,
Запрагайте коны вороны,
Да поѣдемъ до своего братка.
— Ты, братихо, ты лебедушка наша,
Чему въ тебѣ повны сѣни крыви?
— Въ мене вчора позно гости булы,
Нарѣзала то курей, то гусей,
Честовала своихъ милыхъ гостей.
— Ты, братихо, ты, лебедка наша,

Отдай же намъ золотые ключи,
Мы одомкнемъ новаго свирна,
Да забачимъ білыхъ рыбушекъ.
— Вы, деверы, вы, лебеди мои,
Я ходила у ночи при свічи,
Загубила золотые ключи.
— Ты, братихо, ты, лебедушка наша,
Дай же намъ дорогаго желіза,
Дай скуемъ золоты ключи.
— Вы деверы, вы, лебеди мои,
Да не куйте золотые ключи,
Да скуйте надъострійшу мечь,
Да зымите мні головушку съ плічъ.

14.

Ой зацвіла калиновька
Въ густому череду,
Нагнівавса мой миленьки,
Не иде вечерати.
Хочь гнівайся, не гнівайся,
Не буду проситы,
Вышивала шовкомъ хусту,
Не будешь носиты;
Не для тебе, вражи сыне,
Хусту вышивала;
Да для того серца свого,
Що вірно кохала.
Не для тебе, вражи сыне,
Хустоньку робыла;
Да для того серца свого,
Що вірно любыла.
Ой не ходы, мой мыленьки,
Въ четвергъ по вечери,
Да не носи свистелочки
Съ собою въ кишени.
Твоя свистелочка голосно играе,
Всімъ дѣвочкамъ, молодочкамъ,
Жалю задавае.

15.

Ой жаль же мні, батэньку, на тебе,
Що остается моя рутонька у тебе;
Уставай, мой батэньку, раненько,
Да полывай мою рутоньку частенько,
Извечора водою холоднею,
А съ повпочи сытою солодкею,
А зрання дробными слезками,
Кобъ пріймалася моя рутонька квытками.

16.

Лісомъ иду, пісни пою,
Всі луги разлягаютца;
Селомъ иду, вильми плачу,
Вороженьки утышаютца.
Нэ втѣшайтесь, вороженьки,
Хочь пускайте, хочь гладайте,
Мні молодюй да покой дайте.

17.

Ой саду, мой саду, винограду,
Выбігае сивъ конь на пораду;
Нихтожъ того кониченька ни половить,
Нихтожъ ему цѣны не становить.
Якъ сівъ, такъ поіхавъ,
Подъ новы ворота дай заіхавъ;
Ой не вышла мыла,
Вышла теща,
На ей кошуленька не збыточна,
Ой хочь добра мыла, хочь не добра.
— А вже твою мылу схоронылы,
Въ вышневомъ садочку положилы,
Шолкову сорочку наложилы,
Бруковую труну изробилы,
И въ головкахъ посадылы.
— Білый камень, отвалыса,
Ты, сыра земля, розступыса,
Ты, бруковая труна, отвориса,
Ты, шолковая сорочка, раздериса,
И ты, моя мила, отзовиса.
— Ты, мой милы, не журиса,
Ой, приде осенъ, ожениса;
Возьми собѣ жонку молодую,
Своимъ дѣткамъ матку неродную;
Буде она тобѣ постель слати,
Не своихъ дітокъ проклынаты.

18.

Отдала маты дочку
Въ чужую сторонку,
Дала, дала, дай приказала,
Щобъ сімъ літъ не бувала;
Дочка не втирпіла,
Дай у рокъ прилітіла;
Сіла, пала въ вышневомъ саду,
Сильнэнько заковала.
Вышла старая маты
Дочку познаваты:
Коли дочка моя,
То прошу до хаты;
Коли раба зузуленька,
То лэты въ лісъ коваты.
Полетіла зузуленька
Зелеными лѣсами,
Поглушила усі пташечки
Ружными голосами.

19.

Ой въ саду, въ саду,
Трава зелена;
А за добрымъ мужемъ
Жена молода.
Чи тымъ трава зелена,
Що близко вода?
Чи тымъ жена молода,
Що доля добра?

20.

Ѣхали козаки,
Гей, зъ украины;
Сталы ночоваты,
Гей, при долыны.
Дай, вытяли огню,
Гей, зъ оружины,
Да пустили пожаръ,
Гей, по долыны,
Попалыли дѣткы,
Гей, соколыка;
Трудно соколю,
Гей, безъ дѣтины,
Трудно рекрутушцы,
Гей, безъ дружины.
Ой навару хмѣлю,
Гей, питомого,
Да насытю мэду,
Гей, солодкого,
Да позову сестру,
Гей, богатую.
По богату сестру,
Гей, возомъ ѣдуть,
А по вбогу нэбогу,
Гей, пѣшки идуть.
А богата сестра,
Гей, возомъ ѣде,
А вбога, нэбога,
Гей, пѣшкомъ иде.
А богата сестра,
Гей, коло стола,
А вбога нэбога,
Гей, край порога.
А богата сестра,
Гей, мэдъ, вино пье,
А вбога, нэбога,
Гей, слезонками лье.

— Не гдѣ ты, сестра,
Гей, діла нэ робишь,
Що ты мижь нами,
Гей, бідна ходишь.

— Ой я діло роблю,
Гей, переробляю,
Да чужийъ жонкамъ,
Гей, скрыны наповняю.

21.

Ой выйду я за гай,
Да загляну въ свой край,
Да зажуруса;
Пойду въ вишневъ садъ,
Дай проходюса.
А въ вышневомъ саду
Два голубцы сидять,
Съ тиха говорять:
Ой ни бьимоса, ни сварымоса,
Хороше живемъ, поберымоса.
Ой изъ-за горъ вылетѣвъ соколъ
Побивъ, разлучивъ
Голубку съ голубцомъ:
Голубца убивъ,
Голубку зловивъ,
Узявъ у полу,
Прынюсъ до дому,
Пустивъ въ комору,
Прынюсъ водицы
Изъ синего мора,
Прынюсъ пшеницы
Изъ чистаго поля;
А голубка гудэ
Питы, істы нэ йдэ.
Ой гуды, нэ гуды,
Питы, істы иды.
Ой у мене есть
Семь паръ голубцувъ,
Выберъ собі милого.
Ой нима мого
Сывокрылаго, чернобрываго,
Що сывы крыльца,
Мылыя словца,
Що тоненэкъ носокъ,
Милый голосокъ. [1])

22.

Якъ въ батька була,
То була мала;
Якъ замужъ пошла,
То скоро зросла,
Отъ батька пошла,
Да вже жъ моя дороженка
Тернэмъ заросла,
Лыстомъ запала,
Червоною калиною понависала.
Ой, якъ я пойду,
То терэнъ потопчу,
Червоную калиноньку
Въ пучки повяжу,
Да таки жъ бо я
До батенка у гости пойду.

---

[1]) Малорусск. вар. см. у *Головацкаю:* тамъ же, ч. II, стр. 515; угрорусск. вар. см. у *Де-Воллана*, стр. 72; великорусск. вар. см. у *Д. Кашина*: № 28, стр. 110. Кн. II. *Ѳ. Ист.*

23.

Ой вэрба, вэрба кучеравая,
Хто жъ тобі, вэрба, кучера повивъ?
Ой повила, повила густая лоза,
Подмыла коренъ быстрая вода.
Говоратъ люди, що муй милы нэ пье,
А вунъ и день и вечеръ
Изъ корчмы нэ йдэ.
— Ой мылая, мыла,
Пропывъ я коня
Дай вороного,
Вернуса до дому,
Да возму другого;
Мылая, мылая моя,
Выкупляй мні коня,
А якъ нэ выкупишь, не ночуй дома.
— Ой, выкупала я нэ разъ, нэ два,
А нэ одной ночоньки
Нэ ночовала дома;
Ночовала я съ соловэйками;
Соловейки рано поють,
А зъ моихъ глазъ слезы льють.

24.

Скажи мні, Марусэнько, душа серце мое,
Колы въ тэбэ госты былы всю пору безъ мэнэ?
— Генэралъ у пятныцу, сударъ, маёръ у суботу,
А порутчикъ, мой голубчикъ, у нидѣленку святу.
— Скажи мні, Марусэнько, душа серце мое,
А що въ тэбэ госты пилы всю пору безъ мэнэ?
— Генэралъ винцо, сударъ, маёръ пивцо,
А порутчикъ, мой голубчикъ, солоденькій мэдокъ.
— Скажи мні, Марусэнько, душа серце мое,
А що въ тэбэ гости ѣли всю пору безъ мэнэ?
— Генэралъ куратыну, сударъ, маёръ гусятыну,
А порутчикъ, мой голубчикъ, онъ яечинку кушалъ.
— Скажи мні, Марусэнько, душа серце мое,

А дѣ въ тэбэ госты спалы всю пору безъ мэнэ?
— Генэралъ у коморы, сударъ, маёръ у оборы,
А поручикъ, мой голубчикъ, онъ на лавушкѣ лэжалъ.

25.

Екъ поїхавъ сынъ Даныло
На сімъ літъ на войну,
Кинувъ жінку Катеринку
Саму одну молоду.
Его маты старэнькая,
Дай журлывая,
Пыше листы дай частенькіе
Дай сыну молодому:
Пріідь, муй сынку,
Хочь на рыкъ, чи на два,
Бо вже жъ твоя жінка
Надъ усімъ волю взяла:
Твои кони вороные позаїздвола,
Волы твои половые да попродала,
Твои мэды солодкіи порастратьвола,
Твои слуги вірнэньки порозгоньвола,
Твои сукны дорогія поразмендывала.
Якъ пріїхавъ сынъ Даныло
Подъ ворота новэнькіи:
Выйди, выйди, Катэрынка,
Очини ворота!
Ой якъ вышла Катэрынка
Очинять ворота,
Вынь вынявъ шаблю
Изъ подъ паховицы,
Дай знявъ ей голову.
Покатылась головонька
По новому дворі.
О тожъ тобі, Катэрынка,
Дай по моему добрі.
Якъ пошовъ же Данилушко
Дай до своюй стайни,

Его жъ кони воронэньки
Позастоиваны,
Да на стойни стоять,
Да сінечко ідять,
Волы жъ его да половыи
Въ оборы стоять,
Да сінечко ідять;
Якъ пошовъ же Данилушко
Дай до спижароньки,
Его мэды позаплісновалы,
Екъ прышовъ же Данылушко
Да до своей хаты,
Его жъ слуги вірнэнькія
Понаражваны;
Пришовъ же Данылушко въ новую світлицу,
Маты жъ его старэнькая сидить за печчу,
Да за печчу сидить, да дітину держить.
Отожъ тобі, моя маты,
Тры гріхи на душу:
Одынъ гріхъ, моя маты,
Катэрыны нэма,
Другій гріхъ, моя маты,
Що дітына міла,
Трэтій гріхъ, моя маты,
Що я самъ удовецъ.
Послухайтэ, вся громада,
Бо вже пісни конэцъ [1]).

26.

Родылася, я прекрасная,
Доля жъ моя несчастная:
Въ гóры (ѣ), росла,
Въ гóры (ѣ) замужъ пошла;
Я въ горы нэ родылася,

---

[1]) Великорусскій варіантъ этой пѣсни записанъ мною въ г. Онегѣ, Архангельской губ., въ 1884 году. *Ѳ. Ист.*

Само горе прикатылося.
Есть у мэнэ тры назолушки:
Одна, що свекровка лиха,
А друга, що дѣтки дробненьки,
А трэйтя, що дружокъ пьяненьки
Съ корчмы идэ, пьянъ валяетца,
По дорози спотыкаетца,
Своимъ родомъ да выхваляетца,
А зъ мого роду да насміхаетца,
Черезъ сіни, черезъ хатушку
Вунъ на мою да кроватушку;
Вунъ на моемъ біломъ ложі лежить,
А мні молодой розувати велить;
А я молода рогочу,
Его розувати нэ хочу,—
Вышиваны рукава помочу.
Взявъ милы да дротяну плеть,
Да ставъ по-за плічку бить.
Нэ бій мэнэ, мой милэньки, никогда,
Буду тэбэ раздѣвати завсегда.
Буду свои білы руки марать,
Буду свой золоты перстенъ терать.

27.

Журба моя, журба, якъ ты журлива,
Иссушила мэнэ, да зъ ножокъ звалила;
А я въ журбу тую вельми не вдаюся,
Пойду до корчомки, горылки напьюся;
Горылка не пьетца, мні істи нэ смачно;
Мэнэ молодую по личеньку значно.
Разлилося синэ море и быстрыя ріки,
Померъ отецъ, мати, и я сирота на віки;
Померъ отецъ, мати и вся родина;
Дѣ я прихилюсь, бідна, нэсчаслива?
Пойду до братэйка, братэйко пріймае,
А моя братиха съ коса поглядаэ.
Ой, моя ты мила, нэ дивиса скрива,
Бо моей сестрицы нэ що день гостина.

28.

Ой зыма, зыма дай морозяна,
Просю я тебе, не морозь мене,
Козака молоденького,
Коня вороненького;
На мойму коню коски плетутся,
А на мні молойцу кудрушки вьютца;
За мои кудрышки дывчата бьютца.
Охъ вы, дывчата, вы нэ бытыса
За мои кудрышки, помырытыса.
Пойду на місто дай на новее:
Куплю матуси шубу тэплую,
А старшей сестры костюмъ золотой,
А шельмы жены нагай дротяной;
А шельма жена догадалася,
Вунэсла вына шклянъ большой,
Чи самому пыть и на світі нэ жить,
Товарищу дать—гріхъ на душу взять;
Разолью вино дай по табулу,
А самъ молодой да пойду домой,
Пойду до стайни, дай до новеи,
Выберу коня найсывыйшаго,
Привяжу жену къ кынскому хвосту,
Пустю коныка въ широки поля;
Нехай муй коныкъ дай нагуляетца,
А шельма жена научаетца.
Уже муй коныкъ безъ хвоста бѣжить,
А шельма жона безъ духу лежить;
Уже мого коныка до стайны ведуть,
А шельму жону до могилы несуть.

29.

Ой пойду лужкомъ, лужкомъ,
Ажно милый оре плужкомъ,
Оре, оре дай погонить,
Противъ мэнэ нэ говорить.
Якъ понесу ему істи,

Чи нэ скаже мні присісти;
Якъ понесу ему пити,
Чи нэ станэ говорити.
Винъ наівся, винъ напився,
Дай на траву положився.
— Чого ляжишь, чимъ нэ орешь,
Чимъ до мене нэ говоришь?
— Ой я ляжу и думаю,
Що погану жінку маю:
Неробочу, неохвочу,
Не до людей говоручу.
— Що тобі за хрінъ стався,
Що хороши ты удався,
Были въ тебе, милы, очи,
Было сватися нэ въ ночи,
Да было свататься у день,
Да было пытатыся людей:
У насъ люди не татары,
Що зналы, то сказалы.
А тепэръ я плачу,
За тобою літа трачу,
За тобою молодэнькимъ,
Да за розумомъ дурненькимъ.
Ой я вроду вродиласа,
Чернявому судилася;
Ой я въ сажу брови вмажу,
Таки тэбэ переважу,
А личинко помалюю
И съ тобою помандрую.

30.

Ой бѣда жъ, моя бѣда,—
Нема мого соколя,
А ни мылого мого,—
Трудно житы безъ его
Въ вэликой сэмьи;
А велика сэммя
Сама вечерати сіла,
А мэнэ молоду
Посылала по воду;
Покуль воды принэсла,
То вечера одышла.
Чого, мылая, стоишь,

Чому ложокъ не мыешь,
Постіль білу не стелешь?
Я постіль постелю,
Сама спати пойду;
Сама спати пошла,
Подъ оконце подошла,
Да послушала я,
Що говорыть семмя;
Ажъ говорыть семмя:
Чему ты ее нэ бьешь,
Чему нэ караешь?
Ой якъ же мні еи бить,
Мое серце болить,
Бо мні зъ ею трэба жить
И дѣтоньки годовать?
Колы вона лѣныва,
То судите ее;
Колы вона сонлыва,
То будите ее;
Колы вона вамъ не треба,
Отсылайте ее;
Есть у еи отецъ, маты,
То пригорнуть ее.
Ой выйду я на гору,
На высоку круту,
Стану я подывлюса
Въ рідну сторону:
Моя матонька идэ
И мні грошики нэсэ,—
Хоче менэ выкупаты.
Вернысь, маты, до дому,
Сховай гроши въ комору,—
Твои гроши пропадуть,
Мэнэ стуль нэ пустять.

31.

Ой горе, мні маты,
Що я въ чужой хаты,
А ще горе, маты,
Що милы нэ любыть,
По вечеркахъ ходыть,
Дома нэ ночуе,
О повночи ходыть,
Дай ложытца спаты
Впоперокъ кроваты,
До стѣны очима,
До мэнэ плѣчима.
— Оберныса милы, любы,
Я жъ тэбэ розую,
Въ лычко, поцулую.
— Оступыса, жінка,
Есть у мэнэ мылы
Двадцать и чотыры.
— Хоть у тэбэ мылы
Двадцать и чотыры,
А я за всіхъ старше.
—А дѣ жъ ты, гадка,
А дѣ жъ ты бувала,
Старшенство достала?
— У чистому полю
Церковка стояла,
Тамъ я собі
Старшенство достала,
Дѣ съ тобою Богу присягала;
Присягала Богу и Святому Юрью
Съ тобою, дурню,
И Святому Спасу
Съ тобою, свинопасу.

32.

Ой вышенка, черешенка зацвіла,
За пяницу, лядащицу
Мэнэ маты отдала;
Я пяныцу, лядащицу
Нэ любю, нэ любю,
Я пяныцу, лядящицу
У солдаты запишу, запишу.
Прінхалы поборщики на мій двірь,
Да взялы пяниченку въ набірь.
Ой нэ вэзытэ пяниченку лугамы,
Бо вхопится за лозоньку рукамы,
Учепитца, развяжитца;
Да вэзытэ пяниченьку шлякамы,
Щобъ занэсло чорны очи пескамы.
Да нэ жаль мні того, що его взялы,
Да жаль мні того, що не міцно звізалы;
А, крій Боже, пяныченко утэче,
То вінъ мое біло тіло посече;
Бо нэ разъ, нэ два прузь окенце втекала,
Да нэ разъ, нэ два пудъ стрижкою дрыжала,
А въ туй стрижцы воробэй тюхъ, да тюхъ,
А зъ мэне молодой выпавъ духъ.

33.

Ой морозъ, морозъ, не зморозь мэне,
Ой не такъ мэне, якъ коне мого;
Ой померзли ручки, коне ведучи,
Ой коне ведучи, сбрэю несучи.
Хороша сброя государская,
Ой тяжола бо служба солдатская.
Ой, доленька моя, дай несчастная.
Жена мужа зненавиділа,
Повела въ вышневъ садъ дай повісыла
На высокомъ древы дай на яблоны;
Пришшови до дому, сіла за столомъ,

Ой сіла за столомъ дай пыше пэромъ:
Цеперъ же мні дай погуршало
Щой дзілонька дай побульшола.
Ой пойдужъ я у садъ по милого назадъ:
День добры, милы, чи живъ, чи здоровъ,
Чи живъ, чи здоровъ, чи нависивса,
Вышневыхъ яблочокъ дай накушався,
Солдатскихъ пѣсенъ дай наслухався.

34.

Охъ доля моя кровная,
Що мой мужикъ горэлки нэ пье
И мні нэ дае.
Ой покину я куделю прасти
Дай пойду у корчму погуляти.
Прыдэ, прыдэ стара маты
На вечеру зваты.—
Ой, вечерай, моя матко,
Вечерала я;
Постіль білу постелы,
Прыду лягу я.
Перши пивэнь пое,
Я гуляю;
Други півэнь пое,
Я нэ думаю;
Трэти півэнь пое,
Я иду до дому;
Зустрічае довэратко;—
Мюй довэратко, братко,
Бороны мэнэ;
Що вышею шовковую хустку,—
Тото для тэбэ.
Ой жаль же мні тэбэ,
Що твой мужикъ бизунъ
На тэбэ плэтэ.

35.

Ой, хмѣлю жъ мой, хмѣлю,
Ты мой тонки, высоки,
На тобі листъ широки;
Ну съ тобою, мой хмѣлю,
Ну съ тобою, мой тонки,
Треба съ разумомъ житы,
Охъ да нэ по полной
Мэдъ, горылочка питы.
Мэдъ, горылочка шумна
Козака свела зъ ума.
Вохъ ишовъ козакъ зъ Дону,
Вохъ ишовъ младъ зъ Дону;
Да на козаку жупанъ,
Да на молодому новы,
Охъ, ажъ слідъ заметае;
Да на козаку шапка,
Да на молодому нова,
Охъ екъ макъ зацвітае;
Да на козаку поясъ,
Да на молодому красенъ,
Охъ якъ мiсячикъ ясенъ;
Да на козаку кошуленька,
Да тонка біленька,
И къ паперу ровнэнька;

Да на козаку боты,
Да на молодому новы
Да турецкой роботы.
Да ишовъ козакъ въ корчму,
Да ишовъ молодъ въ нову,
Такъ екъ панска дѣтина;
Да ишовъ козакъ зъ корчмы,
Да ишовъ козакъ зъ новой,
Такъ, екъ мать народыла.
Да, бодай, гэта корчма,
Да бодай же ты нова
Въ сію ночку сгоріла,
Во якъ же ты мэнэ парня,
Во якъ же ты молодого
Дай на вікъ загубыла.

36.

Да ишовъ чумакъ зъ Дону,
Да ишовъ молодъ зъ Дону,
Дай зъ Дону до дому;
Да сівъ надъ водою,
Да дивится въ воду,
Чи хорошъ на вроду.
Охъ доля моя, доля,
Чому ты не такая,
Якъ людская другая?
Люди діла нэ роблять,
А хороше ходять,
А я заробляю,
Дай ничого нэ маю.
Отозвалася доля
По той бікъ мора:
Ой ты, козаче, байраче,
Тому ты ничого нэ маешь,—
Въ корчмѣ пьешь, гуляешь;
Що все заробляешь,
За одинъ вечеръ пропиваешь,
За одинъ вечерокъ
На солодкій мэдокъ,
За одну вечеринку
На горку горылку.

37.

Спився козакъ спився,
Зъ доруженьки збився,
На коня зазлився:
— Ой, коню жъ мой, коню,
Коню вороный,
Запродамъ я тэбе
За мэдъ, за горылку,
За хорошу дівку.
— Ой, пану жъ мой, пану,
Нэ продавай мэне,
Спогадай на сэбе:
Екъ мы утэкалы
Тэмными лѣсамы,
Битыми шлягамы;
Через морэ біглы,
Ледъ провалився,
И ты нэ втопився.
— Ои, коню жъ мой, коню,
Що тобі важко,
Чи то моя зброя,
Чи то мои гроши?
— О, пану жъ муй, пану,
Ни що мні ни важко:
А ни твоя зброя,
А ни твои гроши,
Только мні важко

Пѣшки да дорожки,
Частыя корчомки,
Молоды шинкаркы.
Ой пану жъ муй, пану,
Дай мні сіна,
Сіна по коліна,
А овса по очи,—
Пойду серэдъ ночи.
— Ой, коню жъ муй, коню,
Даю тобі сіна,
Сіна по коліна,
А овса по очи,—
Ступай сэрэдъ ночи.

38.

Горé (пашетъ) мой милый, горé,
У край поглядае:
Чужи жоны обідъ несуть,
А моей нэ мае.
Ой принэсла Катэрынка
Третьяго дня рано,
Наплевала, накаркала,
Що горешь погано:
— Ой щожъ тобі, милый,
За кадукъ стався,
Волы сывы, соха нова,
Ты самъ попсовавса.
— Ой ты жъ, моя мыла,
Много діла наробыла?
А я діла нэ робыла,
Бо я у корчомки сыділа,
Семъ талеровъ прогуляла,
Восьмого начала
И того нэ успіла,
Бо тобі, вражи сынэ,
Обідъ варыла.

39.

Похылылыса лозы;
Ходывъ, блудывъ
Козакъ пры дорозы,
Прыблудывса вінъ къ лэсочку,
Къ зэлэному дубочку;
Стала зозуля коваты.
Ой ты, зозулька рабэнка,
Крыльца твои сынэнки.
— Ты козаче уродлывый,
Ты пьяныца справэдлывый,
Пьешь въ корчмѣ, попываешь,
Старыхъ людэй зныважаешь;
Нэ треба ихъ зныважаты,
Бо по смерты нэгдѣ взяты.

Колыбельныя.

1.

Ой ходыть сонъ по долыны,
Клыче маты до дытыны:
Ходы, сночку, въ колысочку,
Да прыспы мою дытыночку.
Ой ходыть сонъ коло сосонъ,
А дремота низко плота;
Ой на кота вся воркота,
А на Петруся сонъ—дремота.

2.

На улыци пытушокъ,
Червоненьки грыбушокъ,
Чому рано не поешь?
Пусты, пане, въ клѣть,
Буду рано пѣсни пѣть.
На улыци пытушокъ:
Да кудакъ! да кудакъ!
Пытается курицы:
Да чи такъ, да чи такъ?
Такъ, такъ, такъ!

3.

Да люли жъ, люли, коточокъ,
Исховавса въ куточокъ
Отъ маленькихъ дѣточокъ.
Ой ты жъ, котко ворчи—плачь;
А ты, дитя, засни спать.
Ой люли жъ, люли, котки два,
Сѣры, бѣлы обыдва.
Пошовъ, котокъ, подъ липку,
Нашовъ собі скрыпку;
Пошовъ котокъ у лѣсокъ,
Нашовъ собі поясокъ;
За нимъ баба, скачучи:
Отдай, котко, плачучи:
Постой, котко, не втекай,
Узявъ поясъ и отдай.

4.

Ой нужъ, люли, люли,
Усімъ дѣткамъ дули,
А нашому колачи,
Щобъ спало въ день и въ ночи.
Ой на кота воркота,
А на дитя дремота;
Ой ты, коте, ворчи—плачь;
А ты, дитя, засни спать.
Ой, нужъ, ну, ну, на море,
Шуги, шуги, на поле!
Ой ты жъ, котко, не шугай,
Нашого дитя не зликай!
Екъ мы тебе поймаемъ,
Твою лапку отсѣчемъ.

5.

Стоить береза,
Коло перевоза;
Ой люлю, коло перевоза.
На туй березы
Колыбилька высыть,
Ой люлю, колыбилька высыть;
А въ туй колыбильцы
Дѣтина малая;
Ой люлю, дѣтина малая,
Дѣтина малая,
Хто тебе колыхае?
Ой люлю, хто тебе колыхае?
Вітрецъ повінэ,
Той мене колыше,
Ой а лелю, той мене колыше.
Дѣтина малая,
Хто тебе кормыть?
Росица упадэ,
Той мене кормыть,
Ой а лелю, той мене кормыть.

Дѣтина малая,
Хто тебе одѣнэ?
Ой а лелю, хто тебе одѣнэ?
Дѣтина малая,
Дѣ твоя маты?
Ой а лелю, дѣ твоя маты?
Королю служить,
Дорогу плату бэрэ,
Ой а лелю, дорогу плату бэрэ.
Що суботы, новы чоботы;
Ой а лелю, новы чоботы.

IX. Солдатскія.

1.

Изъ-за саду, изъ-за зеленого
Выкатилось сонце ясное,
То нэ сонце, то нашъ батюшка,
То нашъ білый царъ,
За собою веде силушку
Нэ большую, нэ малую,
Сорокъ полковъ, сорокъ тысячъ;
Ишлы воны, дай заплакалы,
На коліна дай попадалы,
Взялы сукна, сукна тонкого;
Тонкое сукно на рубашечки,
А обрізочки, то на застежочки.

2.

Ой у лузи, да при долыны
Зацвіла калына,
Породыла удовушка
Хорошого сына,
Породыла да удовушка
Да у тэмной ночи;
Дала ему станъ хороши
И чорныя очи,
Породыла да удовушка
Въ зеленой дубровы.
Было тобі, моя маты,
Стану нэ даваты, —
Осудила вся громада
У солдаты сдаты.
Было тобі, маты,
Счасттэ—долю даты.
Розвивайся, сухы дубе,
Въ ночи морозъ будэ;
Выбырайся да удовинъ сынъ,
Завтра походъ будэ.
Я морозу да нэ боюса, —
Въ ночи разовьюса;
Я походу да нэ боюса,
Сей-часъ убэруса. [1])

---

[1]) Малорусскій варіантъ см. у *Чубинскаго;* т. V, стр. 994, № 87.
Ѳ. Ист.

3.

Стоить яворъ, стоить зелененьки,
Ой выíхавъ изъ села рекрутъ молоденьки;
Шапку изнявши,
Да и поклонивса:
Выбочайте, вся громада,
Мо, съ кíмъ посваривса,
Покрепляйте дороженьку,
Щобъ нэ курылася,
Разважайте оца, матку,
Щобъ по мнí нэ журылыса.
Ой кропылы дороженьку,
Да все вона курыть,
Развäжалы оца, матку,
Да все жъ воны журать.
Вы галочки, да чорненьки,
Круту гору укрылы,
Намъ козакамъ новобранчикамъ
Жалю наробылы.
Вы галочки, да черненьки,
Полетитэ въ гору,
Вы козаки новобранчики,
Вернытэсь до дому.
Ой якъ же намъ полетити,
Туманъ наступае,
Ой якъ же да вернутыса,
Насъ царъ нэ пускае;
Да нэ такъ же царъ,
Якъ царева маты:
Хочеть нами да молойцами
Польшу звоеваты. [1])

4.

Зашуміла дубровонька,
Да заплакала удовонька

---

[1]) Тоже: стр. 995, № 90. *Ө. Ист.*

Нэ шумь, не шумь, дубровонька,
Нэ плачь, нэ плачь, удовонька.
Вона плачэ и рыдае,
На бытый шляхъ поглядае:
Бытымъ шляхомъ солдаты идуть,
Мого дружка коне вэдуть.
Вы, солдаты молодые,
Дѣ жъ вы тэ дружка мого діли?
Твій дружокъ въ війску служить,
Въ чистомъ полі убытъ лэжить,
Въ правій руці шаблю дэржить,
А лівою росу бэре,
Да по сэрдэньку потырае,
Да своій жінцы наказвае:
Ой вы хлопцы, вы молойцы,
Накажитэ моій жонцы,
Нэхай вона замужъ идэ,
Нэхай вона мэнэ нэ ждэ.
Ой колы ій добрэ будэ,
То вона мэнэ призабудэ,
А колы ій кэпско іймэтца,
То вона о мні вспомянэтца.

5.

Поіхавъ козакъ дай до гаю,
До глыбокого Дунаю;
Ставъ коныкъ воду пыты,
Козаченько рукы мыты;
Еще коныкъ нэ напывса,
Вже козаченько утопывса;
Плававъ, плававъ не втопывса,
За калыну ухопывса:
Ты калына, ты малына,
Да червоныи ягодкы,
Кажуть людэ, що ты гірка,
Якая ты мэни солодка,

Що нэ дала утонуты,
Молодому козаченьку.

6.

Въ прыбытомъ шляжку
Тамъ козакъ умиравъ,
Свои раны просушавъ.
Охъ, раны вы мои,
Вы тяжолыя мни,
Кругомъ світа обошлы,
Да до серца вы дошлы;
Прышло козаку помирать,
Свого коня покидать.
Охъ, ты, конь мой, конь вороный,
Нэ давайса, мой конь, нэпрыятэлямъ,
А давайса, мой конь, родному батюшкѣ
И родной матушки;
Родной батюшка попэрэдъ коня идэ,
А родная матушка при боку коня идэ,
Молодая жена позади идэ,
Коня спрашивае:
Охъ, ты конь же мой,
Воронэньки конь,
Охъ, а дѣжъ твой дружокъ,
Дружокъ молодэньки?
Конь каже: у чужой сторонѣ
Узявъ жонку молодую,
Оженыла его куля быстрая,
Удружила его шабля острая.

7.

За горою трава шумыть,
За другою козакъ убытъ лежить,
Лежить козакъ за горою,
Подъ купину, подъ купину головою,
Накрывъ очки сукною;
А якею сукниною, —
Козацкею заслугою.

За горою воронъ краче,
Надъ козакомъ сывъ кынь плаче.
Нэ плачь, коню, надо мною,
Самъ ты бачишь щирость мою;
Бѣжи, коньку, бережками,
Солдатскими дорожками,
Да прибѣжи въ мою браму,
Стукны, бразны пудковамы;
А тамъ вуйдэ моя маты,
Будэ тэбе роспытваты:
Ой, конькъ муй вороненьки,
Гдѣ муй сынокъ молоденькій,
Чи ты забывъ, чи ты згубывъ?
Я нэ забывъ, я нэ згубывъ;
Онъ на місты оженився,
Узявъ жінку Варшавянку, —
Въ чистомъ полю жовту ямку;
Узявъ жінку на рыночку, —
Въ чистомъ полю могылочку.

8.

Темна хмара наступае,
Друбны дощикъ накрапае;
Маты сына выражае:
Ой ты, сынку, одинъ у насъ,
Хочуть тэбе въ войско взяты,
Кобъ не було сваркы въ хаты.
Старша сестра коня ведэ,
А серэдня сѣдло нэсэ,
Сама меньша хусту дае,
Роднымъ братомъ называе:
Ой ты, братко, одинъ у насъ,
Коли придешь въ гости до насъ?
Возьми, сестра, пэску жменю,
Да посій на каменю:
Екъ той несокъ житомъ зыйде,
Тогды братко въ госци прийде.

Негдѣ убыто, растрѣляно,
Въ жовтомъ пэску поховано,
До насъ лысту не прислано;
Хоть прислано, не читано,
Хоть читано, не сказано.
Не зышовъ песокъ, нема братка.

9.

Щука рыба въ морі
Гуляе на волі;
А у вдовы дай одынъ сынъ,
Дай нэ давъ Богъ долы.
Продай, матко, коня,
Коня вороного,
Ой ужены жъ мене, матко,
Сына молодого.
Ой нэ велять, сынку,
Коня продаваты,
Хочуть тебе, мій сыночку,
Въ солдаты отдаты.
Нехай отдають,
А я нэ боюса:
Конь вороный, самъ молодый,
Еще выслужуся.
Якъ отдавала,
Сильненько плакала.
Лэтівъ воронъ чоронъ,
Дай того пытала:
Ой ты, воронъ, чоронъ,
Высоко лэтаешь,
Ой чи часто мого сына
У войску выдаешь?
Ой, чи твій сынъ
Въ степу спочивае?
Надъ имъ ясны соколь
Головку стыкае.
Не дай, Боже, смерты, —

На чужены вмерты;
Бо никому доглядаты
Солдатски смерты.
Воронъ прылетае,
Смерты доглядае,
Біло тіло уберае,
Кости покидае.

10.

А у полю верба,
Подъ вербою вода;
Ой тамъ дѣвка воду брала
Хорошая, молодая.
Козакъ коня веде,
Дѣвка воду несе;
Пытаетца козакъ дѣвки,
Гдѣ дороженька йде?
Ой дороженька йде
Да на той бокъ рѣки,
Да на той бокъ криниченки,
Гдѣ стояли полки;
Тамъ полковникъ стоявъ,
Да у скрыпочку гравъ,
Своихъ хлопцувъ, новобранцувъ
Спѣвать заставлявъ:
Ахъ вы хлопцы мои,
Новобранцы мои,
Заспѣвайте тую пѣсню,
Що сподобная мні.
Да вже жь бо мы спѣвалы,
Твою волю чинилы,
Дробненькими слезонькамп
Чорнэ полэ излилы.

11.

Ой отбився я отъ роду,
Такъ екъ камень у воду;

Ой найму я подводу,
Да поѣду до роду.
Ой прыихавъ я на дворъ,
Ажъ выходить отецъ мой
И матушка родная,
Свого сына пытае:
Мой сыноньку рожоны,
Дѣ твой другъ вѣнчоны?
Я вѣнчався при полку,
Въ мене шабля при боку,
Мене маты родыла,
Лыху долю вдилыла,
До разума довела.
Ой быстрая рѣченька,
Всі бережки заняла,
Возьми жъ мою жену,
Однакъ зъ ею не живу;
Ой щобъ ен Богъ прибравъ,
Тобъ я ен поховавъ,
Могылоньку выкопавъ,
Калиною вытокавъ.

12.

Ой ты пташко, пташко канарейко,
Ой, ой, чимъ рано, рано вылэтаешь,
Ой, ой, чи ты собі гнѣздечка нэ маешь?
Кобъ мала, тобъ не вылэтала,
Ой, ой нигдѣ сісци, гнѣздечка нэвпцы,
Хиба сяду на зелену древі,
Ой, ой тэе древо, древо подрубаюць,
Тэе древо подрубаюць,
Ой, ой, а лужечки воды поздымаюць,
Ой, ой, а въ городахъ маки зацвітаюць;
То не маки, донскіе козаки;
Ой, ой ишли ляхи, вой да на три шляхи,
Ой, ой государыки, вой да на чотыры,
Ой, ой солдатики чистэ полэ вкрылы;

Вышла мацн у ключъ воды браци;
Ой, ой вона брала, вой да не набрала,
Ой, ой свого сынка въ арміи пытала.
Ой, ой ходзи, сынку, домовоньку,
Я змыю тобі головоньку.
Да вже, мамко, домувъ не бываци,
Ой, ой тобі, мамко, кудровъ не чесаци;
Да у поли дробенъ дощикъ хлэще,
Ой, ой той мні, мамко, головку сполоще;
Да у полі зеленая травка,
Ой, ой та мні, мамко, мягкая постилька.

13.

Дороженька столбовая до вдовиного двора;
А на томъ же дворы стоить гуречко;
А на томъ же гуречку стоить столичокъ;
А за тымъ столичкомъ сидять паничи,
Ѣдять воны колачи,
Воны сумують, кого въ солдаты отдаты:
А гдѣ пять, то не взять;
А гдѣ чотыре, — не велять;
Гдѣ тры, то втеклы,
А гдѣ два, то нема.
Бывъ у удови сынъ одынъ,
Ставять его подъ аршинъ;
Его паны злюбилы,
На коника ссадилы,
По базару возилы,
Колачиками накормилы.
Нэ плачь, маты, нэ рыдай,
Своихъ слезокъ не терай,
Екъ наложимъ мы кафтанъ,
Будэ сынъ твой капитанъ;
Екъ наложимъ мы мундеръ,
Будэ сынъ твой камандеръ;
Екъ выйдемъ мы на гору,
Да зайграемъ у трубу;
Екъ выйдемо на майданъ,

Ударимо въ барабанъ;
Екъ выйдемо на лужокъ,
Дай заграемъ у рожокъ.

14.

Ой ты береза, чімъ ты не зелена?
Ой ты, стара матка, чімъ ты не весела?
Ой-ти береза зелено стояты;
Ой-ти записалы милого въ солдаты,
Ой-ти по имъ плаче старенькая маты.
Ой ты не плачь, не плачь, матюса старая,
Ой-ти нехай плаче жена молодая,
Ой-нехай плачуть малыя дѣти,
Ой-ти зостаютца сироты на світі;
Ой хто жъ ихъ будэ малыхъ годоваты,
Ой хто жъ ихъ будэ вірно жаловаты.

15.

По-надъ гаемъ зеленэнькимъ
Дорожка лэжала,
Тудой наша Государына
Нэкрутъ выражала;
Исписала, измалювала
На білы бумазѣ славны.
Удовэнъ сынъ на воронэмъ кони подъѣзжае,
У скрепоньку грае,
Жалубу шукае:
Выйды, дівчиночько,
Выйды жъ, моя пани.
Нэ вышла дівчинонька,
Вышла рідна маты,
Узяла коня за повода
Да и стала пытаты:
Сынку единаку, дѣ жъ тэбе шукаты?
Шукай мэнэ, моя маты,
У першомъ шкадроны,
На вороном̃ коны;

Тамъ я буду, моя маты,
Горэ гороваты,
Свэю кровю червоною
Річки наповняты,
Свэю кістю жовтэнькою
Мосты вымостяты.

16.

Ой ты Морозъ, Морозоньку,
Ты славны козаче,
Щой по тобі, Морозоньку,
Вся Украина плаче;
Нэ такъ тая Украина,
Якъ увісь світъ плаче,
Щой йшовъ Морозъ черезъ місто,
Да идучи плаче.
Нэ плачь, Морозъ, нэ плачь, Морозъ,
Нэ плачь, нэ журыса,
Ходи зъ нами зъ козаками,
Мэдъ, вина напійса.
Да вжежъ бо мні, Морозоньку,
Мэдъ, вино нэ пьетца,
Подъ царскими воротами
Туровъ съ Шведомъ бьетца.
Ишовъ Морозъ черезъ городъ,
Да идучи плаче.
Нэ плачь, Морозъ,
Нэ плачь, нэ журыса,
Ходи зъ нами козаками,
Мэдъ, вино напійса.

17.

Усі луги зашуміли,
Оно мои тихо стоять;
Усі паны зъ войны идуть,
Мого пана коня ведуть.
Выйди, вдова молодая,

Возми коня свого пана.
Еще жъ бо я нэ вдовонька,
Дѣтки мои нэ сиротки.
Усі луги зашуміли,
Оно мои тихо стоять;
Усі паны зъ войны идуть,
Мого пана скрыни везуть.
Выйди, вдова молодая,
Познай скрыни свого пана.
Еще жъ бо я нэ вдовонька,
Дѣтки мои нэ сиротки.
Усі луги зашуміли,
Оно мои тихо стоять;
Усі паны зъ войны идуть,
Мого пана збрую везуть.
Выйди, вдова молодая,
Познай збрую свого пана.
Еще жъ бо я не вдовонька,
Дітки мои нэ сиротки.
Усі луги зашуміли,
Оно мои тихо стоять;
Усі паны зъ войны идуть,
Мого пана тіло везуть.
Выйди, вдова молодая,
Познай тіло свого пана.
Ужежь бо я удовонька!
Бідна моя головонька!
Дітки мои—сиротки!
Дітки мои—сиротою,
А я на вікъ—удовою! [1])

18.

Вдова молода породыла сына,
Сына соколя;
Ой да породывши, сповила,
А сповивши зростыла;

---

[1]) Великорусскій варіантъ записанъ мною въ Архангельской губ., подъ названіемъ «Панья пѣсня». Ѳ. Ист.

Ой да зростывши, коня купыла,
А коня купывши, въ вуйско отдала;
Въ вуйско отдавши, дай заплакала.
Старша сестра хусты качала,
Менша сестра брата пытала:
Ой, братэйко нашъ,
Коли прійдешь въ гости до насъ?
Выйди, сестра, на гору круту,
Да глянь на річку быстру;
А на той рѣченцы павино перо:
Павино перо на дно нэ тоне,
А білы камень на верхъ нэ рыне,
— Вашъ братэйко въ гости нэ прыйде.
Ой пойду я широкимъ шляхомъ,
Зустрѣчаю тры солдаты зъ вуйска идуть,
Мого брата коня ведуть.
Охъ вы солдаты, вы люди свои,
Чи не бачилы мого братка гді,
Брата соколя?
Тото той соколь,
Братко твой, попереду идучи,
Тры вуйска избивъ,
На четвертомъ головку зложивъ;
Заплакали бабушки, его мыючи,
Заплакали солдатушки, труну робячи,
Обомлевали дѣвушки, на его смотрячи. [1])

X. Юмористическія.

1.

Ой нэ ходы у горохъ,
Нэ любы насъ четырохъ,
Любы мэнэ одную,
Бо я тэбэ шаную,
Якъ собаку рабую;
Я жъ собаку рабую,
Помыямы годую.

---

[1]) Бѣлорусскій варіантъ см. у *Радченко*: «Пѣсни Гомельск. у.» стр. 208, № 173. *Ѳ. Ист.*

2.

Ой посіявъ козакъ гречку
На дубочку на вершечку;
Пытается козакъ гречку,
Чи добре рости на вершечку.

Схватылася шура-бура,
Козакову гречку сдула;
Бѣжить козакъ, якъ шалены:
Нема гречки, ни соломы.

3.

Ой ты, орабейку,
Старесэньки мужу,
Ой якъ, якъ оруть на макъ?
— Ой, мои дѣвочки,
Мои голубочки,
Отъ такъ, такъ, оруть на макъ!
Ой ты, орабейку,
Старесэньки мужу,
Ой якъ, якъ сіють макъ?
— Ой, мои дѣвочки,
Мои голубочки,
Отъ такъ, такъ сіють макъ!
Ой ты, орабейку,
Старесэньки мужу,
Ой якъ, якъ, боронують макъ?
— Ой мои, дѣвочки,
Мои голубочки,
Отъ такъ, такъ боронують макъ!

Ой ты, орабейку,
Старесэньки мужу,
Ой якъ, якъ полють макъ?
— Ой, мои дѣвочки,
Мои голубочки
Отъ такъ, такъ полють макъ!
Ой, ты орабейку,
Старесэньки мужу,
Ой якъ, якъ вяжуть макъ?
Ой, мои дѣвочки,
Мои голубочки,
Отъ такъ, такъ вяжуть макъ!
Ой, ты орабейку,
Старесэньки мужу,
Ой якъ, якъ кладуть макъ?
— Ой, мои дѣвочки,
Мои голубочки,
Отъ такъ, такъ кладуть макъ! [1])

4.

Черезъ лісъ, черезъ лісъ,
Черезъ байдаринку
Ведэ стары, бородаты
Молодую жінку.

Дідъ иде, дідъ иде,
Міхъ несе;
А що въ міху?
Макъ, макъ.

---

[1]). Эту пѣсню надо признать за остатокъ хоровода; варіанты этой пѣсни находимъ въ числѣ хороводныхъ у *Радченко:* «Нар. п. Гомельскаго уѣзда» (бѣлорусскія) стр. 45; въ «*Трудахъ Этн.-Ст. Эксп.* въ Ю.-З. край» (малорусск.) т. III, стр. 47 и сл.; великорусскіе варіанты находимъ у *Сахарова*: «Сказ. русск. нар.» т. II, стр. 70 и у *Терещенка*: «Бытъ русск. нар.» ч. IV, стр. 298.
Ѳ. Ист.

А що въ руцѣ?
Ракъ, ракъ.
Ой, мой милы раченьку,
Постережи маченьку;
А я пойду въ хатку
Поцюлую бабку,
Двуйчи, труйчи,
Разъ, разъ, разъ!

5.

Чижикъ, чижикъ по болоты скакавъ,
Мамы, матки прохавъ:
Ой мамуню, мамуню,
Пошій же мні кошулю
Съ білого лёнку,
Съ тонкого шовку;
Почду на вину
Полюблю попівну;
Попівна хороша
По дылю скакала,
Дыль поломала,
Телята побыла;
Телята рыкнулы,
Собакы брехнулы;
Попови сказалы;
Піпъ съ стогу,—
Выбывъ ногу;
Попадья изъ грубы—
Побыла зубы.

6.

Ой хтожъ бѣды нэ знае,
Нэхай мэнэ пытае:
Пошла жъ бѣда до попа,—
Били жъ бѣду, якъ снопа;
Пошла жъ бѣда до дьяка,—
Зъіла жъ бѣда хворака;
Пошла жъ бѣда до пономара,—
Пономаръ бѣдѣ кости поломавъ;
Пошла жъ бѣда до Деныса,—
Отъ Деныса бѣжить лыса;
Пошла жъ бѣда до Гаврыла,—
Отъ Гаврыла носомъ рыла;
Пошла жъ бѣда, хромаючи,
На семъ сажонъ ступаючи;
Пошла жъ бѣда на столичокъ,
Плетэ собі постолочки,
Сама собі дивуется,
Якъ хорошэ обуется.
Пошла жъ бѣда, хромаючи,
На семъ сажонъ ступаючп;

Пошла жъ бѣда до Кіева,
Дочку дома покинула;
Покуль бѣда вернулася,
Хата ен обернулася;
Пошла жъ бѣда, хромаючи,
На семъ сажонъ ступаючи.

7.

Ой рыкнула коровонька,
Рано съ паши идучи,
Породыла мэнэ маты,
По ягодки идучи;
Породыла въ святы день,
Удылыла лыху долю,
Дѣ я ей діну?
Повезу я лыху долю
Въ місто продаваты;
Знають люде лыху долю,
Не хочуть куповаты;
Ой купуйте, люде, долю,
Моя доля добра,
Якъ напьётца,
Зъ людьми бьётца;
Не ночуе дома.
Запрагай же сывы волы,
Дай везы до дому.
Иды ты, лыха доля,
Въ річку утопыса,
Ты отъ мэнэ молоден
На часъ очепыса.
—Ой хочь же я, лыха доля,
Въ ріцы утоплюсь,
Якъ ты придешь воды браты
Съ двыма ведэрками,
Я за тэбэ учеплюса
Обыма руками.

8.

На улыцы громада, громада,
Громада, громада, громада,
Да, да, да, вохъ-ти громада.
Жена мужа продала,
Продала, продала, продала,
Ла, ла, ла, вохъ-ти продала.
Дай тры гроши узяла,
Узяла, узяла, узяла,
Ла, ла, ла, вохъ-ти узяла.
Дай ячменю купыла, купыла,
Купыла, купыла, купыла,
Ла, ла, ла, вохъ-ти купыла.
Дай пывушка зробыла, зробыла,
Зробыла, зробыла, зробыла,
Ла, ла, ла, вохъ-ти зробыла.
Дай госцей созвала, созвала,
Созвала, созвала, созвала,
Ла, ла, ла, вохъ-ти созвала.
Госты пыво попылы, попылы,
Попылы, попылы, попылы.
Лы, лы, лы, вохъ-ти попылы.
Дай хозяюшку выбылы, выбылы,
Выбылы, выбылы, выбылы,
Лы, лы, лы, вохъ-ти выбылы.
Хозяину сто рублевъ, сто рублевъ,
Рублевъ, рублевъ, рублевъ,
Лёвъ, лёвъ, лёвъ, вохъ-ти сто рублёвъ.

Хозяюсцы сто кіевъ, сто кіевъ,
Кіевъ, кіевъ, кіевъ,
Ёвъ, ёвъ, ёвъ, вохъ-ти сто кіевъ.

9.

Наша пани молодэнька
Зарызала орабэйка,
На тры кухны готовала,
На семъ столовъ раздавала;
Стала челядь сбыратыса,
Стала пани ховатыса,
То на піч, то въ комору,
То въ піч головою.

10.

Ой у клуни два коплуни
Горохъ молотылы,
А дві курки чубати
До млына носилы.
Козелъ меле, коза насыпае,
Козенята муку обираютъ,
Муха місить,
Комаръ воду носить,
А сорока бѣлобока
Тіста собі просить;
А ворона, стара жона,
Пошла гости звати;
Журавель пошевъ танцоваты;
Пришовъ жукъ,
Да взявъ друкъ,
Да ставъ гостей разгоняты.

11.

Послушайте вы, молойцы,
Скажу я вамъ тихо:
На біднаго орабья съ палашомъ
Сова съ лісу руки ноги одбила,
Изъ хаточки выгнала;
Никому прибыты
Орабья обороныты.
Ой написавъ панъ орабей
До снигира карту,
Ой написавъ къ родному брату,
Кобъ на той часъ прибывъ,
И сусідовъ спрашивавъ,
Кобъ сову пойматы,
Якъ відьму звязаты.
Якъ поймалы пани сову
И звязалы руки,
Дай отдалы пани сову
У котнія муки.
Сойка сову поняла,
Дай на смерть отдала:
О то жъ тобі, сова,
Трэба было орабья не быты.
Прышло до смерты,
Трэба сові умэрты;
Ой поставивъ панъ орабэй
Смоляную кадку;
Ой тамъ диво было:
Зъ лѣсу пташекъ набігло;
Одынъ дивовався,
Други насмѣхався
Францускою каретою
Удодъ наѣзжае,

Золотою коляскою
Жовна поспѣшае;
Два окренты лебедювъ,
А сто двадцать качеровъ,
Чорна галка и сова куковка,
А панове тетерове
Боромъ суходоломъ.
Хто на той часъ прибывъ,
Той спивъ, той зъївъ;
А хто не нахопывся,
Той не напывся,
А панъ молоды журавель опознывся,
На вечеру якъ добрався,
До вина добравъ собі міру.
За здоровья орабья
Пили, ѣли ажъ до дня,
Орабью на славу
А гостямъ на забаву.

12.

Рада баба, рада баба,
Що дідъ утопывся:
Наварыла горщокъ каши,
А дідъ нахопывся.

13.

Жала, не лежала,
Три снопочки нажала;
Поїдь, мылы, по три снопочки,
Нэ забуды рубэля взяты,
То будэ што притягаты.

14.

Іхавъ козакъ и зъ снопами,
Споткавъ дівче и зъ серпами;
Вонъ на еи задывывса,
Его возъ поломывса.
— Ой щобъ же ты, дівче, гожа,
Не жаль было бъ мні воза;
А то руда и погана,
Да й мні воза поломала.
— Хочь я руда и погана,
А бы муй батько богатъ;
Ой дае мні штыры волы,
Еще къ тому и дукатъ.
— Кадукъ твою матэръ бэры
Съ твоимъ батькомъ богачемъ;
Твои волы поздыхають,
А ты останешса съ дукатомъ.

15.

Да уже, дівочки, позненько,
Разодымоса розненько;
Да заберемо игру въ рѣшетейко,
Да поставимо игру на дубейко;
А котра рано встанэ,
Тая игру достанэ.

Да прилетіла сорока съ далека,
Да скинула игру зъ высока.
Да щобъ ты, сорока, пропала,
Якъ ты нашу игру стоптала;
Ходэмо, дівочки, игру шукаты,
Да за пазуху ховаты.

16.

Ой у млыни съ-подъ камэна
Вода зрынаетца;
Любывъ козакъ дівку зъ-малку,
Тэпэръ отрыкаетца.
Любывъ еи, накпывъ зъ еи,
Я самъ тэе знаю,
Бо я хлопэць прэкрасный,
Дэсять собі маю:
Една шіе, друга мые,
Трэтя отырае,
Четвэрта мыло мылыть,
А пята кохае.
Шосту люблю, сёму голублю,
Осьму обыймаю,
Дэвьятую въ танэцъ вэду,
Съ дэсятой гуляю.
Ой щобъ же жь, ты, козачейку,
Тогды оженывся,

Якъ у полі на камэни,
Сухый дубъ розвывся.
Бодай же жь, ты, дивчинойка,
Тогды замужъ пошла,
Якъ у млыны на камэни
Пшенычейка взошла.
Довго дівчатъ зводывъ козакъ,
Дай самъ ошукався,
Якъ пришлося постаріты,
Тогды одумався.
Ходывъ козакъ, блудывъ козакъ,
Дай не знайшовъ пары.
О тожъ тобі, козачейку,
За наши обманы.
На старости, при слабости,
Козакъ оженивса,
Узявъ жінку стару, слэпу,
Тай и съ тэій тішився.

17.

Ой перваго января
Выпала пороша;
Що дідъ бабу полюбывъ,
Що баба хороша:
И крывая и слэпая,
Еще къ тому злая,
И крычить и ворчить
Противъ діда нэ мовчить.

— Уберыса, бабко, у білое білье,
Поведу я на весіллэ;
Убралася бабко у білое білье.
— Веды, веды, діду,
Теперъ на весіллэ.
Узявъ дідъ бабу
За білую ручку,
За чорную брову,

Привьювъ бабу на мостокъ
И пнувъ ее къ чорту въ воду:
— О тутъ, бабо, кайся,
Крохи покупайся.
Потуль баба болботала,
Покуль на дно не попала.
Зашовъ дідъ на мостокъ,
И давай божытыся:
Ой, ей-Богу, дали Бугъ,
Не буду женытыся!
Пришовъ дідъ до хаты,
У долоны плэще:
Колы, дастъ Богъ, поживу,
Оженюса еще. [1])

18.

Захотіла вража баба
Да разбогатэты,
Посадыла курыночку,
Кобъ вывэла дэты.
Ой нэлося вражи бабі
На бѣду, на горе:
Курыночка вывэла
Оно тылько трое.
Ой погнала вража баба
Курыночку пасти,
Сама сіла подъ тэнечкомъ
Куделыцу прасти.
И хмарытца, туманитца,
Ставъ дождъ накропаты,
Стала вража бабусэнка
Курчатъ загоняты;
Еще въ хату нэ загнала,
Же двое стоптала,
Назадъ крохи повэрнулась,
На трейте споткнулась.
Ой прііхавъ дідъ изъ лісу,
Ставъ бабы пытаты:
— Ой щожъ, моя бабусэнько,
Курчатъ нэ видаты?
— Ой, мой дѣдусэнько, нэ видаты,
И видать нэ будэшь;
Ой погнала я пасвитя, —
Поурочили людэ.
Ой, вынявъ дідъ изъ возу
Большую прутыну,
Побивъ бабу,
Поломавъ голову и спыну.
— Бодай тобі, стары діду,
Права рука ссохла,
Якъ ты мэнэ окаличівъ,
Що я чуть нэ здохла.
Бодай тобі, стары діду,
Голова облізла,
Якъ ты мэнэ окаличивъ,
Що на печь нэ злізла. [2])

19.

Ой померъ мой небощикъ;
А я тую бѣду въ горщікъ,
Черепочкомъ покрыла,
Кобъ по ему нэ тужила

---

[1]) Варіантъ извѣстной малорусской пѣсни.

[2]) Распространенная малорусская пѣсня. *Ѳ. Ист.*

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПѢСНЯХЪ ПИНЧУКОВЪ.

Пинчукъ, какъ каждый земледѣлецъ, большую часть жизни своей имѣя дѣло съ природою, тѣснѣе чѣмъ кто либо другой сживается съ нею. Природа первый и всегдашній другъ его. Работаетъ ли онъ съ плугомъ на своей нивѣ или въ лѣсу съ топоромъ въ рукахъ, въ его воображеніи нѣтъ ничего тамъ мертваго, глухаго; тамъ все видитъ потъ его и слышитъ стоны, понимаетъ радость и горе его. Отъ того-то Пинчукъ въ пѣсняхъ своихъ отводитъ широкое мѣсто природѣ; онъ то заимствуетъ изъ окружающей природы образы для сравненія своей мысли или чувства, то въ трудную минуту жизни обращается къ ней за совѣтомъ, то повѣряетъ ей свои тяжелыя думы.

Любимыя мѣста, гдѣ можно видѣть Пинчука въ пѣснѣ, это быстрая рѣка, крутыя горы, зеленая дубрава, вишневъ садъ, темный лѣсъ. Такъ на быстрой рѣкѣ молодецъ ловитъ себѣ счастіе, дѣвушка пускаетъ свою косу на Дунай; на быстрой рѣкѣ дѣвица встрѣчается съ милымъ молодцемъ; на берегу рѣки она мыкаетъ горе-тоску; въ лѣсу молодецъ разыскиваетъ свою милую, казакъ умираетъ въ дубравѣ, дѣвица проситъ своего милаго похоронить ее въ вишневомъ саду; на свиданіе съ милымъ она выходитъ въ вишневъ садъ; дочь прилетаетъ къ своимъ родителямъ кукушкою въ вишневъ садъ; молодецъ выходитъ съ своею кручиною на гору, козаки гуляютъ на крутой горѣ.

Эпитеты, съ которыми Пинчукъ соединяетъ въ своихъ пѣсняхъ извѣстные предметы, тѣ же самые, что и у великорусса, такъ напримѣръ: рѣка быстрая, дождикъ дробный, трава шелковая, кубки золотые, столы тесовые, слезы дробныя, лѣсъ темный, море синее, поле широкое или чистое, свѣчи ярыя, гора крутая, дубрава зеленая, конь вороной, коса русая.

Пинчуки, подобно великоруссамъ, любятъ употреблять для большей выразительности *тождесловіе* (тавтологію), напримѣръ: село селянское, шевкъ шевковый, чужая чуженица, білая білиница, думати думушку.

Образность въ пѣсняхъ Пинчука имѣетъ разительное сходство съ образностію, какою переполнены великорусскія пѣсни. Для примѣра приведемъ нѣсколько отрывковъ:

Раскачалася грушица,
Передъ яблонькой стоячи;
Расплакалася Аннушка,
Предъ батюшкой стоячи.

(Великор. Свад. № 138, Сахаровъ).

Не сѣчи сосны, бо похилытся,
Не давай дочки, бо изжуритса;
Посѣклы сосну—похылылася,
Отдалы дочку—зажурылаcа.

(Пинск. Лѣтн. № 16).

Цвѣла груша во садику,
Цвѣла моя во зеленомъ;
Жило мое дитятко,
Жило мое милое.

(Великор. Свад. № 161, Сахаровъ).

Ой въ саду, въ саду
Трава зелена,
А за добрымъ мужемъ
Жена молода.

(Пинск. Сем. № 19).

Туманно красно солнышко, туманно;
Что красна солнышка не видно;
Кручинна красна дѣвица, печальна,
Никто ея кручинушки не знаетъ.

(Великор. Сем. № 25, Сахаровъ).

Зышла зора изъ вечора,
Раскудравиласа,
Сэдить мила на ложечку,
Да расплакаласа.

(Пинск. Сем. № 4).

Въ полѣ лебединушка кричала,
Въ теремѣ Авдотья плакала.

(Шейнъ).

Да куковала зовзуленька въ садочку,
Приложивши головоньку къ листочку...
Плакала дівонька во світлицы,
Приложивши головоньку къ скамьицы...

(Пинск. Свад. № 49).

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
А у богатаго мужика двѣ радости...

(Великор. № 30, Сахаровъ).

У місяца два рожки крутые,
А у женыха два братки родные.

(Пинск. Свад. № 1).

На ряду съ образностію можно выставить еще ту особенность, что Пинчукъ любить употреблять въ своихъ пѣсняхъ, какъ и великоруссъ, уменьшительныя слова, которыя придаютъ пѣснѣ особенную задушевность и нѣжность, какъ-то: косарикъ, Дунайкъ, дівчинонька, соловейко, тешнесенько, свашечки, пташечки.

Изъ *растительнаго царства* въ пѣсняхъ упоминаются: калина, яворъ, береза, дубъ, вишня, верба, черешня, груша, смородина, малина, брусника, морковь, пастернакъ, кукуруза, макъ, укропъ, сочевица, конопля, жито, пшеница, розмаринъ, рута, барвинки, чемерица. Любимыми цвѣтами у дѣвушекъ считаются барвинки (Vinca maior). Нѣтъ той дѣвушки, у которой не было бы въ огородѣ грядки съ барвинками, а если есть цвѣтникъ, то барвинки занимаютъ здѣсь почетное мѣсто Этими цвѣтами дѣвушки украшаютъ себѣ голову, особенно въ праздничные дни. Розмаринъ счи-

тается у дѣвушекъ травою, имѣющею силу привлекать сердце молодца. Чемерица употребляется какъ отрава.

Изъ *царства животныхъ* упоминаются: волъ, конь, коза съ козою, лисица, воробей, журавль, жукъ, комаръ, муха, мошка, снигирь, сорока, сова, сойка, удодъ, желна, лебеди, воронъ, тетеревъ, гуси, утки, голуби, соколъ, орелъ, курица, пава, ласточка. Изъ всѣхъ этихъ птицъ кукушка пользуется особенною любовію народа. Любимый конь всегда вороной, красивыя волы всегда половые (изжелта-бѣлые), голуби сизые.

Изъ *городовъ* упоминаются: Кіевъ, Муромъ, Туровъ (въ древности епископія, а нынѣ мѣстечко), Львовъ и Варшава.

Рѣки: Донъ съ эпитетомъ глубокій, Дунай съ эпитетомъ тихій.

Самая употребительная игра или развлеченіе у дѣвушекъ, это танки, которыя онѣ водятъ обыкновенно съ пѣснями.

Дѣвушка считаетъ для себя украшеніемъ имѣть длинную косу. Она то проситъ вѣтеръ, чтобы онъ развѣялъ косу ея, то сама чешетъ ее, то идетъ на могилу матери и проситъ мать разчесать ей косу, то распускаетъ ее по бѣлымъ плѣчамъ, высказывая желаніе, чтобы она росла ниже пояса, то сожалѣетъ о косѣ, что лихая доля вырветъ ее до волосочка.

Изъ всѣхъ нарядовъ дѣвушекъ любимое украшеніе вѣнки, которые онѣ плетутъ изъ цвѣтовъ и накладываютъ на голову.

Подъ именемъ вѣнка, какъ головного украшенія, разумѣется еще другое украшеніе дѣвушки—это невинность ея, какъ видно изъ пѣсенъ Любови. №№ 40, 41 и 42. Такъ, когда мать узнаетъ отъ дочери, что вѣнокъ ея снялъ князь Михайло, то велитъ своимъ слугамъ догнать его и снять съ плѣчь голову его, чтобы старые удивлялись, а молодые покаялись. Дѣвушка проклинаетъ молодца за то, что онъ потерялъ ея вѣнокъ; послѣдній, оправдываясь, говоритъ, что не онъ потерялъ вѣнокъ ея, а дурной разумъ — дѣвичьи шалости и игра съ молодцами. Дочь спрашиваетъ отца своего, велитъ ли онъ носить вѣничикъ? Отецъ отвѣчаетъ: гуляй дочь съ молоду, носи вѣнчикъ съ зелену; тогда дочь сознается, что она уже вѣнчикъ свой истратила—двухъ молодцевъ ссушила, на медочку пропила, на калачикахъ проѣла.

Покорность Провидѣнію Божію выражается всегда и во всемъ; такъ, козакъ, умирая въ зеленой дубравѣ, говоритъ ворону, чтобы

онъ не каркалъ, потому что онъ положилъ свою голову тамъ, гдѣ ему Богъ судилъ (Троицк. № 8). Дѣвушка обращается къ Богу съ мольбою, чтобы Онъ глянулъ на нее съ неба и далъ бы ей хорошаго друга, какъ она сама молодая (Любовн. № 50).

Въ пѣсняхъ Пинчуковъ, какъ и у прочихъ Славянскихъ народовъ сохранилось преданіе о превращеніяхъ. Видимъ, что женщина превращается въ кукушку и летитъ въ вишневъ садъ къ отцу, матери, чтобы здѣсь разсказать имъ про свою тяжелую замужнюю жизнь.

ЯЗЫКЪ ПѢСЕНЪ.

Языкъ пѣсенъ, часто отзывающихся глубокою русскою стариною, такъ же, какъ и живой говоръ Пинчуковъ, имѣя величайшее сходство съ малорусскимъ нарѣчіемъ, заключаетъ въ себѣ массу такихъ древнеславянскихъ, церковнославянскихъ и старорусскихъ словъ, какихъ мы не находимъ ни въ малорусскомъ нарѣчіи, ни тѣмъ болѣе въ бѣлорусскомъ; въ фонетикѣ языка и въ грамматикѣ его мы встрѣчаемъ такіе элементы, какихъ не существуетъ въ упомянутыхъ нарѣчіяхъ.

Остатки древнеславянскихъ, церковнославянскихъ и старорусскихъ словъ мы указываемъ въ прилагаемомъ словарѣ, а фонетическую сторону языка и грамматическія особенности его изложимъ въ настоящемъ краткомъ обзорѣ.

Особенности фонетическія.

Гласные звуки. Какъ у малоруссовъ мягкій звукъ *и* считается любимымъ звуковъ, такъ у Пинчуковъ пользуются особенною любовію твердые звуки: *ы*, *у*, *э*.

Ы употребляютъ вмѣсто звуковъ: *а*, *е*, *и*, *о*. *у*, *ѣ*, напримѣръ: тогды, грыбыльнички, долына, гырка, потымъ, дрыжала, глыбокій, пытушокъ, тымъ—вмѣсто: тогда, гребильнички, долина, горька, потомъ, дрожала, глубокій, пѣтушокъ, тѣмъ.

Звукъ ы замѣняя собою другіе гласные звуки, въ томъ числѣ

у, уступаетъ однако свое собственное мѣсто буквѣ *у*, говорятъ напр. булъ вмѣсто былъ.

У замѣняетъ собою звуки: *о, е, ю, ы*, напримѣръ: солумка, рудная, свуй, твуй, зулье, турма, мору, вуѣхавъ—вмѣсто солонка, родная, свой, твой, зелье, тюрьма, морю, выѣхавъ.

Э употребляютъ вмѣсто: *е, и, о*: полэ, трэтій, ходэмъ, гэтэй.

Ю замѣняетъ собою *ё, о, у*, напр: принюсъ, вишнювъ, дрюбный, рюдная, мюй, юмирати, юлица, ютро.

А употребляется вмѣсто *я, е, ѣ*: мора, дитати, узавса, рамень, крамень, маю (имѣю), саваченки.

И вмѣсто *а, о, ѣ*: рідній, кінь, війско, дівка, дідъ, гідкій.

О вмѣсто *е*: тобѣ, ночовать, горовать.

Е вмѣсто *я*: дле.

Я вмѣсто *о, ѣ*: яхота, вятры, квяты.

Изъ этихъ примѣровъ нельзя не замѣтить того, что Пинчуки дѣлаютъ замѣну однѣхъ гласныхъ звуковъ другими самую разнообразную: одинъ и тотъ же звукъ замѣняется у нихъ не только соотвѣтствующимъ ему, какъ-то твердый—мягкимъ или мягкій—твердымъ, но совершенно другими, напримѣръ: вмѣсто *о* употребляютъ звуки *и, у, ы, ю, э*; вмѣсто *е—о, ы, ю, э*; вмѣсто *у—в, ы, ю*; вмѣсто *ѣ—а, я, и, ы*.

Согласные звуки. Смягченіе согласныхъ звуковъ бываетъ самое разнообразное; такъ гортанные смягчаются:

Г въ *ж* и *з*: лугъ—луже, нога—на нозѣ, дорога—на дорозѣ, берегъ—на березі.

К въ *ц* и *ч*: нитка—на нитцѣ, рѣка—на рѣцѣ, козакъ—козаче, великій—по велицей.

Х въ *с* и *ш*: мачиха—мачосы, оріхъ—на орісі, птахъ—пташе.

Зубные смягчаются:

З въ *ж*: ксендзъ—ксендже; *ц* въ *ч*: отецъ—отче.

Губные: *б, п, м, в* смягчаются чрезъ присоединеніе къ нимъ плавнаго звука *л*: робить—роблю, скамми—на скамли.

Переходъ однихъ согласныхъ звуковъ въ другіе. Насколько разнообразна замѣна однихъ гласныхъ звуковъ другими, настолько же обильно разнообразіе въ переходѣ однихъ согласныхъ звуковъ въ другіе. Попадаются даже примѣры, что согласный звукъ переходитъ въ гласный и наоборотъ гласный дѣлается согласнымъ.

Д въ *н*: кажный, вмѣсто: каждый, *ж—з*: зелiзный, вмѣсто: желѣзный; *р—л*: пахаль, вмѣсто: пахарь; *с—ш*: шклянъ, шабля, вмѣсто: склянъ, сабля; *п—к*: куля, вмѣсто: пуля; *т—д*: одомкнешъ, вмѣсто: отомкнешъ; *ц—к*: квяты, вмѣсто: цвѣты; *ч—л*: утолка, вмѣсто: уточка; *ш—ч*: меньчая, пораньче, вмѣсто: меньшая, пораньше; *щ—ш*: товариши, дошечка, вмѣсто: товарищи, дощечка; *л—в*: товстый, вовкъ, вмѣсто: толстый, волкъ; *в—у*: учора, усякiй, ўнучка, вмѣсто: вчора, всякiй, внучка; *у—в*: вже, вмру, вмѣсто: уже, умру.

Плавные звуки *л*, *м*, *н*, *р* и зубной *д* Пинчуки произносятъ твердо, напримѣръ: полэ, улыца, мэнэ, нэсу, зора, господаръ, дыво. Гортанные *г*, *к*, *х* подобно тому, какъ въ славянскомъ языкѣ, соединяются съ твердымъ звукомъ *ы* вм. *и*: рукы, ногы, хытрый.

Переходя за симъ къ дальнѣйшему наблюденiю особенностей въ фонетикѣ языка, мы находимъ въ сочетанiи согласныхъ звуковъ между собою, гласныхъ съ согласными и гласныхъ съ гласными слѣдующiя особенности:

1) Сокращенiе звуковъ: йду, мойму, шумь, вмѣсто: иду, моему, шуми. Въ окончанiяхъ имени существ. iе, iя, iи или ье, ья, ьи звуки i и ь выбрасываются, хотя за эту потерю согласный звукъ, находящiйся передъ выпущеннымъ, удвояется, напримѣръ: веселле, семмя, житте, вмѣсто: веселье, семья, житье.

2) Удлиненiе звуковъ. Краткiй звукъ *й*, подобно тому, какъ въ цсл. языкѣ, переходитъ въ длинный *и*: изъ русскои стороны, вмѣсто: изъ русской стороны. Это полногласiе, чаще всего встрѣчающееся въ род. падежѣ, имѣетъ мѣсто еще въ слѣдующихъ случаяхъ: такъ полугласный *ь* переходитъ въ *и*, напримѣръ: чiи, третiе, вмѣсто: чьи, третье; *о* въ *е*: другее, вмѣсто: другое. По любви къ полногласiю Пинчуки иногда звукъ *а* растягиваютъ въ *о о*, напримѣръ: солодкiй, ворогъ, вмѣсто: сладкiй, врагъ.

3) Опущенiе звуковъ: мого, свого, свэю, твэю, вмѣсто: моего, своего, своею, твоею; оробей, озьми, ладыко, маю, голка, оца, дѣ, вмѣсто: воробей, возьми, владыка, имѣю, иголка, отца, гдѣ. Попадаются примѣры, когда выпускаются цѣлые слоги: тре или тра, вмѣсто треба; мо—вмѣсто можетъ быть, е—вмѣсто есть. Въ именахъ прилагательныхъ и причастiяхъ, подобно тому, какъ въ цсл. языкѣ, удвоенные звуки не употребительны: ранiй, сдѣланый, вмѣсто ранній, сдѣланный.

4) Вставка звуковъ: вохъ, вонъ или вунъ, вужъ, гострый, горати, вмѣсто: охъ, онъ, ужъ, острый, орати.

5) Перестановка звуковъ: моглица, прокива, долонь, вмѣсто: могилка, крапива, ладонь.

Особенности грамматическія.

Въ „звательномъ падежѣ постоянно встрѣчается форма славянскаго склоненія, такъ напримѣръ: орле, свате, пташе, дубе. Но нерѣдко попадается форма древнеслав. склоненія, именно: тату, саду, діду, коню, лебедю. Самое же любимое окончаніе зват. п., это *о*: мамо, бабо, сестро, козаченко. Род. п. единств. числа удержалъ въ нѣкоторыхъ словахъ форму цсл. языка, напримѣръ: каменя, кореня, ременя. Дат. п. оканчивается на *и*, *ы* вмѣсто *ѣ*: мні, тобі, дівчины. Нѣкоторыя слова удерживають въ этомъ падежѣ флексію цсл. склоненія — *ови*: сынови, попови. Въ твор. п. часто вмѣсто твердаго окончанія употребляется мягкое: холодпею, солодкею, вмѣсто: холодною, солодкою. Предл. надежъ, какъ въ цсл. языкѣ, оканчивается на *и* или *ы* вмѣсто *ѣ*: па улицы, въ оборі, на древі, у Кіеві. Встрѣчается своеобразная форма предл. п. именно: о жонки вмѣсто: о жонкахъ.

Во множ. числѣ многія слова удержали форму цсл. склоненія, напримѣръ: рамене, коне, сватове, жидове и жидовины, тріе, вражіе люде, козе, панове, тетерове. Даже въ глаголахъ иногда множ. число оканчивается на *е* вмѣсто: *и*: говореле, разлучеле. Предл. п. множ. числа попадается съ цсл. формою, напримѣръ: у молодыхъ лѣтѣхъ, на воротѣхъ, въ ботѣхъ. Сохранилось по мѣстамъ двойственное число, напримѣръ: своими очима, за моима плечима, съ черныма бровыма, своима косыма, съ двыма ведерками. Кромѣ обычной формы, свойственной уменьшительнымъ или ласкательнымъ именамъ существ, нерѣдко встрѣчается образовательное окончаніе въ духѣ цсл. языка, именно: голубь—голубецъ, клѣть—клѣтица, вѣтеръ — вѣтрецъ. А также постоянно встрѣчаются своеобразныя окончанія: *ухно* или *юхно*, *усенька* или *юсенька*, которыя выражаютъ превосходную степень нѣжности или ласкательности: дѣдухно, бабухно, батюхно, бабусенька, дѣдусенька. Наряду съ этою формою очень употребительны суффиксы *эйко* и *энько*: сопэйко, соловэйко, оробэйко, братэнько, дітэнько. Встрѣчаются примѣры,

когда суффиксъ *ко*, выражающій уменьшительность, непосредственно присоединяется къ корню, такъ: матко, братко, бабко. Весьма часто бываютъ случаи, когда имена прилагательныя, мѣстоименія и даже глаголы съ нарѣчіями имѣютъ суффиксы уменьшительной формы, напримѣръ: молодюсенькій, никогосенько (вмѣсто никого); всѣйка, вмѣсто вся; всѣньки, вмѣсто всѣ; спатки, вмѣсто спать; теплесенько, світлесенько, тыхнесенько.

Нѣкоторыя существ. твердое окончаніе перемѣняютъ на мягкое и склоняются по закону послѣдняго и наоборотъ, мягкое окончаніе перемѣняютъ на твердое и по образцу его склоняются, напримѣръ: соколь, соколя, вмѣсто соколъ, а, у; лебедь—лебедевъ, вмѣсто лебедей; матеръ—матера, вмѣсто матерь—матери; дожди—дождэвъ, вмѣсто дождей. Другія же имена существительныя съ перемѣною окончанія перемѣняютъ самый родъ, такъ напримѣръ: новый кроватъ, острѣйша мечь. Нѣкоторыя имена существ. имѣютъ различное склоненіе, въ которомъ нельзя не замѣтить остатковъ древне-славянскихъ и старорусскихъ формъ, такъ напримѣръ: конь род. и вин. падежи ед. ч. коне, им. пад. множ. числа тоже коне; король род. и вин. падежи ед. числа короле; дівча и весьма часто дівче и вин. падежъ дівче; сестра зват. п. сестрэ.

Попадаются остатки древнеславянскаго ъ, замѣненнаго впослѣдствіи звукомъ *о*: котъра, вмѣсто котора.

Имена прилагательныя, согласованныя съ существительными, нерѣдко употребляются, подобно тому, какъ въ цсл. и старорусскомъ яз., въ неопредѣленной формѣ вмѣсто опредѣленной, напримѣръ: сивъ кінь, младъ козакъ, щира правда, шовковъ неводъ. Твердое окончаніе средн. рода *ое* смягчается въ *ее*, напр.: руднее, другее, золотее, а иногда *ее* сокращается въ одно *е*: сине море, чисте полэ, старэ время. Род. п. муж. р. оканчивается иногда на *ья* или *ія* вмѣсто *аго* или *яго*.

Окончаніе род. п. прилаг. въ женск. р.—*ой* или *ей* часто замѣняется на *ои* или *еи*, *ое* или *ее*, напр. изъ русскои стороны вмѣсто изъ рускской стороны, съ чужеи хаты, изъ новои клѣти, коло быстрее рѣки, послѣ солдатскее смерти. Въ этомъ удлиненномъ окончаніи замѣтно сильное приближеніе къ формѣ род. п. церковнослав. языка.

Числительныя количественныя имена требуютъ не род. п., какъ въ русскомъ яз., а именительнаго, какъ въ цсл. и старорусскомъ, напримѣръ: три жидовины, три ангелы, два братки.

Личное мѣстоименіе *онъ* въ косвенныхъ падежахъ, какъ въ цсл. и старорусскомъ яз., не терпитъ ефонической приставки, напримѣръ: за его, отъ ея, вмѣсто за него, отъ нея. Род. и вин. падежи этого мѣстоименія употребляются сходно съ формами, принятыми въ цсл. и старорусск. яз., а именно: любити мене, вмѣсто—меня, утекавъ отъ мене, вмѣсто—отъ меня.

Вопросительное мѣстоименіе *что* въ творит. падежѣ имѣетъ окончаніе цсл. и старорусск. яз.—чимъ вмѣсто чѣмъ. Притяжательныя мѣстоименія *свой, твой* употребляются такъ: въ дат. п. своій, вмѣсто своей, твор. съ тэій, вмѣсто съ тою. Указательное мѣст. *тотъ* въ дат. падежѣ мн. числа употребляется тымъ, вмѣсто тѣмъ.

Въ глаголахъ 3-е л. ед. ч. настоящаго времени почти всегда оканчивается на *е*, подобно тому, какъ эта форма иногда встрѣчается въ старорусск. яз., напримѣръ: дѣе, готуе, чуе, рыкае, болбоче. Прошедшее вр. 3 л. оканчивается на *ивъ* или *слъ* вмѣсто *лъ*: ходивъ, смотрівъ. Будущее вр. 1-го л. множ. ч. оканчивается большею частью на *о* вмѣсто *ъ*: постановимо, будемо, сбережемо. Иногда буд. вр., какъ въ цсл. и старорусск. языкахъ, употребляется съ частицею *да*: да поідемо, да покупимо. Весьма часто, какъ въ старорусск. языкѣ, употребляется дѣепричастіе на *ачи*, *ячи*, *учи* и *ючи*: ходячи, ведучи, жадаючи. *Неокончательное* наклон., кромѣ обыкновенной формы *ть*, весьма часто оканчивается, какъ въ цсл. и старорусск. яз., на *ти*: стерегти, купити, жировати. При глаголахъ дѣйствительнаго залога, какъ въ цсл. и старорусск. языкахъ, дополненіе ставится въ формѣ им. падежа вмѣсто винительнаго, напримѣръ: имѣла дѣтина, родивъ пчолки, попасати коники; и ставится иногда род. п. вмѣсто винительнаго, напримѣръ скинувъ вѣнчика, вмѣсто вѣнчикъ.

Часто ставятся падежи, не соотвѣтствующіе предлогамъ, требующимъ ихъ; такъ именительный ставится вмѣсто творительнаго, напримѣръ: надъ маты, вмѣсто надъ матерью, предложный вмѣсто дательнаго и творительнаго: по бѣлыхъ плѣчицахъ, по вишневымъ саду, по вечеркахъ, вмѣсто: по бѣлымъ плѣчицамъ, по вишневому саду, по вечеркамъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ. ОБРЯДЫ. ПРИМѢТЫ, ПРЕДРАЗСУДКИ, ПОВѢРЬЯ И СУЕВѢРЬЯ. ВОЗЗРѢНІЯ НА ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ. СЛОВАРЬ.

ЗАГАДКИ.

1. Летівъ птахъ черезъ поповъ дахъ, сівъ на воротѣхъ въ червонѣхъ ботѣхъ.
2. Подъ припечкомъ рубежи, хто вѣдае, не кажи.
3. Маленька, горбатэнька, кражъ повернэ.
4. Скочивъ чернецъ черезъ ровецъ, ни слѣду его.
5. Чорненьке, маленьке, колоду повернэ.
6. Коло ямы всі съ кіями.
7. Баранъ бѣжить, а на ёмъ вовна дрижить.
8. Подрана радюжечка все полэ обѣгае.
9. Черезъ рѣку кладочка.
10. Самъ не бачить, а другому показывае.
11. Вожў, вожу, не вывожу, ношу ношу, не выношу.
12. Чистэе, хорошэе, цѣлое літо цвітэ, а насіння нэма.
13. Чого коло хаты не обнэсешь.
14. Петро бѣжить, а ворона крычить.
15. Якъ бувъ малымъ, въ штыры дудочки гравъ, якъ подросъ, горы ворочать ставъ.
16. Пары лебедевъ на нитцѣ веду.
17. Изъ густого березнечку сунэ вовкъ овечку.
18. Сухій Стахій, да по хатэ скаче.
19. Ходыть пани по коморі лычкомъ подвязана.
20. Щобъ ни дідово ремэсло, то у бабы по коліно наросло.
21. Скручанъ, связанъ, по хатѣ скаче.
22. Сто госцей, сто посцель, каждому госцю своя посцель.
23. Што рыдчійше отъ воды.
24. Безъ крылъ лэтаеть, безъ нугъ бѣжить.
25. Круглэ, горбатэ, около мохнатэ, по бокамъ біло, въ середынэ чорнэ, якъ прыдэ біда, потече вода.

26. Лэжить колода, въ туй колоді 12 гнѣздъ, а въ тѣхъ гнѣздахъ по 4 яечка, а въ тыхъ яечкахъ по 7 заклювокъ.
27. А на горы гай, моргай, подъ моргаемъ шморгай, подъ шморгаемъ хопай.
28. Чернецъ, молодецъ, по коліно въ золото стоить.
29. Ходывъ ходошалъ, дѣти годовавъ, пришлось умыраты, некому костей поховаты.
30. Што такъ по коліна въ грязи.
31. Сажень батька, локоть матеръ, жменька дітокъ.
32. Зъ неба крупы падають.
33. На хаты деруть корупаты.
34. Стоить палка, а на туй палцѣ шапка.
35. Кондратъ, мой братъ, черезъ землю прошовъ, чірвону шапочку нашовъ.
36. Въ лозѣ стоить козакъ на одной нозѣ.
37. Стоить дідъ при дорозі на одной нозі.
38. На горы стукаюць, а внизу слухаюць.
39. Екъ вулъ рыкае, за сто мыль чуты.
40. Съ горы падае, а внизу бье.
41. Ревнулъ вілъ за сто гіръ, за десятъ болотъ.
42. Весь світъ питае, а на столі нэ бывае.
43. Сама пани пышна на лопату вышла, рогомъ воду пила.
44. Лата на лати, а шва не знаты.
45. Стоить у пороги четыры роги.
46. Білая пташка вісь світъ облітіла.
47. Круглэе, малэе, усякому треба.
48. Я не бывъ тымъ, що тэперь ты, а ты будешь тымъ, що тэперь я.
49. Кася на вісь світъ растяглася.
50. Мету, мету, не вымету, якъ пора прыдэ, то самэ выдэ.
51. Що рабэе, да не фарбованэ.
52. На олешнечку, на березнечку таратайко брэше.
53. Четыры орлы однэ яйцо знесли.
54. Дідъ на бабы гоцаца.
55. Два вепручка січутся, а съ нихъ піна падае.
56. На полыцы дві лисицы, що дай, то зъідять.
57. Літить, бурчить, въ зымлы тырчить.

58. Малое, горбатэе, усе море переплыве.
59. Самъ нэ велыкъ, а вісь домъ стэреже.
60. Одну козу всі за хвостъ тягають.
61. Суды стукъ, туды стукъ.
62. Дежа чорная, а віко білое.
63. Повірхъ лісу поляночка.
64. Есть такое дыво, хто посмотрить на то дыво, зобачить себэ.
65. Повэнъ хлэвецъ білыхъ овэцъ.
66. Около прорубы стоять білы голубы.
67. Костками бье, лопатой пхае и въ колодэзь бросае.
68. Маленькэ, якъ мызынчикъ, вісь світъ одѣвае.
69. Желізна голова, а портяный хвостъ.
70. Що ростэ безъ кореня.
71. Стоить дубъ, подъ дубомъ діти.
72. Мигу мигулка, ни села ни улыцы, тамъ люди живуть.
73. У одномъ місті, клубковъ зъ двѣсти.
74. У одномъ місті крестовъ зъ двѣсті.
75. Маленькэе, кругленькэе, а за хвостъ не подняты.
76. Бывъ собі дурень, на дошку дывывса, зробывся розумный.
77. Мае штыры ноги, нэ есть звірь, мае на собі перье, нэ есть птахъ, мае душу и тіло, нэ есть человікъ.
78. Штыры сестры бѣгуть одна за одной, да николи не догонять одна другую.
79. Лежить баранъ, вовны не мае, весь посѣченъ.
80. Лежить баранъ, а на ему сто ранъ.
81. Стоить дуракъ, а на ему много ранъ.
82. У діда висить, а у бабы сыяе.
83. Въ селѣ рубають, а за сіло трыски літять.
84. Сывы волы до Бога рывлы.
85. Ходыть півінь по хаты, и его слѣду не знаты.
86. Посрэды комнаты требухы висять.
87. Бочка мясная, обручъ желізный.
88. Лэтівъ птахъ, хто его убье, той свою кровь пролье.
89. Лэтівъ птахъ, на шести ногахъ, сѣвъ на могилѣ и сказавъ: ой Боже муй милы, маю власть надъ царемъ, только не маю власти, што у воді родится.

90. Стоить козакъ въ полы, просить у Бога долы: дай мні, Боже, долю, надъ усіми волю.
91. Стоять кіечки, на тыхъ кіечкахъ висять ниточки.
92. Хата кругомъ свэтытся.
93. Три дни палыть, три дни зріе, три дни посыхае.
94. Прілэтіла пава и сіла середъ поплава, стали ен биты, стала вона питы.
95. Ишла пани зъ моста; на ней кошуль зо сто.
96. Сто посцелей на одномъ кіечкѣ лежать.
97. Стоить кіекъ, а на томъ кійку клубокъ.
98. Крутосто, вертосто, на юй суконъ и зо сто, кто отгадае, той поживе лѣтъ зо сто.
99. Шудроватэ, кудроватэ на макушкѣ плѣшь, на здоровьетко съѣшь.
100. Пупомъ тре, а пре куду разявитса, туда вопре.
101. Чиричики по липовому мосту скачуть.
102. Старый дідъ на хати горбомъ сидыть.
103. Ишла пани зъ моста на ней кошуль зо сто, колы вітіръ подуе, все выдно.
104. Пришла пани до ямы, да сіла на камні.
105. Два вепрука, а четыри хвостики.
106. Шетовило, мотовило, пудъ небесьемъ ходыло, по нѣмецку говорыло, по французку отказывало.
107. Малэнька, сухэнька, всіхъ одѣвае.
108. Безъ сэкиры, безъ явора, мостять мосты до Кіева.
109. Кінь того не повезе, що сутула повезе.
110. Пятсотъ свыще, триста плеще, два слухають, два нюхають.
111. Сидыть пани на ганку у чирвоному жупанку, хто идэ, то заплаче.
112. Вышла пани въ красномъ сарафани, хто ен будэ разбираты, тое будэ плакаты.
113. Въ серэдынѣ білое, а на версѣ красное.
114. Круглое, красное, съ хвостикомъ, хто зобаче, той заплаче.
115. По соломѣ ходыть, да не шастае.
116. Повна бочка крупъ, а на версѣ струпъ.
117. Стоить палка, на туй палцѣ галка, а на галкѣ струпъ, повна бочка крупъ.

118. Мой братко Кондратко скрузь землю прошовъ, красну шапку нашовъ. [1]).
119. Штыры козѣ на одной нозѣ.
120. Одинъ дідъ николи не наестса.
121. Ключъ деревяны, а замокъ водяны.
122. Разослано радно, посерэдыны радна окраецъ хліба, округъ окрайца посыплена бульба.
123. Круглэе, довгэе, никто нэ достанэ.
124. Черезъ окно, чорно сукно.
125. Пришла чорна корова, всіхъ людей поборола.
126. Пришла чорна кобыла, весь світъ побыла.
127. Пришла чорна маты, всіхъ поклала спаты.
128. Чорна ялына вісь світъ завалыла, коло неи ковалы кують.
129. Чирвонэе, маленькэе, хату сгубыть.
130. Чирвоный вілъ чорного лыжэ.
131. Тонко стоить, слабко висить, самъ косматы, конецъ лысы.
132. Корень волохатый, самъ косматый, до земли схилився.
133. У матэры десять сыновъ: пять у дорозѣ, а пять у дома.
134. У штырыхъ матэрей по пяти сыновъ, однэ имя всімъ.
135. Бѣжить на воді, а на коні нихто не догонэ.
136. Сито, вито, кругловито, хто отгадае, великій разумъ мае.
137. Стара баба цалую зиму дітей огріває.
138. У хаты дрова гинуть, сывы вовкъ носыть.
139. Чорный, малый, хоть якое море переплыве.
140. Безъ костэй, безъ мозговъ переплывэ море.
141. Кылько на небѣ зорочокъ, тылько на земли дырочекъ.
142. Два брата бігуть, на Бога гледять.
143. Въ лісъ ѣдешь, у лісъ дывытса, зъ лісу ѣдешь, до дому дывытса.
144. У день, якъ обручъ, а ночи, якъ вужъ, хто отгадае, той будэ муй мужъ.
145. Пришовъ хтось, узявъ штось, радъ бы догнаты, да сліду нэ знаты.
146. Лэтівъ птахъ, черезъ поповъ дахъ, и каже: тутъ моя сыла, вся огнэмъ сила.

---

[1]) Сравни выше: № 35.

147. Темная темница, ткуть панны крестницы.
148. Ходыть солдатъ по городу, несе блиновъ подъ бороду, идэ и пое, на головѣ кусокъ мяса несе.
149. Уставъ пророкъ изъ білаго камня, якъ ставъ пророковаты, стали люды мертвые вставаты.
150. На хліві два дубкы.
151. На тонкому дереву животы наши качаются.
152. Ишла панна въ ночи, погубыла ключи, місяцъ бачивъ, а сонце вкрало.
153. Круть, верть у черопочку смерть.
154. Пославъ бы я посланца по милого гостя, гость чи будэ, чи нэ будэ, а посланца нэ будэ.
155. Вышла пани въ садъ, да не вышла назадъ.
156. Кину кидкомъ, станэ кубкомъ подъ зеленымъ дубкомъ.
157. Совсунъ, бовсунъ, положи да всунь.
158. Ничого не болыть, а все стогне.
159. Виса висить, хода ходыть, виса упала, хода зъіла.
160. Самъ панъ голый, а сорочка въ серэдыны.
161. Съ двухъ концовъ рувное, усе білое якъ снігъ и світить якъ сонце.
162. Ровный зъ лісомъ, а его не видно.
163. Ее просять, ее ждуть, а якъ прыдэ, то ховатыся начнуть.
164. Що гэто за загадка, що подъ яйцомъ гладко.
165. Желізный токъ, свиначи перескокъ, грецье позаде.
166. Якъ лежить, то мовчить, а возьми, закричить.
167. Въ лісі узято, въ хліві узято, на рукахъ плаче.
168. Веселэ дерево, веселэ спѣвае, кунь на баранахъ хвостомъ махае.
169. Лежить білое, якъ сонце пригрѣе, то яго нэма.
170. Прилэтіла пава, да въ сутки упала, прилэтівъ каптуръ и вунь оттуль.
171. Два свистять, штыры стелются, одинь ложится.
172. Изъ воды выросло, всіму світу згодылоса, екъ побачило свою матеру, той часъ пропало.
173. Ростэ безъ кореня, цвіте безъ цвіту, а служить всіму світу.
174. Що чоловіку самое милое.
175. Пришовъ хтось, узявъ щось, пушовъ бы я за тымъ, да нэ знаю за кімъ.

176. Що у мужика на земли, то у пана въ кишени.
177. На штырехъ кіечкахъ лежить дошка.
178. Въ хатѣ само діло робится.
179. Мастеръ Гирка зробывъ будынка, гдѣ глянь, то дырка.
180. Стоять кійки, а черезъ тые кійки довгіе шнурки.
181. Суха баба косты глодае.
182. Идэ человікъ въ лісъ, въ село дывытся, идэ человікъ въ село, въ лісъ дывытся.
183. Стоить козелъ надъ водою съ чирвоною бородою.
184. Стоить стовпъ, а въ томъ стовпу дырка.
185. Малое, довгэе, вісь світъ пройдэ.
186. Зашовъ на гірку, отчинывъ комырку; колыбъ нэ панъ Дымынскій, то собаки зъілы бъ.
187. Пришла біла кобыла, вісь світъ побудыла.
188. Подъ печью два короси печутся.
189. Хытаєтся, мотается, николы нэ перестанэ.
190. На одномъ поводу сто коней поведу.
191. Пузатый, чорный по водэ плывэ.
192. Пуга безъ ляску, а дорога безъ песку, а кунь безъ прихей.
193. Стоить стовбъ, а на томъ стовбѣ хата.
194. Ѣду, ѣду, нэ заѣду; иду, иду, нэ зайду, а якъ помру, то и самъ пойду.
195. Стоить дубъ, на дубу клубъ, на клубу лозы, на лозахъ козы.
196. У рану на четырехъ конахъ, у дэнь на пары, а увечора на трое коней.
197. Що безъ чого нэ обойдэтся.
198. Пришовъ хтось, узявъ штось, пошовъ бы я шукаты, да дороги нэ знаты.
199. Сто коней, сто воловъ яйцо нэ потягнэ.
200. Ѣду, ѣду, ни дороги, ни слѣду, весломъ погоняю, на смерть поглядаю.
201. Кругло, да не гарбузъ, съ хвостомъ, да не мышь.
202. Паненка у лѣсу, хто идэ, той склонится.
203. За горою соловэйко пыщить.
204. Болбоче, болбоче, николи нэ перестанэ.
205. За горою вовкъ болбоче.

206. Малэньки, краснэньки, коротэньки, а пусти, то забреше.
207. За стэною костэною соловейко щебече.
208. За білыми берегами толотай скаче.
209. Білэньке, круглэньке, въ серэдыне жовтэньке.
210. Безъ шпунта, безъ дна, повна бочка вина.

ОТГАДКИ.

1. Аистъ.
2. Бисеръ на шеѣ.
3, 4, 5. Блоха.
6. Блюдо съ ложками.
7. Болото.
8. Борона.
9. Ведро съ водою.
10. Верстовой столбъ.
11. Вода.
12. Вода ключевая или родникъ.
13. Вода въ рѣшетѣ.
14. Волкъ.
15. Волъ.
16. Волы.
17. Вошь.
18—21. Вѣникъ.
22. Вѣнцы и мохъ.
23, 24. Вѣтеръ.
25. Глаза.
26. Годъ, 12 м., 4 нед., 7 дней.
27. Голова, волосы, глаза, носъ и ротъ.
28—30. Горшокъ.
31. Грабли.
32. Градъ.
33. Гребешокъ.
34—37. Грибъ.
38—41. Громъ.
42. Грудь матери.
43, 44. Гусь.
45. Дверь.
46. День.
47. Деньги.
48. Дитя мертворожденное.
49. Дорога.
50. Дымъ.
51, 52. Дятелъ.
53. Евангеліе.
54—56. Жернова.
57, 58. Жукъ.
59. Замокъ.
60. Заслонка.
61. Засовка.
62. Земля и снѣгъ,
63. Земля на крышѣ дома.
64. Зеркало.
65, 66. Зубы.
67. Зубы, языкъ и желудокъ.
68. Иголка.
69. Иголка съ ниткою.
70. Камень.
71. Картофель.
72, 73. Кладбище.
74, 75. Клубокъ нитокъ.
76. Книга и читающій.
77. Койка.

78. Колеса.
79—81. Колода на дровосекѣ.
82. Колодезь.
83, 84. Колокольный звонъ.
85. Колыбель.
86. Колыбель съ ребенкомъ.
87. Кольцо на рукѣ.
88—90. Комаръ.
91. Конопель.
92. Корзина.
93. Корь.
94. Коса.
95—99. Кочанъ капусты.
100. Кросна.
101. Крупы въ рѣшетѣ.
102. Крюкъ въ стѣнѣ.
103. Курица.
104. Курица на яйцахъ.
105. Лапти.
106. Ласточка.
107. Ленъ.
108, 109. Лодка.
110. Лошадь.
111—114. Лукъ.
115. Луна.
116—118. Макъ.
119, 120. Мельница.
121. Моисей, раздѣляющій чермное море.
122. Мѣсяцъ и звѣзды.
123. Небо.
124—127. Ночь.
128. Ночь и пѣсни.
129, 130. Огонь.
131, 132. Орѣхъ.
133. Пальцы во время пряжи.
134. Пальцы на рукахъ и ногахъ.
135. Пароходъ.
136. Паутина.
137. Печь.
138. Печь и дымъ.
139, 140. Піявка.
141. Пожня.
142, 143. Полозья у саней.
144. Поясъ.
145, 146. Пчела.
147. Пчелы и ульи.
148, 149. Пѣвень.
150. Рога у животныхъ.
151. Рожь въ полѣ.
152. Роса.
153. Ружье.
154. Ружейный выстрѣлъ.
155. Рыба въ сѣткѣ.
156. Рѣка.
157. Сапоги и ноги.
158. Свинья.
159. Свинья и жолуди.
160, 161. Свѣча.
162. Сердцевина.
163. Смерть, или дождь.
164, 165. Сковорода, сало и гречневая мука.
166—168. Скрыпка.
169. Снѣгъ.
170. Снѣгъ и дождь.
171. Собака.
172, 173. Соль.
174, 175. Сонъ.
176. Сопли.
177. Столъ.
178. Стѣны въ новомъ домѣ колются (трещатъ).
179. Сѣть.

180. Телеграфъ.
181. Терка.
182. Топоръ на рукѣ.
183. Тростникъ.
184. Труба.
185. Ужъ.
186. Улей.
187. Утро.
188. Ушаки.
189. Часы.
190. Частоколъ.
191, 192. Челнокъ.
193—196. Человѣкъ.
197. Человѣкъ безъ имени.
198. Человѣкъ и челнокъ.
199. Шаръ земной.
200. Ѣзда на лодкѣ.
201. Яблоко.
202. Ягода.
203—208. Языкъ.
209, 210. Яйцо.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

1. Круты не круты, а треба умерты.
2. Хто живэ вкупѣ, у того нэ болить въ пупѣ.
3. У ночи трещить, а у день плющить.
4. Надъ сиротою Богъ съ калитою.
5. Обѣщанка цацанка, а дурному радость. [1])
6. Спѣвай пѣсни, хоть тресни, а ѣсть ничего.
7. Скотина нэ дывытса на Бога, а дывытса на стога.
8. Нэма горшаго кота, екъ братъ на брата.
9. Хоть голы, абы веселы.
10. Не корми хлібомъ, нэ будешь мѣть ворога.
11. Замету разкомъ, да вывезу возкомъ.
12. И дурень бы пироги спекъ, кобъ муки стекъ.
13. Тамъ добре, гдѣ насъ нэма, а гдѣ мы будэмъ, всюдой попсуемъ.
14. Чортъ бы кухоры побравъ, кобъ съ голоду помиравъ.
15. Людэй слухай, а свой разумъ май.
16. Рыбы въ рѣцы, да не въ руцы.
17. За битаго трехъ небитыхъ дають, да и такъ не беруть.
18. Больному воля, а шаленому поле.
19. Крутячи світъ пройдешь, да назадъ не вернешса. [2])
20. Що въ тверозого на вми, то у пьяного на языкі.

---

[1]) Ср. бѣлорусск: Обѣцалка цацалка, а дурному радость: *Радченко*: Гомельск. нар. п. Стр. 248.

[2]) Ср. бѣлорусск.: Брехнею свѣтъ пройдешь и т. д. Тамъ же, стр. 246.

21. Въ очи лісомъ, а за очи бісомъ.
22. Якъ іхавъ, такъ и споткавъ.
23. Мы відаемъ безъ попа, што въ нидилю свято.
24. Жидъ хрищоны, а собака шалены, то все равно.
25. Бѣда, коли жидъ познавъ грунтъ, а мужикъ фунтъ.
26. Прировнялаcа свиня до коня, да шерсть не така.
27. Хто мѣняе, вь того хомутъ гуляе.
28. Не завсюду коту масляница.
29. До поры збанъ воду носить; екъ ухо вырвется, то збану лихо складется.
30. Хлібъ, соль ѣшь, правду рѣжь и одного Бога бойса.
31. Хлібъ соль и вода, то нема голода.
32. Не голодна корова, коли подъ носомъ солома.
33. Прійде коза до воза, да попросить сѣнца, тогды скажуть: нэма.
34. Кобъ напасть, то Богъ гроши дасть.
35. Отъ напасти не пропасти.
36. Зъ великои хмары малы дождикъ будэ.
37. Не плюй въ воду, бо неколы придетца напитца.
38. Не копай на кого ямы, бо самъ въ ее упадэшь.
39. Чого нэма, того и хочетса.
40. Хто рано встае, тому и Богъ дае.
41. Медвѣдь корувѣ нэ братъ.
42. Хочешь істи колачи, такъ не сіди на печи.
43. Ѣшь пироги, а хлібъ вперодъ ховай.
44. По обіді ложки не трэба.
45. Не кайса, рано вставши: съ молоду женывса.
46. На тобі, небоже, що мні нэ гоже.
47. Въ лѣниваго руки нэ болять.
48. Работу подъ стулъ, а миску на стулъ.
49. Вода огню нэ товаришъ.
50. Пошли дурного, за нимъ другого.
51. Нехай маты Божа намъ поможе.
52. Воробэй просо попивъ, а синюга въ бѣду впала.
53. За дурною головою ногамъ бѣда. [1])

---

[1]) Ср. бѣлорусск.: За дурною головой и ногамъ не спокой. Тамъ же, стр. 247.

54. Не въ томъ сила, що кобыла сива, а въ томъ, що добре тягнэ.
55. У нашого Казиміра одна міра.
56. Яки чортъ Ѳомка, така его жонка.
57. Якъ у Бога за плечима.
58. Въ чоботку рыпить, а чортъ въ горшку кыпить.
59. Не чапай менэ, не марай себэ.
60. Не замай жида, не марай вида.
61. Панъ съ паномъ бьютца, а мужику лобъ трещить.
62. Въ страха очи велики.
63. Коли вмирай, то вмирай, да все день теряй.
64. Кому йдетца, то півень несетца, а кому не йдетца, то курица нэ несетца.
65. Коли Богъ нэ годыть, то огонь не горить.

Обряды, примѣты, гаданія, предразсудки, повѣрья и суевѣрья Пинчуковъ.

А. При нѣкоторыхъ празднествахъ.

Буськовы лапы (или Благовѣстникъ, 26 Марта). Бабы пекутъ пироги, на подобіе буськовыхъ (аистовыхъ) лапъ; въ этотъ день не садятъ гусей, иначе будутъ калѣки, не затыкаютъ кросенъ, потому что будутъ рваться, ослабляться, или выйдутъ кривые боки.

Хресты. Среда въ половинѣ поста. Въ этотъ день ничего не дѣлаютъ; баба не возьмется даже за иглу. Пекутъ пироги, на подобіе креста.

Навскій четвергъ. Первый четвергъ послѣ Пасхи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и особенно у католиковъ бываетъ на кладбищѣ поминовеніе умершихъ. На могилахъ кладутъ красныя яйца, которыя на другой день собираютъ нищіе въ свою пользу.

Кривая середа. Послѣдняя середа предъ Троицею. Капусты, свеклы и т. п. не садятъ, потому что, если посадить въ этотъ день, то зародится кривое, малое, червивое.

Св. Юрій (Весною 23 Апрѣля и осенью 26 Ноября). Въ праздникъ Св. Юрія съ утра до вечера, простолюдинъ не занимается работою. Говорятъ, что «осенній Юрій отмыкаетъ рты волкамъ», такъ что съ этого дня, кровожадные волки начинаютъ ходить табунами и нападать на скотину.

«Весенній Юрій замыкаетъ рты звѣрямъ» и волки прекращаютъ, или по крайней мѣрѣ значительно уменьшаютъ, свои раззорительные набѣги на скотъ.

Довгій Иванъ. (8 Мая) Садятъ въ этотъ день морковь, огурцы, рѣдьку и т. д. Во время посадки бабы подбираютъ юбки высоко въ надеждѣ, что все посаженное выростетъ высоко, и хватаютъ за свое колѣно съ увѣренностью, что посаженное будетъ такое же толстое и круглое, какъ колѣно.

Купайло (24 Іюня). Подъ именемъ Купайлы въ народѣ извѣстенъ праздникъ Рождества Іоанна Крестителя. Вечеромъ подъ Купайлу, бываетъ хороводная игра подъ названіемъ *Выкинь*; она состоитъ въ слѣдующемъ: вечеромъ подъ праздникъ молодицы (не давно вышедшіе замужъ женщины), дѣвушки и парни собираютъ тростникъ, котораго по пинскимъ болотамъ весьма много, солому, хворостъ и все это выносятъ за село, выбираютъ болѣе возвышенное мѣсто, изъ собраннаго матеріала дѣлаютъ костеръ и зажигаютъ; когда разгорится костеръ, молодежь прыгаетъ чрезъ огонь по нѣсколько разъ; при этомъ бываетъ пляска и хороводная игра, подъ названіемъ *выкинь*: парни съ дѣвушками и молодыми женщинами дѣлаютъ изъ себя кругъ и, кружась около огня, поютъ пѣсни. Все это начинается предъ заходомъ солнца и кончается около полуночи.

Прыгаютъ чрезъ огонь въ томъ убѣжденіи, что русалки не будутъ нападать и приходить въ теченіи года въ сарай доить коровъ.

Женщины рано на Купайлу рвутъ крапиву, которую вѣшаютъ на дверяхъ сѣней у хлѣвовъ, потому что русалки, по ихъ мнѣнію, боятся этого растенія. Если попадется въ этотъ день жаба, убиваютъ ее въ той увѣренности, что это русалка ползла, въ видѣ жабы.

Кінскій Велыкъ-день. Этотъ праздникъ народъ установилъ въ честь лошадей; онъ бываетъ въ первый вторникъ послѣ Троицына

дня; въ этотъ день не употребляютъ лошадей для работъ; въ конюшняхъ вѣшаютъ свѣчи за здоровье лошадей.

Орабиновы день и ночь бываютъ послѣ Успенія, на третій день. Народъ въ этотъ день ничего не дѣлаетъ въ ожиданіи грома, молніи и дождя. Всякій опасается какого либо несчастья. Другое названіе этому дню — *Варовытый день.*

Головосікъ (29 Августа). Капусту съ грядъ не рѣжутъ, картофеля не ѣдятъ, вообще ничего круглаго не употребляютъ; въ противномъ случаѣ будутъ на тѣлѣ болячки (вереда). Цѣлый день постъ.

Коляда (24 Декабря). Подъ именемъ Коляды въ народѣ извѣстенъ канунъ Рождества Христова; Колядою называются также пѣсни, распѣваемыя молодежью вечеромъ этого дня, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ самый праздникъ. Равно этимъ именемъ называютъ вознагражденіе, какое даетъ хозяинъ колядникамъ.

До появленія на небѣ звѣзды, или вечерней зари, крестьяне ничего не ѣдятъ. Садятся ужинать всѣ отъ мала до велика. Хозяйка, старшая въ домѣ, посыпаетъ на столъ нѣсколько хлѣбныхъ зеренъ, кладетъ сѣно и наверхъ постилаетъ скатерть. На покутьѣ, или въ углу подъ образами, ставится первое блюдо, — это кутья, приготовленная изъ ячменныхъ крупъ съ медомъ. Кромѣ кутьи почти въ каждомъ домѣ подается на ужинъ: борщъ, сухіе плоды: груши, сливы, яблоки, варенья съ медомъ, рыба, овсяный кисель и блины. Хозяинъ дома, наливъ стаканчикъ водки, читаетъ вслухъ молитву «Отче нашъ» и затѣмъ, пожелавъ всему дому здоровья, выпиваетъ; за нимъ пьетъ по старшинству вся семья, не исключая женщинъ и дѣтей; каждый пьетъ до дна. Передъ послѣднимъ кушаньемъ винопитіе повторяется въ томъ же порядкѣ, только теперь глава дома, обратясь къ окну, приглашаетъ къ себѣ на кутью гостя,—мороза: «Морозъ, Морозъ, ходы кутьи йісты, а колы не хочешь, то вже нэйды николы». Такъ кончается ужинъ.

Хлѣбныя зерна сыплютъ на столъ съ тою цѣлью, чтобъ былъ урожай на хлѣбъ; сѣно кладется въ память того, что будто бы Спаситель лежалъ въ ясляхъ на сѣнѣ, когда родился. Кутья варится изъ ячменя въ память того, что когда родился Христосъ, то оселъ ѣлъ въ то время ячменную солому. Морозъ приглашается къ ужину для того, чтобъ онъ не морозилъ скота ихъ и того, что

посѣяно въ полѣ. Ставятъ въ оставшуюся кутью свои ложки и утромъ смотрятъ: чья ложка упала, тотъ умретъ прежде другихъ въ семьѣ. Оставляютъ кутью въ томъ убѣжденіи, что ночью приходитъ на ужинъ Самъ Спаситель. Послѣ ужина, не выходя изъ за стола, женщины вытягиваютъ изъ подъ скатерти, закрывъ глаза, сѣнину, чтобъ узнать, каковъ будетъ ленъ: выдернувшая длинную сѣнину вѣритъ, что у ней родится хорошій ленъ, а если вынетъ короткую, то будетъ ленъ плохой. Мужчины, въ свою очередь, спѣшатъ узнать такимъ же способомъ, какой будетъ урожай на хлѣбъ. Послѣ ужина выходятъ на дворъ посмотрѣть, много ли звѣздъ на небѣ: много звѣздъ предвѣщаетъ хорошій урожай на хлѣбъ и во время сѣнокоса будетъ хорошая погода, мало звѣздъ на небѣ—плохой урожай и дурная погода во время сѣнокоса. Въ самый праздникъ женщины еще до разсвѣта ходятъ за водою на рѣку или къ колодцу и, пришедши сюда, привѣтствуютъ рѣку или колодезь, а мужчины въ отсутствіе ихъ затапливаютъ печь. Рано принесть воды въ домъ, а мужчинѣ затопить печь, считается вѣрнымъ средствомъ для того, чтобъ садились пчелы. Затопивъ печь, крестьянинъ выходитъ на дворъ и смотритъ, въ какую сторону подымается дымъ изъ трубы и по направленію дыма судятъ, въ какую сторону поляжетъ рожь. Послѣ всенощной старшій хозяинъ несетъ оставшуюся въ горшкѣ кутью въ хлѣвы и отдаетъ ее скоту.

Если праздникъ Рождества Христова случится въ Пятницу, то въ томъ году будутъ умирать больше женщины, нежели мужчины, если во вторникъ или четвергъ, то больше мужчины, а если въ понедѣльникъ, то женщины въ томъ году трудно будутъ разрѣшаться отъ бремени.

Щедруха. Канунъ подъ новый годъ зовется *Щедрухою, Щедрецомъ* и *Богатою Кутьею,* потому что ужинъ въ этотъ день бываетъ щедрый, т. е. богатый, такъ какъ онъ состоитъ изъ мясныхъ яствъ, въ противоположность постной кутьѣ, которая бываетъ на Коляду.

Ни одно время года простолюдинъ не проживаетъ съ такою массою суевѣрій, какъ канунъ и первый день Новаго года. Эту пору онъ считаетъ самою благопріятною для гаданья. Теперь, по его понятію, все въ природѣ находится въ такомъ положеніи, что стоитъ только дотронуться до чего угодно и оно разскажетъ ему

своимъ таинственнымъ языкомъ будущее. Хозяинъ дома старается узнать, хорошъ ли будетъ урожай на хлѣбъ въ наступающее лѣто, каковъ будетъ въ новомъ году приплодъ на скотъ, хорошо ли будутъ роиться пчелы и т. п. Хозяйка гадаетъ: хорошъ ли будетъ лёнъ, будутъ ли коровы давать много молока и т. п.

Парни и дѣвушки заняты вопросомъ о бракѣ: первые узнаютъ, женятся ли они въ настоящемъ году, какова будетъ жена; вторыя гадаютъ: скоро ли выйдутъ замужъ, каковы будутъ ихъ суженые, будутъ ли любимы мужьями и т. п. Словомъ теперь каждый надѣется разрѣшить тревожный вопросъ, который занимаетъ его душу, каждый хочетъ узнать, что ожидаетъ его впереди.

Объѣзжаютъ молодыхъ лошадей и воловъ, чтобы хорошо ходили въ упряжи.

Женщины, ничего не дѣлая всю недѣлю, теперь стараются побольше шить, чтобы у скота не было червей лѣтомъ.

Обвязываютъ деревья перевясломъ, чтобы было столько плодовъ на деревѣ, сколько въ снопу зеренъ. Женщины мотаютъ нитки съ веретенъ въ клубки, чтобы родилась картофель.

Зажигаютъ вечеромъ восковую свѣчу, чтобъ побольше было меду и воску.

Вечеромъ нарѣзываютъ хлѣба на слѣдующій день, чтобъ не рѣзать рукъ, ногъ, въ теченіи всего года.

По звѣздамъ узнаютъ о приплодѣ скота: если много звѣздъ на небѣ, ожидаютъ хорошаго приплода на скотъ, мало звѣздъ — плохой приплодъ.

Стрѣльцы вѣрятъ: если подъ Новый годъ застрѣлитъ что либо, то цѣлый годъ будетъ счастье въ охотѣ.

Пчельники зашиваютъ въ своихъ порванныхъ шапкахъ верхи, чтобъ плодились пчелы.

Каждый старается украсть что-либо у своего сосѣда, хотя украденное на другой же день отдается. Если укравшаго никто не замѣтитъ, то въ настоящій годъ хозяйство его безопасно отъ воровъ, т. е. хотя бы воръ и укралъ у него что-либо, будетъ пойманъ; если же укравшій подъ новый годъ будетъ замѣченъ, то въ хозяйствѣ его въ теченіи года будутъ случаться кражи и украденное безслѣдно пропадетъ.

Вѣрятъ, что ночью подъ новый годъ приходитъ въ домъ каждаго на ужинъ Христосъ, какъ и подъ Рождество Христово.

Дѣвушка выходитъ на свой дворъ, набираетъ здѣсь щепокъ въ передникъ и бѣжитъ въ хату. Здѣсь считаетъ щепки; четное число ихъ, — скоро быть ей въ парѣ, т. е. скоро выйдетъ замужъ, нечетное число—не скоро выйдетъ замужъ, или вѣчное дѣвство. Дѣвушка выходитъ въ садъ и кричитъ здѣсь; въ какой сторонѣ отзовется эхо, съ той стороны ожидать суженаго.

Дѣвушка кладетъ себѣ на ночь подъ голову гребешокъ и кто будетъ во снѣ имъ чесаться, тотъ будетъ суженый ея.

Послѣ ужина ловятъ въ хлѣвѣ овецъ: если попадется баранъ,—выйдетъ замужъ, овца—еще посидитъ въ дѣвушкахъ.

Парни и дѣвушки ходятъ къ огорожѣ и обхватываютъ плетень руками: если въ обхватѣ окажется четное число, скоро свадьба, нечетное—не скоро.

Бросаютъ чрезъ ворота башмаки или лапти изъ ночевъ: если перебросится пара, то скоро свадьба перебросившаго лица, если только одинъ—не скоро.

Подходятъ подъ окно сосѣдей и слушаютъ, что въ это время будетъ сказано; изъ услышанныхъ словъ выводятъ заключеніе на счетъ своего замужества или женидьбы.

Послѣ ужина дѣвушки выметаютъ избу, соръ выносятъ въ какомъ-либо сосудѣ въ садъ или на дворъ и садятся на сосудъ, въ которомъ находится соръ, въ ожиданіи собачьяго лая: въ какой сторонѣ услышатъ лай, съ той стороны ожидать жениха.

Кромѣ одиночныхъ гаданій, когда дѣвушка сама по себѣ узнаетъ свое будущее, бываютъ гаданія совмѣстныя. Дѣвушки собираются въ одну хату и ставятъ четыре блюда: подъ одно кладутъ уголь, подъ другое песокъ, подъ третье вѣникъ, а подъ четвертое кольцо, и потомъ вынимаютъ; вынувшая кольцо вѣритъ, что въ наступающемъ году выйдетъ замужъ и мужъ будетъ молодой, уголь предвѣщаетъ худую замужнюю долю, песчинка—смерть, вѣникъ считается символомъ стараго мужа.

Кладутъ подъ блюдо головные чепцы, бисеръ и ключи; предметы эти кладетъ одна изъ дѣвушекъ, а всѣ остальныя по одиночно приходятъ изъ сѣней и берутся за то или другое блюдо. Если будетъ подъ блюдомъ чепчикъ, то замужъ выйдетъ, а если бисеръ, то будетъ плакать весь годъ; ключи означаютъ богатство въ замужней жизни.

Новый годъ. Въ новый годъ мужчины обуваются на печкѣ въ томъ убѣжденіи, что будутъ водиться свиньи.

Нѣкоторые въ новый годъ не ходятъ въ корчму, чтобы не быть пьяницею.

Въ новый годъ не бьютъ вшей, чтобы не быть вшивымъ.

Выметаютъ утромъ избу и выносятъ соръ за село, чтобъ на поляхъ въ хлѣбѣ не было сорной травы.

Жгутъ старыя метлы, чтобъ телились коровы и давали много молока.

Не даютъ скоту ѣсть до тѣхъ поръ, пока сами не сядутъ обѣдать, чтобъ не было на скотѣ мора.

Не обрѣзаютъ ногтей, въ надеждѣ не обрѣзать рукъ и ногъ въ теченіи всего года.

Если отецъ и мать будутъ что-либо дѣлать въ новый годъ, то родится отъ нихъ ребенокъ съ раздвоенною губою.

За ужиномъ ѣдятъ хлѣбъ, стараясь не дѣлать крошекъ; въ противномъ случаѣ не будутъ водиться овцы.

Не кладутъ въ печь и на печь щепокъ, чтобъ не загорѣлась изба.

Не поятъ въ этотъ день овецъ, чтобъ лѣтомъ не нападали на нихъ мошки или гусеницы.

Какъ парни, такъ и особенно дѣвушки, ставятъ подъ свои кровати или лавки, на которыхъ спятъ, горшки съ водою, а на тѣхъ горшкахъ кладутъ лучину крестообразно и тотъ, кто во снѣ перейдетъ чрезъ эту лучину, будетъ суженымъ или суженою; а также запасаются дѣвушки къ этому дню новымъ горшкомъ, который ставятъ подъ свою кровать и кладутъ кусокъ хлѣба на лучинѣ; утромъ смотрятъ: если хлѣбъ упалъ въ горшокъ, то не скоро выйдетъ замужъ, если же остается на лучинѣ,—замужество въ томъ же году.

Б. На разные случаи жизни.

При полевыхъ работахъ. Урожай на хлѣбъ для простолюдина главное условіе его благосостоянія. Потому-то не проведетъ онъ плугомъ первой борозды на нивѣ, не сожнетъ перваго снопа, безъ извѣстнаго обряда или повѣрья.

Отправляясь весною метать землю или, какъ Пинчуки выра-

жаются, ломать, онъ беретъ съ собой громничную свѣчу, (свѣчи освященныя 2 Февраля на Срѣтеніе Господне), благовѣщенскую просфору и булку хлѣба, испеченную на крестопоклонной недѣлѣ съ крестомъ на верху.

Первый день онъ работаетъ въ полѣ не весь, а вспашетъ одинъ загонъ и возвращается домой. Только что проведетъ одну борозду, какъ спѣшитъ забѣжать къ первому волу или лошади и, ударивши рабочее животное въ лобъ, говоритъ: «нехай дасть Богъ здоровэ и силу тобэ». Просфора, булочка, хлѣбъ и свѣча лежатъ въ это время на нивѣ и возвратившись домой, онъ съѣдаетъ съ своею семьею просфору и булочку.

Сѣять выѣзжаютъ тоже въ первый разъ только для одного загона и засѣваютъ обыкновенно тою рожью, которую выбираютъ изъ вѣнка послѣ дожинокъ и освящаютъ въ церкви въ день Успѣнія Пресвятой Богородицы. Выѣзжаютъ обыкновенно на-тощакъ въ пятницу, считая этотъ день счастливымъ. Первую горсть засѣва Пинчукъ бросаетъ лѣвою рукою. Вѣнокъ онъ закапываетъ въ концѣ загона, вмѣстѣ съ вареннымъ яйцомъ, которое онъ въ Субботу беретъ изъ земли и, возвратившись домой послѣ работы, съѣдаетъ со своею семьей.

При смерти. Когда человѣкъ умираетъ, то домашніе зажигаютъ Богоявленскую свѣчу, и ставятъ въ головахъ умирающаго, чтобы Богъ далъ легкую смерть.

Считаютъ за грѣхъ долго держать покойника.

Вѣрятъ, что по выходѣ изъ тѣла, душа остается въ домѣ на покутьѣ 6 недѣль, т. е. до тѣхъ поръ, пока не умретъ кто либо въ селѣ, а послѣ этого идетъ на покой.

Покойникъ все слышитъ до тѣхъ поръ, пока не запоютъ «вѣчная память».

Тотчасъ послѣ смерти домашніе идутъ къ сосѣдямъ и зовутъ въ свой домъ съ тою вѣрою, что такъ будутъ звать святые покойника въ царствіе небесное.

Для омытія трупа приглашаютъ омывальщицъ, всегда старушекъ и притомъ четное число, въ противномъ случаѣ покойникъ сдѣлается русалкою. Хоронятъ покойниковъ въ шапкахъ.

Когда копаютъ могилу, берутъ отсюда земли и посыпаютъ лавку, на которой кладутъ покойника. Послѣ того, какъ вынесутъ

тѣло покойника изъ дому, одна изъ женщинъ посыпаетъ житомъ по лавкѣ, гдѣ лежалъ покойникъ и по всей избѣ.

При похоронахъ. Когда относятъ мертвеца на кладбище, то въ домѣ кто нибудь остается, иначе въ скоромъ времени умретъ другой членъ семьи.

Когда везутъ мертвеца на кладбище, нельзя ѣсть и смотрѣть въ окно, потому что въ первомъ случаѣ будетъ вонять изъ рта, а во второмъ заболятъ глаза.

Если священникъ, провожающій мертвеца, оглянется назадъ, то скоро еще кто либо умретъ въ семьѣ.

Когда несутъ покойника, нельзя опереживать на лошади, иначе случится несчастіе.

Гробъ везутъ на кладбище всегда закрытымъ, потому что, если посмотритъ мертвецъ, то весь свѣтъ умретъ.

Въ могилу кладутъ яйцо, а также чистое бѣлье, табакъ и трубку, если покойникъ курилъ, а табакерку, если онъ нюхалъ, также святую воду въ бутылкѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деньги и водку.

Когда опускаютъ покойника въ могилу, домашніе бросаютъ туда замокъ, для того, чтобъ больше не умирали въ семьѣ.

Во время похоронъ ближайшіе родные покойника носятъ на кладбище побитые горшки, чтобъ не скучать по покойникѣ. Съ этою же цѣлью старшіе изъ дома берутъ земли за пазуху, когда въ могилу опускаютъ тѣло.

При похоронахъ причитанья обыкновенно бываютъ слѣдующаго рода: «Ой, голубчику ты муй, уже ты покидаешь насъ, на кого ты оставляешь мене съ дѣтками; да не скоро мы побачимся съ тобою. Послѣдній разъ мы съ тобою бачимся; ой чого ты отъ насъ уходышъ, чему ты еще съ нэдільку не побувъ, щобъ мы съ тобою поговорилы. Ой ты-жъ муй милэнькій, охъ ты мое сонейко, охъ ты-жъ мое золотко, охъ ты-жъ муй місячикъ, охъ чи хутко (скоро) съ тобою побачимся».

Послѣ похоронъ. Всякій возвратившійся съ кладбища умываетъ руки для того, чтобы у покойника была чистая душа, какъ руки...

Возвратившись съ кладбища, домашніе и всѣ кто былъ при похоронахъ, садятся за столъ и прежде всего поминаютъ сытою съ хлѣбомъ или медомъ. При этомъ говорятъ: «Вѣчная ему память,

дай Боже ему нэбо, а намъ здоровье; нехай съ святыми спочивае, а насъ довго дождае. Дай же Боже ему на томъ світі царство небеснэ, а намъ на этумъ світі, щобъ Богъ продолживъ літа съ дѣтками и товарцемъ (со скотомъ)».

Въ первую ночь послѣ похоронъ ставятъ на столѣ въ тарелкѣ воду и булку хлѣба въ томъ убѣжденіи, что душа умершаго придетъ въ гости и будетъ ѣсть и пить. Въ сороковой день дѣлаютъ такъ называемые *прикладины*. Прикладинами называется колодка, величиною съ гробъ, которую кладутъ на могилу. Это дѣлается для того, чтобы мертвецы, идя въ церковь, садились на этихъ колодкахъ и отдыхали. Въ этотъ-же день кладутъ на могилу блины, орѣхи, гарбузы и водку.

Во время грозы. Когда бываетъ гроза, то крестьянинъ выноситъ на дворъ ту скатерть, на которой лежало свянцоное (пасхальныя яства), а также лопату, которою сажаютъ хлѣбъ въ печь.

Есть обыкновеніе во время грозы зажигать громиичную свѣчу, которую ставятъ на покутьѣ.

Во время пожара. Во время пожара въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выносятъ иконы и стоятъ съ ними около дома, а также въ предохраненіе отъ огня, бьютъ вербой каждый уголъ въ домѣ.

При встрѣчѣ съ нѣкоторыми животными. Если встрѣтится волкъ, то непремѣнно тотъ человѣкъ найдетъ что нибудь.

Если встрѣтится лисица или заяцъ, то случится на дорогѣ несчастье.

При выгонѣ весною въ первый разъ скота на пастбище. Въ первый разъ весною выгоняютъ скотъ на пастбище вербою, стараясь каждую скотину ударить ею. Хозяинъ бросаетъ подъ двери сарая замокъ, чтобы скотъ прошелъ черезъ него. Каждый хозяинъ даетъ кусокъ хлѣба пастуху и тотъ весь собранный хлѣбъ отдаетъ въ полѣ скоту.

Въ предупрежденіе нѣкоторыхъ болѣзней. Въ вербное воскресенье, когда выйдутъ изъ церкви, каждый съѣдаетъ по 9 почекъ съ вербы, которые называются овечками, чтобы не болѣли зубы и не было лихорадки. При первомъ громѣ слѣдуетъ покататься по землѣ, чтобы не болѣть водяною болѣзнью. Чтобъ не было лихорадки, слѣдуетъ въ то время, когда на ржи покажется коленцо, не сходя съ мѣста, перекрестившись съѣсть. Чтобъ не болѣла

спина отъ жатьбы, слѣдуетъ въ то время, когда зажинаютъ рожь, бросить серпъ черезъ голову такъ, чтобы онъ упалъ на землю не концомъ, а горбомъ.

Относительно дѣтей. Пока не исполнится ребенку годъ, нельзя говорить на него: жаба, иначе будетъ горбатъ. Нельзя цѣловать его въ уста, пока не минетъ ему годъ, иначе долго не будетъ говорить.

При похоронахъ перваго ребенка, мать не ходитъ на кладбище, чтобы устранить смерть будущихъ дѣтей. Если спитъ ребенокъ, нельзя ставить подъ колыбель его воды, иначе не будетъ спать.

Если умираютъ дѣти, то бабка, которая одна постоянно принимаетъ дѣтей, должна замкнуть замокъ, и положить въ гробъ умирающаго ребенка подъ спину; а ключь бросить въ колодезь; съ этого времени рождающіяся дѣти не будутъ умирать. Если кто сглазитъ дитя, то нужно *отпаривать* слѣдующимъ образомъ: слѣдуетъ принести воды изъ колодезя вечеромъ и сколько наберешь въ сосудъ, не нужно отливать назадъ, а налить въ горшокъ и дать три раза закипѣть; затѣмъ взять миску, поставить подъ колыбель, и вокругъ ея положить: ключь, гребенку, щетку, ножъ и три веретена; потомъ миской перевернуть горшокъ съ кипяченою водою и такъ оставить на цѣлую ночь.

В. Повѣрья о происхожденіи нѣкоторыхъ животныхъ.

Аистъ (буська). О происхожденіи буськи существуетъ такое повѣрье: когда много развелось гадовъ на землѣ и человѣкъ сталъ терпѣть отъ нихъ много зла, Богъ сжалился надъ человѣкомъ, собралъ ихъ всѣхъ въ мѣшокъ, завязалъ и отдалъ одному человѣку, чтобы онъ бросилъ мѣшокъ въ печь, приказавъ ему не смотрѣть, что завязано въ мѣшкѣ. Человѣкъ не утерпѣлъ: развязалъ мѣшокъ, и гады всѣ оттуда выползли. За это Богъ обратилъ непослушнаго человѣка въ аиста, приказавъ ему собирать гадовъ. Буська поэтому христіанской вѣры и считается за грѣхъ, если кто убьетъ его.

Если буська выброситъ изъ своего гнѣзда яйцо на землю, то это вѣрный признакъ урожая, если-же дѣтеныша,—будетъ голодъ. Къ нему обращаются женщины съ просьбою во время жатвы; когда стоитъ жара, бабы изнуренныя жаромъ, увидавъ буську, кри-

чатъ ему: «Иванько, Иванько, зашли намъ трохи вітру, бо не здюжимъ жаты».

Медвѣдь. Когда ходилъ Христосъ по землѣ, то одинъ человѣкъ хотѣлъ испугать его: вывернувъ кожухъ шерстью на верхъ, надѣлъ на себя и пошелъ па четвериньках на встрѣчу Христу. Христосъ узналъ, что это человѣкъ, узналъ и намѣреніе его, что онъ хочетъ испугать его, и поэтому сказалъ ему: «ну ходи такъ всегда—вѣки вѣчныя». Вывернутый кожухъ и приросъ къ тѣлу человѣка. А что это правда, то говорятъ: у медвѣдя лапы, какъ человѣческія руки.

Существуетъ другое повѣрье о происхожденіи медвѣдя. Былъ одинъ человѣкъ, который весьма любилъ музыку. Вотъ онъ сталъ искать такого музыканта, который бы игралъ ему по душѣ и все находилъ, что плохо играютъ. Наконецъ самъ Богъ заигралъ на скрыпкѣ; мужикъ пустился плясать и Богъ такъ хорошо игралъ, что сами ноги у мужика ходили, такъ что онъ принужденъ былъ привязать себя къ колодѣ, чтобы не плясать, но и съ колодою пошелъ плясать. Потомъ Богъ сказалъ тому человѣку: «ты любишь музыку, такъ вѣчно пляши». Съ той поры тотъ человѣкъ сдѣлался медвѣдемъ.

Воронъ. Воронъ считается нечистою силою. Если онъ перелетитъ чрезъ домъ, считается дурнымъ предвѣстіемъ; говорятъ, что воронъ чуетъ трупъ въ томъ домѣ.

Волкъ. Волкъ считается нечистою силою; по убѣжденію Пинчуковъ дьяволъ каждый годъ таскаетъ себѣ по одному волку.

Волъ и лошадь. Волъ считается «Святою костью» за то, что когда Божія Матерь прятала Младенца Христа отъ жидовъ, то волъ набрасывалъ сѣно на Христа, чтобъ ему было тепло, а лошадь отбрасывала сѣно и ѣла. Поэтому мясо вола можно ѣсть, а лошадь считается поганою.

Г. Повѣрія о русалкахъ, чаровникахъ и упырѣ.

Русалки. Русалками народъ считаетъ самоубійцъ, которые ходятъ всегда голыми, съ длинными волосами, качаются на деревьяхъ, играютъ во ржи.

Русалки ни одного хлѣба не любятъ въ полѣ, кромѣ ржи, гдѣ катаютъ яйца въ Нявскій великъ день.

Первое средство, чтобы не тронула русалка, если человѣкъ увидитъ ее во ржи, начертить пальцемъ или палкою кругъ и въ центрѣ его стать. Русалка будетъ кружиться около черты, а переступить чрезъ нее не посмѣетъ, бросаетъ въ человѣка камни; но чтобъ она не попала, слѣдуетъ кругъ сдѣлать большой.

Знахарь. Этотъ человѣкъ, имѣя сношеніе съ нечистою силою, занимается большею частью леченіемъ болѣзней и въ исключительныхъ случаяхъ вредитъ человѣку.

Чаровникъ. Чаровникъ всегда при сношеніи съ сатанаиломъ надѣваетъ на себя хомутъ. Послѣ смерти своей, чаровникъ ходитъ и прежде всего пугаетъ свой домъ, въ которомъ онъ жилъ. Пришедши въ домъ, чаровникъ бьетъ горшки, бросаетъ хлѣбъ, яйца и все, что попадется подъ руки; выгоняетъ скотъ изъ хлѣвовъ, даже сбрасываетъ крышу съ дома.

Чтобъ не ходилъ чаровникъ, слѣдуетъ забить на могилѣ его въ головахъ осиновый колъ; если же это средство не остановитъ чаровника, то нужно осыпать его могилу и тотъ домъ, въ который онъ ходитъ, освященнымъ макомъ самосѣянцемъ.

Упырь. Чаровникъ ходящій послѣ смерти, называется упыремъ.

Д. Воззрѣніе пинчуковъ на смерть и загробную жизнь.

Смерть въ воображеніи Пинчука представляется въ видѣ необыкновеннаго человѣка, котораго никто не видитъ кромѣ умирающаго. По его воззрѣнію, смерть также какъ человѣкъ, имѣетъ голову, руки, ноги и другіе члены; она приходитъ къ больному обыкновенно съ косою, на концѣ которой всегда виситъ капля смерти. Явившись къ больному, она становится въ головахъ его и когда больной откроетъ ротъ, то въ него попадаетъ съ косы капля смерти, отъ которой онъ и умираетъ. Послѣ смерти душа погружается, или, какъ говорятъ, полощется въ водѣ, находящейся въ домѣ и тѣмъ оскверняетъ ее. Напившійся той воды въ скоромъ времени умираетъ, вслѣдствіе чего, передъ смертью больнаго, домашніе выливаютъ всю воду на дворъ и самые сосуды, въ которыхъ была вода, перевертываютъ вверхъ дномъ.

Душа умершаго до 9-ти дней вполнѣ не разлучается съ тѣломъ, а лишь замираетъ и только чрезъ 9-ть дней совсѣмъ оставляетъ тѣло. Если покойникъ былъ хорошей жизни, тѣло его гніетъ и онъ того не чувствуетъ, а если плохой, — онъ чувствуетъ, какъ гніетъ его тѣло. Люди злые, какъ-то: знахари, чародѣи, утопленники, удавленники, а также и богачи послѣ смерти остаются на землѣ до тѣхъ поръ, пока внутренности ихъ не сгніютъ. Потомъ дьяволъ входитъ въ ихъ трупы и они начинаютъ ходить по домамъ.

Что дѣлаютъ злые люди-покойники, блуждая ночью по домамъ?

Вѣрятъ, что покойники дышатъ (хухукаютъ) ночью надъ дѣтьми, отъ чего дѣти скоропостижно умираютъ. Не даромъ же, говорятъ, часто умираютъ дѣти. Пугаютъ часто ночью живыхъ по домамъ, иногда до полусмерти, убиваютъ животныхъ и даже людей, которые дѣлаются послѣ смерти черными.

Противъ этого предпринимаются слѣдующія мѣры: Избираютъ какой либо день и собираются всѣ женщины въ одну хату. Ночью прядутъ нитки, снуютъ, ткутъ кросна и такимъ образомъ за одну ночь получаютъ холстъ, чрезъ который женщины, имѣющія дѣтей, переходятъ по три раза; потомъ всѣ выносятъ его за село и закапываютъ вблизи креста. Съ этого времени, покойники, перестаютъ дышать надъ дѣтьми.

Противъ хожденія мертвецовъ употребляютъ и такую мѣру. Хозяинъ того дома, куда повадится ходить мертвецъ, высыпаетъ дорогу отъ самаго дома до кладбища макомъ, а также вокругъ могилы, только не обыкновеннымъ, а самосѣянцемъ и при томъ освященнымъ, потому что чародѣи боятся маку.

Вечеромъ зажигаютъ громничную свѣчу (свѣчу освященную въ праздникъ Срѣтенія Господня 2 февраля) предъ тѣмъ окномъ, мимо котораго ходитъ мертвецъ.

Рай и адъ. Рай—мѣсто блаженства для людей хорошихъ, адъ—для грѣшныхъ. Блаженство будетъ состоять въ томъ, что человѣкъ ни въ чемъ не будетъ нуждаться и не будетъ имѣть заботъ. Злые люди будутъ вѣчно въ огнѣ и кипящей смолѣ. Рай на небѣ, адъ подъ землею, гдѣ теперь мучатся нечистые духи. Въ адъ пойдутъ всѣ чародѣи, колдуны и другіе злые люди, которые будутъ во власти нечистаго духа.

Тайны религіозныя понятія простолюдина о загробной жизни, безумны его суевѣрія о душѣ и связи ея съ тѣломъ. И не удивительно, если по своей неразвитости онъ не можетъ вѣрно понять факта изъ міра, видимаго, его окружающаго, то тѣмъ болѣе не доступны его пониманію умозрительныя истины или отвлеченные предметы. Спросите его, какъ онъ представляетъ душу, для чего человѣкъ живетъ на землѣ, что будетъ съ нимъ послѣ смерти и вы услышите отъ него равнодушный отвѣтъ: «мы люди темные, откуда намъ знать про гэто; Богъ відае». Но при всемъ поразительномъ невѣжествѣ, при всей массѣ его суевѣрій, въ душѣ его теплится искра истины, какъ блуждающій огонекъ среди непроницаемой тьмы; это во-первыхъ — вѣра въ безсмертіе души и во-вторыхъ—награда за добрыя и наказаніе за худыя дѣла послѣ смерти.

СЛОВАРЬ

къ пѣснямъ, загадкамъ и пословицамъ.

Вайдаринка—мѣсто, заросшее можжевельникомъ.

Байракъ — мѣсто, заросшее бурьяномъ; также: дурной человѣкъ; зват. пад. байраче.

Баляска—лѣстница.

Банкотъ—пиръ.

Барвинки (Vinca maior) — любимые цвѣты крестьянскихъ дѣвушекъ.

Барилка—боченокъ.

Бачиты—видѣть.

Бизунъ—плеть, кнутъ.

Бо—ибо, потому что.

Бодай — пускай, или вѣрнѣе: Богъ дай. Слово это двусоставное: Богъ дай, въ разговорѣ сокращается: Бодай, подобно тому, какъ великорусское слово „Спаси Богъ" сокращается въ „Спасибо".

Бодякъ—колючее растеніе.

Борониты — боронить, стар. запрещать, охранять. „А князь великій хочетъ васъ отъ Новагорода боронити" (Полн. Собр. Русск. лѣтописей. III, 98).

Бортникъ — старорусс. сл., происходитъ отъ слова борть, что значитъ пустота, выдолбленная въ стоячемъ лѣсомъ деревѣ для содержанія пчелъ; отсюда Бортникъ—человѣкъ, присматривающій за бортями, держащій борти. „Далъ азъ князь Юрьи Дмитріевичъ отцу своему... Савѣ бортника" (Акты истор. 24).

Ботігъ, батогъ—стар., толстый прутъ.

Боты—сапоги.

Брама, брамонька, стар. брана—ворота. „Водрузи крестъ недалече нынѣшней браны" (Полн. Собр. Русск. лѣтоп. II, 251).

Бруковый—каменный.

Будоваты — строить. Стар. будà—склепъ, хижина въ лѣсу.

Буяты—слав. слово буяти—буйствовать, бѣситься.

Быль—трава, былинка.

Вага—тяжесть, скорбь.

Вартоньки—сторожа, караульщики.

Варьятка — безумная, умопомѣшанная.

Вбогый—бѣдный.

Вельми—церк. весьма, очень.

Веселле—свадьба.

Вечеря — церк. ужинъ. „Человѣкъ нѣкій сотвори вечерю велію" (Лук. 14, 16).

Вечеряты — церк. ужинать. „Мужіе праведніи да вечеряютъ съ тобою". (Сир. 9, 21).

Вкупѣ—церк. вмѣстѣ. „Князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его." (Дѣян. 4, 26).

Волоточка—вѣточка.

Ворогъ—стар. врагъ.

Вороньки—овражки.

Вуи—вои, воины, вообще войско. „На немже аще мѣстѣ воя соберутъ, не иди тамо." Притч. 4, 15. „О всѣхъ болярѣхъ и восхъ... Госпо-

ду помолимся.“ Акт. Арх. экспед. II, 4.
Вхопиты—схватить.
Выбачиты—упустить изъ очей, т. е. не смотрѣть, не обращать вниманія, извинять.
Выражаты—выправлять, сбирать въ дорогу.
Вытяты—высѣчь, вырубить. Дай *вытяли* огню.
Вѣдати—знать.
Гадаты—гадати, старорус. слово—совѣщаться.
Гай—церк. роща. „И изсѣче Аса гай ея“ (3 Цар. 25,3).
Ганокъ—крыльцо.
Гарнецъ — посудина для сыпучихъ или жидкихъ тѣлъ; часто дѣлается изъ металла, вмѣщаетъ въ себѣ $^1/_4$ ведра или $^1/_8$ четверика.
Гибаньечко—поклоны.
Гинуты—пропадать.
Годе, годэ, годы—довольно.
Годоваты—воспитывать, ростить.
Годына, годыночка—слав. и стар.—время, часъ, пора. „Азъ тя соблюду отъ годины искушенія“ (Апок. 3, 10).
Гомониты—говорить.
Гона—извѣстная мѣра пахотной земли въ длину.
Ораты—орать слав. сл.—пахать. „И всякая гора оремая возорется“ (Исаія 7, 25).
Гореваты—жить.
Горѣе-й, церк.—хуже. „Не буди искушая духа Господня, да не горѣе тебѣ что будетъ“ (Прол. сент. 1).
Господаръ—хозяинъ.
Готоваты—варить, приготовлять.
Гребля—плотина, насыпь.
Грудочекъ—возвышенное мѣсто, холмикъ.
Гукнуты—крикнуть громко.
Дахъ—крыша, кровля.
Деку Богу—благодарю Бога.
Дерень—дерево.
Динковаты—благодарить.
До житья—до смерти.
Долонь — то же, что длань — церк. слав. ладонь.
Доня—дочь.
Дочекаты—дождать.
Дротевый, дротэной—проволочный.
Друкъ—колъ.
Дружина, церк. слав.—супруга, жена.
Дыль—потолокъ.
Дѣ—гдѣ.
Дѣяты, сл. слово—дѣлать, совершать.
Единокій—стар. одинъ.
Жадаты—желать.
Жаловаты—понимать скорбь, помогать.
Жаль—скука, печаль, сожалѣніе.
Жемчуръ—жемчугъ.
Женуты, поженуты, церковно-слав.—гнать, погонять, преслѣдовать. Псалмы: 17 ст. 38, 33 ст. 15, 70 ст. 11.
Женцы—жнеи.
Жертвованне—игра, шутки.
Жироваты, церк. и стар.—настись, пресыщаться. „Сего ради... не чревомъ жирующе, но духомъ играюще“ (Прол. февр. 2).
Жменя, отъ слова жмать—горсть.
Жовна—желна.
Жона, жена, церк.—женщина.
Жупанъ—верхняя одежда.
Журба—печаль, тоска.
Заволока—потаскуха.
Зажуриться — заскучать, закручиниться, загрустить.
Започинуты—стар. отдохнуть.
Заселытыса, засилитыса—повѣситься, удавиться, славянск. сл. отъ корня *осило*—подвижная петля; засилитися—быть удавлену петлею.
Збанъ—кувшинъ.
Звестысь—вернуться: моя головонька до дівчатъ нэ зведетца.
Зовзуля, стар. зегзига—кукушка.
Зилле—зеліе, стар. быліе или злакъ, произрастаніе, употребляемое въ пищу или лѣкарство. „Изнемогаяй зеліе да ястъ“. (Римл. 14, 2).

Зирнуты—взглянуть.
Злякаты—испугать.
Змарноватысь—потерять силу, захирѣть.
Зозулька—кукушка.
Зореньки—здѣздочки.
Зорка—звѣзда.
Зробыты—сробить, сдѣлать. Робить происх. отъ церковнослав. сл.—робъ или рабъ; отсюда образовался глаголъ робити или работати—дѣлать.
Зрынатысь (рѣяться) стар. стремиться, бросаться. „Кони ихъ начаша рѣятись въ воды, въ болоты и въ лѣсы." (Ник. лѣт.).
Зулле—сила, мочь.

Израдонька—израда, стар. измѣна, обманъ. „Братія подъ нимъ израду учиниви." (Ник. лѣт. V, 12.)
Изрѣяты, церк. — извергать, выкидывать. „Ихъ же изрыну Богъ отъ лица отецъ." (Дѣян. 7, 45).
Инша—иная.

Кадукъ—діаволъ, бѣсъ.
Калита стар.—мѣшокъ, сумка. „И для того доведется пушкарю огонь съ снастью въ своей калитѣ носить." (Ратн. Уст. 1, 100).
Кара—наказаніе.
Караты—наказывать.
Карта—письмо.
Качки—утки.
Кишеня—карманъ.
Кій, стар.—дубина, палка, посохъ.
Ключека—ключица — дужка, которую прикрѣпляютъ къ потолку и на ней вѣшаютъ колыбель.
Колысочка—стар. качель, колыбель.
Комара—масса комаровъ, которыми въ высшей степени богатъ Пинскій у., по случаю болотистаго положенія.
Комора, стар.—покой, комната.
Кончутокъ—плеть, кнутъ.
Копица или копа сжатаго хлѣба—то же, что въ Великоруссіи копна. Въ копицѣ 60 сноповъ, тогда какъ въ копѣ 52.
Коплунъ, каплунъ—стар. кладеный пѣтухъ.
Корыстонька—отъ сл. корысть, церк. польза, прибыль. „Егда же крѣплѣй его нашедъ, побѣдитъ его, все оружіе его возьметъ, на неже уповаша и корысть его раздаетъ". (Лук., II, 22).
Котъра, древнеслав. форма—которая.
Кохаты—любить.
Кошуля—рубаха.
Кпытысь—насмѣхаться.
Крамевной—кремнистый.
Красота—цвѣты. Пойду въ красоту—значитъ—пойду въ поле за цвѣтами.
Красочка—цвѣтокъ.
Криница — родникъ, или ключевая вода. Мы полагаемъ, что *криница* одного корня съ славянск. словомъ *кринъ*—растеніе, цвѣтъ лилія. Какъ кринъ долго цвѣтетъ, такъ равно ключевая вода, постоянно находясь въ движеніи и не замерзая, отдѣляетъ отъ себя пары и кака бы живетъ, цвѣтетъ. Недаромъ существуетъ у пинчуковъ пословица относительно воды слѣдующая: и чистэ хорошэе цѣло літо цвітэ, а насіння нэма (Родникъ, ключевая вода).
Крій Боже—не дай Боже, или храни Боже.
Крошки (крохи) (трахи)—немного.
Крыжикъ—крижикъ—крестикъ.
Купина, церк. слав.—терновый кустъ. „Видитъ, яко купина горитъ огнемъ, купина же не сгораша". (Ист. 3, 2).
Ладыкы—владыки, архіереи.
Летаренька—фонарь.
Листы—письма.
Лодъ—ледъ. (На лолу).
Лой, церк. и стар. — тукъ, жиръ, сало. „Въ конобь вверженъ бысть, смолы и лоя исполненъ" (Прол. іюля 28).

Лыкъ или ликъ — счетъ; личить, или приводить что-либо въ извѣстность, опредѣлять, дѣлать чему-либо видъ. Значитъ, это слово тожественно съ церк.-слав. словомъ ликъ—лицо, видъ.

Лынь—лети.

Лысый—(о животномъ)—съ бѣлымъ пятномъ на лбу.

Лѣпшь, лѣпшій—стар. лучшій, лепше—лучше. „И посла лѣпшія мужи ко цареви". (Нестор. по Радз. списку. 64).

Лэнэ—летитъ.

Лэшки—лѣха, церк.—гряда, рядъ. „И возлегоша на лѣхи по сту и по пятидесятъ". (Марк. 6, 40).

Люлиты—ласкать, любить.

Лядакій—пустой, нехорошій.

Лядащица—худой человѣкъ.

Лядъ—стар. несчастіе, неудача.

Майданъ—сборный пунктъ.

Майстыръ—монастырь.

Малованый—раскрашенный.

Марне—попусту, напрасно.

Месензовый—мѣдный.

Місто, мѣсто—городъ.

Міхъ, мѣхъ — церк.-слав. кожаный мѣшокъ для вмѣстимости жидкихъ и сыпучихъ веществъ. „Вино новое въ мѣхи новы вливаютъ" (Марк. 11, 22).

Міцно отъ церк.-слав. мощно—крѣпко, сильно.

Млынъ, стар.—мельница, мельничный жерновъ.

Мова—разговоръ, языкъ.

На вроду — на дородность, на красоту.

На жалостяхъ—на печаль, горе.

Назолушка, назола, старорусск.—докука, досада. Въ назолу—въ видѣ нарѣчія въ досаду, на зло. „Смѣясь мнѣ дѣвушки въ назолу, пѣняли, что жъ не мелешь, дѣдъ". (Держ.).

Насмыхъ—насмѣялся.

Налынуты—налетѣть.

Намовляты—подговаривать.

Нанайлѣпшій—отъ стар. лѣпшій—лучшій. „И посла лѣпшія мужи ко цареви". (Нестор. по Радзив. списку 64).

Наополъ—пополамъ смѣшанное.

Напасныкъ (напастникъ)—наносящій несчастіе, бѣду, злополучіе.

На пересадъ садиты — наперекоръ дѣлать.

На полу—въ полѣ.

Нарешты—напослѣдокъ, вконцѣ.

Насінне, насінанне—сѣмена.

Нахопитысь—очутиться живымъ, появиться, подойдти.

Небого—бѣдняжка.

Небощикъ—покойникъ.

Не вартъ—не стоишь, не достоинъ.

Невдашечка—неудалая.

Невіста—невѣста, сноха. „Пріидохъ бо разлучити человѣка на отца своего и дочерь на матерь свою и невѣсту на свекровь свою". (Матө. 10, 35).

Недуговаты—болѣть, сл. слово.

Недужный—больной. „Мазаху маслом многи недужныя и исцѣлеваху". (Марк. 6, 13).

Неділя—воскресный день.

Не кы, не кажи—не говори.

Несбыточный — не заурядный, несбыточный.

Нэбога—несчастная.

Нэлося—досталося, случилось.

Нэхай—пусть.

Нятысь (нялася)—отъ корня яты—заняты, понять, взять, нялося—досталось.

Обгурняты — обгорнять стар. окружать, обнимать, одѣвать. „Обгорненъ бысть отъ всѣхъ странъ множествомъ ратныхъ". (Полн. собр. Русск. лѣтоп. II, 315).

Оболонечка—форточка.

Обора—стар. защита, оборона. Мѣсто огороженное жердями на дворѣ, гдѣ лѣтомъ ночуетъ скотъ.

Оборонытн—защитить.

Обрусъ или убрусъ, церк. и стар.—

платъ, полотенце. „Лице его убрусомъ обязано“ (Іоан. 11, 44). „А кто дочерь даетъ за мужъ, и онъ волостелю даетъ за новоженный убрусъ 4 деньги“. (Акты Археогр. Экспед. 1, 115).
Околычный—окрестный.
Окренты—корабли.
Ометье, отъ ометъ, церк.—края въ чемъ-либо; при вѣяніи въ хлѣбѣ пустые колосья.
Оно—употребляется въ смыслѣ «такъ что» или «только».
Опырати, церк. и стар.—выжимать, попирать ногами, мыть. „Аще кто (изъ монаховъ) опираетъ или свою, или другаго ризу“. (Кормч. II, 290).
Оробки—воробьи.
Осотъ—колючее растеніе.
Остенчикъ, слав. сл.—рожонъ, остроконечная палка, которою погоняютъ воловъ. „Якоже бичъ коню и остенъ ослу, тако жезлъ языку законопрестунному“. (Притч. 26, 3).
Острожки—шипы въ подковахъ.
Отруиты—отравить.
Отчиниты—отворить.
Очапокъ—оченокъ—шнурокъ, привязанный къ колыбели, за который качаютъ колыбель.
Паланица—пирогъ.
Палиты—жечь, подвергать огню.
Пастернакъ—народное растеніе.
Пахаль—пахарь.
Пàша—пастбище.
Пашныца—хлѣбъ.
Переважиты—пересилить.
Перловый—жемчужный.
Перньшъ—перина.
Питомый—слав. тучный, изобильный, насыщенный.
Повітка—навѣсъ, сдѣланный на дворѣ, гдѣ хранятся зимнія и лѣтнія повозки, дрова и т. п. (повѣть Ѳ. И.).
Повужичокъ—кучеръ.
Погубыты—потерять.
Погуршѣть, погоршѣть, отъ слова горшій—худшій. Погоршѣло, похудшѣло, сдѣлалось хуже.
Подывытысь—посмотрѣть.
По заслонейку—на лавкахъ.
По застольейку—за столомъ.
Позираты, позирать — стар. посматривать.
Покутье—почетный уголъ подъ образами.
Поленули — полетѣли.
Половый,—стар. изжелта-бѣлый или темносѣрый цвѣтъ. „Взыде туча полова, аки грозна“. (Ник. лѣт. V, 286).
Полэ—Пинчуки все, что лежитъ за Пинскимъ уѣздомъ, называютъ полемъ, въ противоположность Полѣсью.
Помалюваты—покрасить.
Помандруваты,—поплясать.
Попсоватысь—испортиться.
Порада—совѣтъ.
Порадонька, порада—сила, совѣтъ; отъ стар. порадити или радити, распоряжаться, управлять, совѣтовать. „Пасти и радити и пещися всѣми церквами“. Акт. Истор. 1,74.
Пороша—свѣжій снѣгъ.
Посагъ—приданое.
Постолочки — лапти (крестьянская обувь изъ лыкъ).
Потруиты—отравить.
Потрушоный—отрясенный.
Потылица—затылокъ. Это слово одного корня съ затылкомъ: по—*тыл* (корень), ица — окончаніе; за—*тыл* (корень), окъ — окончаніе. Префиксы *по* и *за* имѣютъ одно и то же значеніе: за тыломъ или по тылѣ—послѣ тыла.
Поурочить—происходитъ отъ слова очи, старорусск.—испортить кого, повредить кому завистливымъ взглядомъ или недоброжелательною похвалою, сглазить.
Поховаты—похоронить.
Поховица, паховица—подмышка, отъ

слова пахъ подъ рукой; отсюда распахнуться, нараспашку.
Принадэнка—приманка.
Принамнэ—по крайней мѣрѣ.
Притолычный—сосѣдній.
Прокива—кропива.
Прохаты—просить.
Прочиниты—отворить.
Псоваты—портить.
Пташокъ—птахъ—славянск. и старорусск. птица. „Княже, птахомъ не можешь перелетѣти“. (Исторія Карамзина III).
Пути—оковы, кандалы.
Пырнаты, пернаты—перина.
Пятица—пятеро.

Разважаты—отъ сл. вага—тяжесть, разважать — значить дѣлать легкимъ, утѣшать.
Разгорнуты—разсыпать.
Размай (розмаринъ) трава.
Размова—разговоръ, бесѣда, отъ слова молвить—сказать, произнести слово.
Ратоваты—церк. и стар.—воевать, охранять, защищать, спасать.
Роготаты—смѣяться громко.
Роля, то же что ролья—стар. пашня. „Хочетъ погубити смерды и ролю имъ отъяти“ (Нестор. лѣт. 168).
Ротай, стар.—земледѣлецъ. „Тогда по русской землѣ рѣтко ратаевѣ кикахуть“ (Слово о Полку Игоревѣ).
Рубежи—рубцы.
Рубэль—жердь, которою прижимаютъ сѣно на возу или хлѣбъ въ снопахъ.
Рудый—рыжій.
Рѣяти—церк. отталкивать, отбрасывать, всплывать (білы камень на верхъ нэ рыне).
Рятязи — рятези слав. сл. — цѣпь. „Изыдоша р звовъ въ златыхъ рятезѣхъ“ (Житіе Александра Македонск.).

Сваритысь — церк.-слав. ссориться, имѣть гнѣвъ. „Рабу Господню не подобаетъ сваритися“. (1 Тимоѳ. 11, 24).
Сварка, свара—церк. ссора, побранка. „Свара твоя и вражда твоя не отступитъ“. (Притч. 25, 10).
Свирень—холодная постройка на дворѣ, въ родѣ кладовой.
Свита, церк. простая одежда, на рубашку надѣваемая. „Совлекъ свиту свою, даде нищему“. (Чет. Мин. Янв. 10, 2).
Своволить—своевольничать.
Свѣтаньечкомъ—утромъ, на разсвѣтѣ.
Святковаты—праздновать.
Селезнечки, отъ шелегъ—мелкая монета, въ грошѣ 2 шелега.
Скрыня—сундукъ. Это слово стар. „Вложи убрусъ со огнемъ въ скрыню и помалѣ возгорѣся“ (собр. Русск. Лѣт. II, 365). Въ этомъ словѣ *ына* окончаніе, подобно тому, какъ въ словахъ дубина, долина, скотина; начальный свукъ *с* префиксъ; корень этого слова *кр*; прибавивъ къ нему форму неокончательнаго наклоненія *ти* съ соединительною гласною *и*, будетъ кри-ти, а съ префиксомъ скрыти. Такимъ образомъ выясняется, что скрыня—сундукъ или мѣсто для скрыванія, храненія домашняго имущества.
Сніданне—завтракъ. Слав. снидати—съѣдать, употреблять въ пищу. „Горе вамъ, яко снѣдаете домы вдовицъ“ (Матѳ. 23, 14).
Сокира, сѣкира—топоръ, церк. „Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ.“ (Лук. 3, 9).
Сонэйко—солнце.
Спижаронька, спижарня—кладовая.
Сподобаты — сподобляться — церк. слав. — удостаиваться, нравиться.
Сподобный—достойный, любимый.
Споткатысь—встрѣтиться.
Спытати, пытати—стар. развѣдывать, узнавать. „Писцы, господине, насъ о томъ пытали, а того не обыскивали“ (Акт. Юр. 9).

Стаенка—конюшня.
Станочекъ—остатокъ.
Стодола—сарай для лошадей.
Стойня—конюшня.
Стреминка—лѣстница.
Стріжка, стрѣжка, отъ стрѣха—стар. кровля, крыша. „Возмѣташа на стрѣхи, яко да птицы ѣдятъ". (Ламонарь, сирѣчь цвѣтникъ Софронія, патр. іерус., стр. 15).
Судиты, стар. присуждать. „Какъ неводы привезутъ въ монастырь и вамъ по цѣнѣ, чего судятъ, деньги заплатить." (Акт. истор. 1, 74).
Суловаты—судить, думать. (Сомнѣваться).
Своваты—скрывать, спрятать.
Схылиты—погнуться.
Тернъ, церк.-слав.—всякое колючее растеніе. „Тернія и волчцы возраститъ тебѣ" (Быт. III, 18).
Тканочка—юбка.
Тнуты, тнити, церк.—разрушать, рубить, сѣчь. „Истню я, яко прахъ". (Псал. 17, 43).
Табула—доска, лавка.
Тра вм. треба—нужно, потребно.
Триматы или стриматы—держать; отсюда, вѣроятно, слово стремя—приборъ служащій для поддержанія всадника на сѣдлѣ.
Труна, Трунка—гробъ.
Туга, церковно-слав. и старорус. — стѣсненіе сердца, скорбь, печаль. „Отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами". (2 Кор. 11, 4). „Туга и тоска сыну Глѣбову." (Слово о полку Игор.).
Тычина—заостренный шестикъ.
Убогій, церк.—бѣдный. „Блаженъ разумѣваяй на нища и убога". (Псал. 40, 2).
Удодъ—птица (Upupa epops).
Урода—дородность, красота.
Утекаты, церк. и стар. „Убѣгшыя, яже устрекоша къ царю Вавилонску". (Іер. 39, 9). „И велѣли его (нагого) беречи, чтобы не утекъ" (Акты Истор. 1, 428).
Учепитысь—вязаться.
Фарбованы—крашеный.
Хворакъ—болячка.
Хмара или хмура—стар. пасмурная туча.
Ховаты—прятать, хоронить, погребать.
Хортики—ловчія суки. „Ловчій на сворѣ хорты къ государю подводитъ". Акт. Ист. II, 424.
Хортъ—старус. ловчій песъ.
Худоба—скотъ, имущество,
Хыба—развѣ, можетъ быть.
Цуратысь—чуждаться.
Цымбалы — музыкальный инструментъ.
Чароваты, церк.—производить чары, волшебствовать, колдовать. „Да не обрящется въ тебѣ очищая сына своего и дщерь свою огнемъ, волхвуя волхвованіемъ и чаруяй". (Второз. 28, 10).
Чекаты—ожидать.
Челядь—церк. и стар. слуги. „Вѣрный строитель и мудрый, его же постави Господь надъ челядію своею". (Лук. 12, 42).
Чемерь, сл. слово—ядъ. Чемерица—ядовитое растеніе.
Чепочка см. очепочка.
Червоный слов. отъ слова *чермный*—темнокрасный, багровый; отсюда червонецъ—золотая монета. „Одѣяши его хламидою червоною" (Матѳ. 27, 28).
Черетыця, черетъ—болотная высокая трава.
Честоваты—церк. оказывать почтеніе, а отсюда угощать.
Чиниты—стар. производить порядокъ, дѣлать, пополнять.
Чинтокора—поясъ.
Чоботы—простонародная обувь.
Човенъ—челнокъ.
Чуженя—чужбина, чужая сторона.
Чути, зачути—узнавать, слышать.

Шаленый—умопомѣшанный.

Шановаты—почитать, уважать.

Шкляночка—стаканчикъ.

Шлюбойко — шлюбъ — бракъ, вѣнчаніе.

Шляшокъ, шляхъ — стар. дорога, трактъ. „На Бокаевѣ шляху въ городѣхъ стоятъ бояря и воеводы". (Акт. Арх. Экс. IV, 269).

Штыры—четыре.

Шукаты—искать, розыскивать.

Щинальничекъ—запѣвало.

Щирость—доброта.

Щирый, стар. — настоящій, точный, истинный.

Юшечка—ушица.

Яремъ, слав сл.—родъ хомута, надѣваемаго на шею рабочаго животнаго.

Ярый стар. сл.—склонный къ гнѣву. Ярый воскъ, значитъ бѣлый, самый чистый воскъ; ярыя пчелы—значитъ молодыя послѣ роенія пчелы.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.		Строка.		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
9	—	4	снизу:	пареню	перстеню
22	—	5	›	журавель	жукъ
26	—	14	сверху:	За	Зъ
32	—	18	›	возыльнички	возыльнычки
›	—	21	›	молотыльнички	молотыльнычки
33	—	5	›	сидить	сидыть
36	—	4	снизу:	да юбранаго	дай убранаго
›	—	8	›	да ёвошечку	дай окошечку
39	—	10	сверху:	ходить	ходыть
›	—	›	›	витры	вітры
›	—	11	›	звіяли	звіялы
43	—	1	снизу:	берестечку	Берестечку
47	—	10	сверху:	шолкомъ	шовкомъ
49	—	3	›	пшеницы	пшеныцы
›	—	4	›	пашницы	пашныцы
51	—	6	›	вареничкя,	варенычки,
59	—	14	›	ни	нэ
62	—	11	снизу:	отдали	отдалы
›	—	12	›	посѣкли	посѣклы
81	—	7	сверху:	ожову	оживу
82	—	12	снизу:	нидѣлюшки	неділюшки
91	—	2	›	да	за
96	—	3	сверху: }	имѣтца,	йметца,
112	—	7	› }		
99	—	5	снизу:	вдырывса	вдарывса
102	—	11	сверху:	на на радостяхъ	на радостяхъ
›	—	11	снизу:	перечку	перечка
104	—	8	›	кончучокъ	кончутокъ
108	—	16	›	поза-печу	по-за-печку
115	—	13	сверху:	бый	бій
117	—	3	›	Гіркый	Гірка
120	—	7	›	гладайте,	глядайте,
125	—	13	снизу:	міла,	мала,
138	—	1	сверху:	вэ	нэ
151	—	9	снизу:	паписавъ	написавъ
155	—	8	сверху:	Отъ того-то	Оттого-то
159	—	6	›	народовъ	народовъ,
162	—	11	снизу:	своими	своима